

№ 1-2 (81)

2019

Ж У Р Н А Л

Э Т О В

Д О О С

«Поэзия – вершина бытия»

Константин
Кедров

ДООС – добровольное общество охраны стрекоз

21 марта 2000 г. 1-й Всемирный День поэзии ЮНЕСКО

МОСКОВСКИЙ ТЕАТР
 НА ТАГАНКЕ
 под руководством
 Юрия ЛЮБИМОВА

Московская
 Ассоциация
 Поэтов
ФИПА
 (ЮНЕСКО)
 празднуют
**Всемирный День
 Поэзии и Весеннего Равноденствия
 21 марта 2000 года**

"ТЫ ВСЕ ПЕЛА? ЭТО-ДЕЛО!"

Действующие лица:
 Вергилий и Данте - Юрий Любимов
 ДООС
 (Добровольное Общество Охраны Стрекоз)
 Стрекозавр - Андрей Вознесенский
 Стихозавр - Константин Кедров
 Libellula - Елена Кацуба
 Алина Витухновская
 Михаил Бузник

Юрий Любимов и Константин Кедров разрабатывают стратегию вечера

Андрей Вознесенский, Юрий Любимов, Константин Кедров перед выходом на сцену

Елена Кацуба на сцене Таганки

Михаил Бузник - один из инициаторов вечера

КОМИССИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ДЕЛАМ ЮНЕСКО
 COMMISSION DE LA FEDERATION DE RUSSIE POUR L'UNESCO
 COMMISSION OF THE RUSSIAN FEDERATION FOR UNESCO

Секретариат Комиссии
 121240, Москва, Г-200
 Спасскокая-Сенная площадь,
 200/12-14, корпус 1

Secretariat of the Commission
 121240 Smolenskaya-Sennaya pl.
 Entrance 1
 Moscow, 121240 G-200

Secretariat of the Commission
 121240 Smolenskaya-Sennaya pl.
 Entrance 1
 Moscow, 121240 G-200

№ 186 / 2000

27. март 2000

ПРЕЗИДЕНТУ МОСКОВСКОЙ
 АССОЦИАЦИИ ПОЭТОВ
 К.А. КЕДРОВУ

Глубокоуважаемый Константин Александрович,

От имени Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО выражаю Вам искреннюю благодарность за организацию и проведение 21 марта в Московском театре на Таганке торжественного вечера по случаю Международного дня поэзии.

Успех вечера, подготовленного в столь сжатые сроки, широкой резонанс, который получило это мероприятие, позволяет говорить о том, что основа традиции празднования в России Международного дня поэзии заложена.

Надеемся, что работа по расширению масштаба этой акции с помощью Московской Ассоциации поэтов будет продолжена, и в последующие годы день 21 марта станет таким же любимым всеми нами, как и 6 июня, «Пушкинский день», который мы по праву называем российским национальным праздником поэзии.

С искренней благодарностью

И.О. ОТВЕТСТВЕННОГО СЕКРЕТАРЯ
 КОМИССИИ

Б.БОРИСОВ

Телефонный адрес:
 Москва-ЮНЕСКОКОМ
 Телефон: 244-25-36
 Телефон: 244-25-26
 Телекс: 411584 MFAC RU

Adresse telegraphique:
 Moscow-UNESCOCOM
 Tel.: 244-25-36
 Fax: 244-25-26
 Telex: 411584 MFAC RU

Cable address:
 Moscow-UNESCOCOM
 Tel.: 244-25-36
 Fax: 244-25-26
 Telex: 411584 MFAC RU

На вершину взбирались

Москва, Сидней, Казань, Курск, Санкт-Петербург, Галле, Пекин, Калининград, Женева, Лейпциг, Чикаго, Ижевск, Париж, Кыштым, Нью-Йорк, Новокузнецк, Вена, Александрия (США), Братск, Полоцк, Лондон, Одесса, Калуга, Красноярск, Нижневартовск, Северодвинск, Новый Уренгой, Улан-Удэ, Отрадный, Тюмень, Бад-Зоден, Ярославль, Улан-Батор, Самара, Тихвин, Майорка, Смоленск, Кострома, Баку

2-3-4-5

Константин Кедров
6
Татьяна Бонч-Осмоловская
Михаил Горбунов
7
Лоренс Блинов
8
Елена Кацюба
Нестор Поварнин
9
Александр Бубнов
Галина Мальцева
10-11
Иван Чудасов
Сергей Бирюков
12-13-14-15
Елена Пахомова
Константин Кедров
Эдуард Трескин
Алексей Чуланский
Владимир Делба
Анна Ильина-Цабадзе
Инна Ряховская
Елена Ткачевская
Александр Гурьянов
16-17
Маргарита Аль
Александр В.Бубнов
Сунь Юэ
18-19
Геннадий Юшко
Константин Кедров
Вероника Юстратова
Ирина Вервай
20
Хайке Фидлер
21-22
Любовь Красавина
Петр Казарновский
23
Сергей Нещеретов
Елена Кацюба
24
Галина Мальцева
Герман Гецевич
Юрий Метёлкин
25
Евгений Степанов
Лена Де Винне

26

Вячеслав Куприянов
Андрей Вradий
27
Михаил Рахунов
Игорь Крестьянинов
28-29
Кира Сапгир
Анатолий Брусилловский
Александр Петрушкин
Кристина Зейтунян-Белоус
30
Чарльз Бернстин
Ян Пробштейн
Галина Мальцева
Александр Гумённый
31
Александр Карпенко
Александр Лысенко
32-33-34-35-36-37
Константин Емельянов
Владимир Монахов
Федор Монахов
Александр Раткевич
38
Рифат Гумеров
39
Лидия Григорьева
Олег Епифанов
40-41-42
Андрей Никитин
Станислав Колчин
43
Ольга Ильницкая
Максим Корепанов
Кристина Зейтунян-Белоус
44-45
Эдуард Трескин
46
Николай Еремин
Дарья Корнилова
47
Марина Александрова
Дмитрий Панчук
Владимир Миодушевский
48-49
Эльдар Ахадов
Кристина Зейтунян-Белоус
Аркадий Перенов
Татьяна Теребинова

50

Анна Гальберштадт
Моргана Руднева
Михаил Гардубей
51
Владимир Спектор
София Максимычева
52-53
Хадаа Сендоо
Елена Кацюба
Сергей Нещеретов
Герман Гецевич
Татьяна Бонч-Осмоловская
Александр Карпенко
54-55
Владимир Александров
Максим Маренков
Кристина Зейтунян-Белоус
56
Александр Лысенко
Галина Смелова
57
Виктор Клыков
Сергей Тенятников
58
Юрий Рыбчинский
Александр Лысенко
59
Ольга Борисова
Галина Свинцова
Александр Лысенко
60
Лилия Агадулина
Владимир Миодушевский
61-62
Юрий Москалёв
63
Игорь Балюк
Зинаида Варлыгина
64
Как стать участником
фестиваля ЛиФФт-2019
2-я страница обложки
1-й Всемирный день поэзии
ЮНЕСКО в Театре Юрия
Любимова на Таганке
3-я страница обложки
20-й Всемирный день поэзии
ЮНЕСКО в Галерее А 3

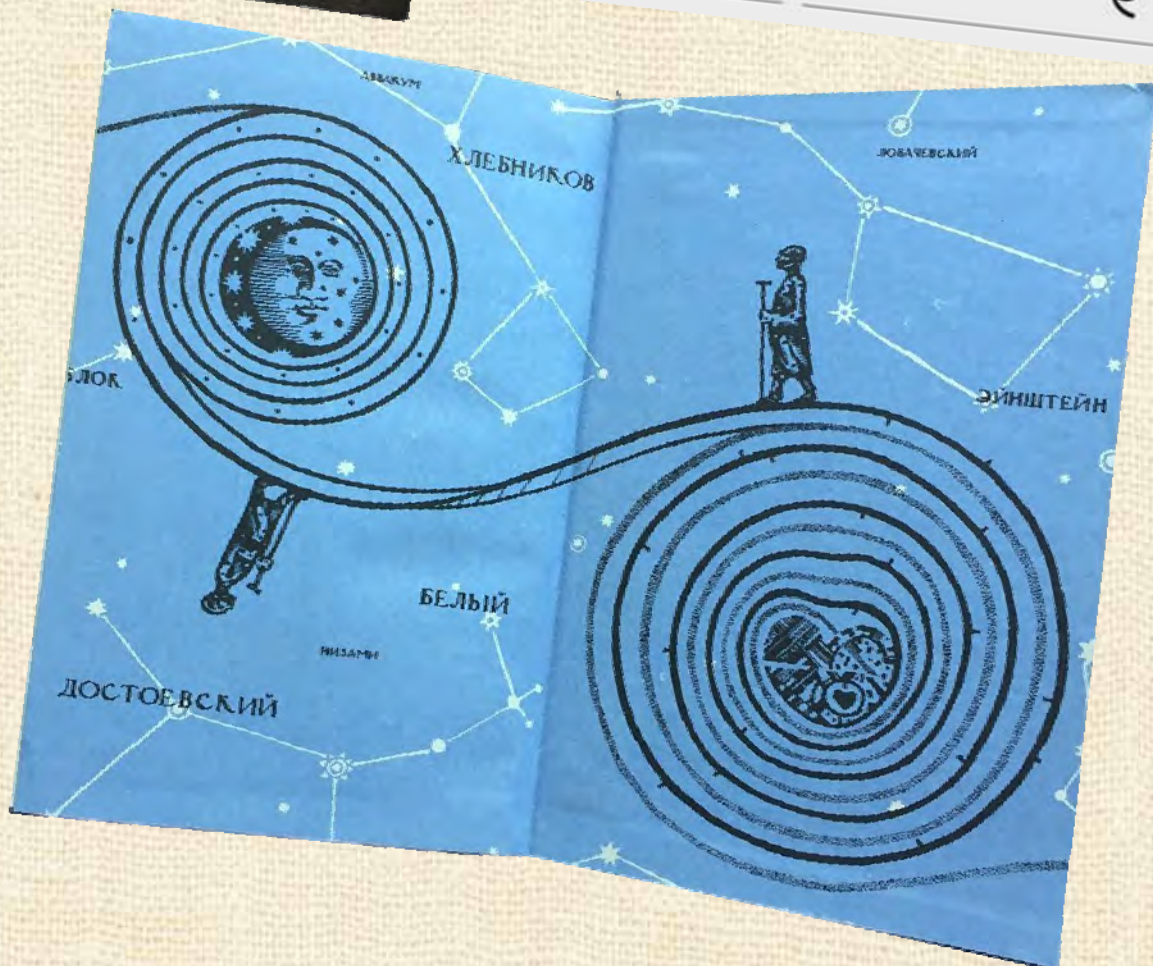
30 лет назад в издательстве «Советский писатель» вышла монография Константина Кедрова «Поэтический космос» (тиражом в 20 000 экз.). В 1996 г. Институт философии РАН удостоил автора книги звания доктора философских наук. Но кроме философии в книге было множество космологических открытий, среди которых неожиданный параллелизм мысленного полета к черной дыре с многими литературными сюжетами.

ТАБЛИЦА 3 ● ПОДЛЕТ К ЧЕРНОЙ ДЫРЕ ●

ПОДЛЕТ К ЧЕРНОЙ ДЫРЕ	СМЕРТЬ «СМЕРТЬ ИВАНА ИЛЬИЧА»	ЛЮБОВЬ «РОМЕО И ДЖУЛЬЕТТА»	ЖИЗНЬ «ГАМЛЕТ»	ЗНАК
ВЗЛЕТ	ИСПУГ	УДИВЛЕНИЕ	СМЯТЕНИЕ	☰
ПОЛЕТ	БОЛЕЗнь	ВЛЮБЛЕННОСТЬ	НАДЕЖДА	☷
ТЯЖЕСТЬ	БОЛЬ	ТОПЛЕНИЕ	СТРАДАНИЕ	☵
НЕВЕСОМОСТЬ	АГОНИЯ	ЛЮБОВЬ	ЗАБВЕНИЕ	☶
ПОЛЕТ СО КОРОСТЬЮ СВЕТА	ЧЕРНАЯ ДЫРА МЕШКА	РАЗЛУКА	СЧАСТЬЕ-СТРАДАНИЕ	●
НАРАСТАНИЕ ГРАВИТАЦИИ	ЧУВСТВО РАЗДАВЛЕННОСТИ	ВЗРЫВ	УЖАС	●
ПЕРЕСЕЧЕНИЕ ГОРИЗОНТА СОБЫТИЙ	СМЕНА НАПРАВЛЕНИЯ ДВИЖЕНИЯ В ТУННЕЛЕ	ВСТРЕЧА	СОСРАДАНИЕ	8
РАЗДВОЕНИЕ НАБЛЮДАТЕЛЯ	ПОЯВЛЕНИЕ ВНЕШНЕГО НАБЛЮДАТЕЛЯ-ДВОЙНИКА	ДУХОВНОЕ ЕДИНЕНИЕ	ЛЮБОВЬ	☿
СИНГУЛЯРНОСТЬ	СВЕТ В КОНЦЕ ТУННЕЛЯ	ВЕЧНАЯ ЛЮБОВЬ	КАТАРСИС	☿

Оформлял книгу художник Андрей Бондаренко по замыслу и эскизам Константина Кедрова.

Константин Кедров

доктор философских наук
ДООС – стихозавр

На обнаженный нерв нанизывая звуки
всё глубже чувствую великий диссонанс
и радость возвышения над миром
Поэзия – вершина бытия

Как есть во вселенной области невесомости, где нет верха и низа, так есть области черных дыр, мысленный подлет к которым смоделирован в знаменитой сфере Шварцшильда. Подлетая мысленно к черным дырам, чье существование предсказано теорией относительности, мы окажемся в точке, где «векторы» внутреннего и внешнего станут так же относительны, как верх и низ в невесомости. Небо – внутренности, а внутренности – небо.

Сначала перед космическим путешественником, летящим с релятивистской скоростью, возникает так называемый «горизонт мировых событий», который он успешно пересечет за ограниченный отрезок времени, например за полчаса, если черная дыра величиной с наше солнце. Однако для наблюдателя, который со стороны следит за путешественником, его подлет к черной дыре будет длиться вечно...

Совсем не физики и не космологи первые добрались до черной дыры. Первым был Лев Толстой. Он подробно расписал сценарий подлёта к черной дыре угольного мешка в своем откровении «Смерть Ивана Ильича». Через 100 лет космологи дали свой сценарий подлёта к черной дыре. Он совпал один к одному с видениями Ивана Ильича. Туннель, неожиданный поворот и свет в конце туннеля. Оставалось лишь найти черную невидимую дыру в космосе. Пришлось астрономам потрудиться ещё четверть века и вот черную дыру, вернее, тень от неё удалось заснять. И почти одновременно удалось поймать бесплотные и бестелесные гравитационные волны, идущие от черной дыры. Эйнштейн знал, что эти волны есть, но даже он сомневался, что их когда-нибудь удастся поймать. Поймали! Теперь и черные дыры, и гравитационные волны, и правота общей теории относительности уже доказанная реальность.

А вот информация, закодированная в гравитационных волнах, это пока что тайна. Для кого угодно тайна, но не для мистиков и поэтов.

В этих волнах трансляция «Божественной комедии» Данте. Граница между нашим и потусторонним миром – горизонт мировых событий, который Данте пересек на пару с Вергилием, а Эйнштейн на пару то с Достоевским, то с Моцартом, то с Толстым. И лишь Иван Ильич умирал в одиночку. Никто не сопровождал его на тот свет, где в сфере, сияющей аурой видимых и незримых радуг, Беатриче и Дева Мария.

Я в это странствие с восхождением к вершине начал в 1957-ом. Но это было путешествие не вдаль, а изнутри себя и всего мироздания наружу. Выворачивание или

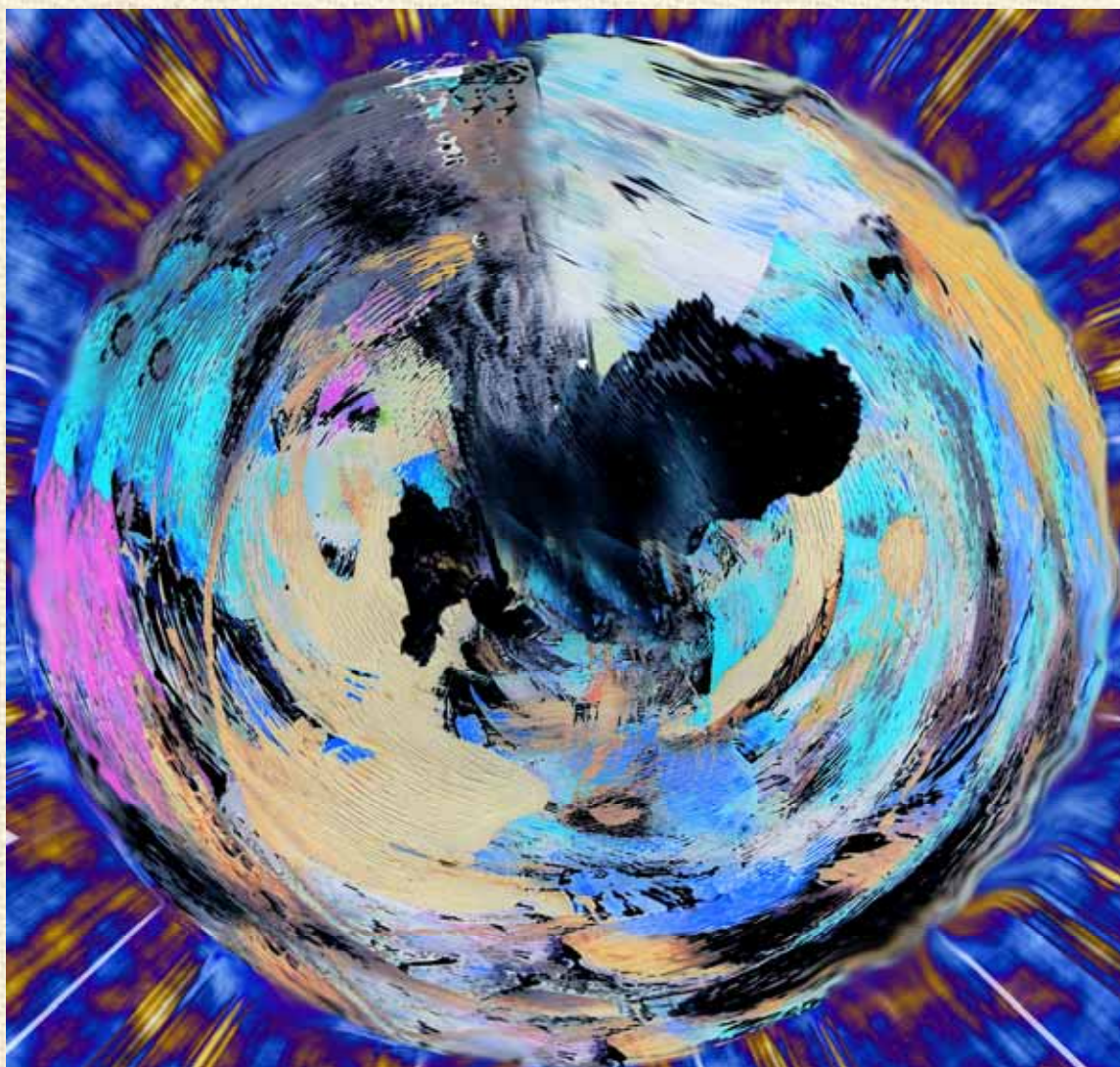
10 апреля 2019 года Национальный научный фонд США впервые показал «фотографию» сверхмассивной черной дыры в центре галактики Messier 87, расположенной на расстоянии 54 миллионов световых лет от Земли. Изображение получили благодаря проекту Event Horizon Telescope, который включает в себя восемь радиотелескопов, расположенных по всему земному шару. «Полученная картинка подтверждает существование горизонта событий, то есть подтверждает правильность общей теории относительности Эйнштейна», – заявил один из руководителей проекта Event Horizon Telescope Лучано Реццола.

инсайдаут возвели меня не на Олимп (Бог и боги с ним, с Олимпом), а на Парнас. Там сами знаете, Кто.

Существует древняя легенда. При изгнании Адама из рая был поставлен архангел с обоюдоострым огненным мечом, вращающимся и отделяющим Адама от рая. Этот обоюдоострый меч – Млечный Путь, вращающийся вместе с небом вокруг своей оси, как бы отделяющий нас от бесконечного космоса. Наступит момент возвращения человека, когда через области черных дыр он снова вернется в свой райский сад. Сегодня на вечные вопросы: кто мы, откуда мы пришли, куда мы идем – человек может дать вполне исчерпывающий ответ. Мы – космос, мы пришли из космоса, мы идем в космос.

Ныне рухнули все преграды между поэзией и космологией, между религией и наукой. Мы все теперь кто на вершине, кто у вершины бытия. Этот момент предвосхитил пламенный проповедник Майстер Экхарт, когда воскликнул: «Бог ближе к нам, чем мы сами близки к себе». Он не знал, что это метаметафора. Космос теперь не над нами, а в нас. И мы теперь не только внутри себя, но и во всем космосе. «И увидел я новое небо и новую землю» – эти слова Апокалипсиса стали реальностью. Мы увидели новое, невидимое ранее небо черных дыр, пульсаров, квазаров, радиообъектов. Земля разверзлась до микромира, до сингулярности, и только человеческое сердце остается зачерствелым, окаменевшим, как сто, двести тысяч лет назад. Пока наше сердце поражено «окамененным нечувствием», мы не увидим неба, открытого взору поэта.

Литература – это новое, словесное небо. Черная дыра открыла свои тайны не через телескоп, а через душу. А душа поэта и певца всегда в горле. Там перекручивается музыкальная лента Мёбиуса, и звук вырывается в мироздание словом, музыкой интонации, поэзией.

Позади зодиака

Небо – гаечный ключ луны –
медленно поверни
из резьбы вывернется лицо
хлынет свет обратный
на путях луны
в пурпурных провалах
друг в друге алея.
Мартс – Мартс
каменное болото
костяное сердце
отзовись на зов
Кто поймет эту клинопись
провалов носов и глаз
Черепка – черепки известковой книги
в мерцающей извести зияющие провалы
твоя звенящая бороздка
долгоиграющий диск черепной
повторяющий вибрацию звонких гор.
В том извие прочтешь
ослепительный звук тошнотворный

и затухающий взвизг
при скольжении с горы вниз
в костенеющую черепную изнанку.
В том надтреснутом махе и пристанище
ночная грызня светил.
За этой свободой
ничем не очерченный
не огибанный
за этими пьянящими контурами
проявляющейся фотобумаги
не ищи заветных признаков
не обременяй громоздким
твое грядущее шествие в неограниченность
и когда эти камни
эти щемящие камни
отпадая от тела
упадут в пустоту
ты пойдешь по полю
наполненному прохладой
отрывая от земли букет своих тел

Посреди природы тленной брвенной
Все законы смерти отменя
Я не часть я целое вселенной
Частью она станет без меня

Колумб продолжил плавание Ноя
Телесное по сути бестелесное
Небесное по сути всё земное
А всё земное в сущности небесное
Колумб и Ной
Уплыли в мар вной

Время это что –
Такая колесница
что внезапно
развернется вдаль
Всем приснится
за морем синица
Упоит из Чаш Святой Грааль

Время всех внезапное спасение
Вечной стражи беспробудный сон
Колесницы в небо вознесение
Пение Кирие Элейсон

Код генетический в ларце Кошея
Упрятанный в иглу в игле спираль
Найди его в кошечей пещере
Чтоб воссиял божественный Грааль

У моей Души нет тела
Тело в космос улетело
А Душа душа осталась
Как телесная усталость

Как то это быстро пролетело
Вся Душа преобразилась в тело
Тело исчезает на глазах
И Душа от радости в слезах

Так вот мы и движемся к началу
К самому последнему причалу
Ну а там в начале всех начал
За причалом прячется причал

Где совсем недавно мы встречали
Свой рассвет на будущем причале

Переменяющийся метод
Блуждать в среде живых пустот
Тот свет давно уже не тот
А этот свет давно не этот

Всех людей на земле любя
Шимпанзе и даже гориллы
Мог ли Бог сотворить себя
Мог конечно и сотворил

Эффект Подольского-Розена

Эйнштейн не верил Нильсу Бору
Нильс Бор доверился прибору
Всех примиряющий Макс Борн
На Бора положив прибор
Эффект Подольского и Розена –
– Ну что вы там ещё сморозили
эффект Подольского и Розена –
Сказал Эйнштейн и удивился
когда в пространстве растворился

Харизме и Евхаризме
Моей пожалуйста верьте
С годами линия жизни
Становится линией смерти

С годами линия жизни
Теряет свою беспечность
С годами линия жизни
Уносится в бесконечность

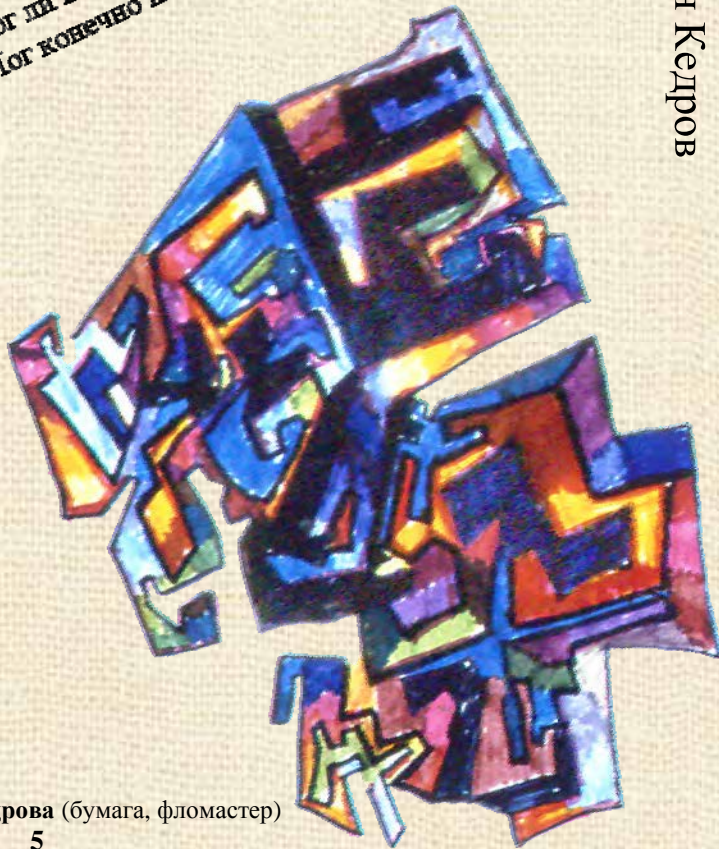

Рисунок Константина Кедрова (бумага, фломастер)

**Татьяна
Бонч-Осмоловская**
Dr. of Philosophy
Сидней

Мене Текел Селфи

Михаил Горбунов

ТРИПТИХ О ЧЁРНОЙ ДЫРЕ

1

Меня настигла грёз пора –
вся в белом Чёрная Дыра
внезапно ночью мне явилась,
звёзд ярче Там она светилась
завывным трепетом. Желанна
и недоступна, словно Анна
Жуану, впрочем, до поры.
Но в том-то и азарт игры –
ворваться в лоно тяготенья,
верша Там дивный акт творенья,
презреть константы постоянства,
пронзая время и пространство,
испелиться в круговерти
во обретение бессмертья.

ТРИПТИХ
О ЧЁРНОЙ
ДЫРЕ

2

Уже пылает горизонт событий.
Всех в Чёрную Дыру Небытия
стремит стремглав
стремнина бытия.
Ужель и мне Там быть?
Но где же Там мне быть?

Гори, гори не догорай.
Заката жизни горизонт.
Смеркаться, старясь, не позор.
Не каюсь – Там хоть Ад, хоть Рай.

3

Меня ты любишь,
лишь воспринимая
словно вод круговорот
иль стайных птиц полёт –
как созерцаемую данность,
не как сокрытую туманность,
то бишь без тайны принимая.

Мы то и жнём, что сеем.
Мне бы к любви Персеем
в небо крылато взмыть пора,
Туда, где Чёрная Дыра,
которой и возможно нет.
Но манит Андромеды свет.

Лоренс Блинов

ДООС – звукозавр
Казань

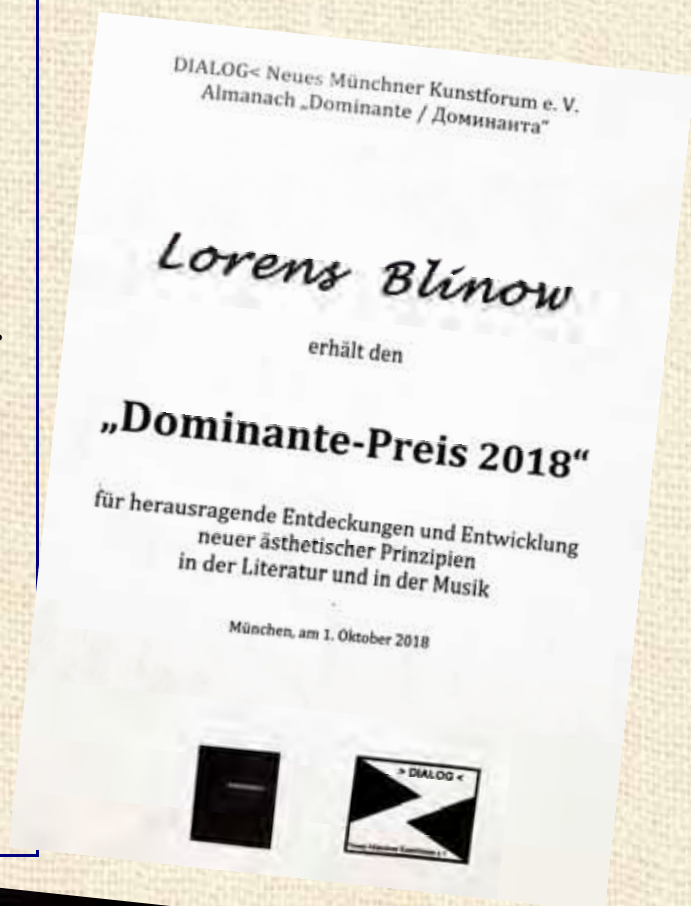
Поздравляем!

Композитор и поэт Лоренс Блинов получил Международную премию «**Dominante / Доминанта**», присуждаемую ежегодно в Мюнхене «За открытия новых эстетических и художественных принципов в области литературы и музыки».

Внимаю любителей изящной словесности предлагается книга лауреата «Посох поэзии», куда входят избранные стихи, эссе, заметки.

ОКОЛЬНОСТИ

1. брил	3. как около лица –
лиан	– околица
ты	так около конца –
небеса	– оконница
душ	как около кола –
прозрачных	– окольность
голоса	и –
алы	колокольность
облака заката	так около врага –
соло роз	– овражность
и взоры	так около ружья –
ада	– окружность
2. взмыл вверх	так около креста –
зов	– окрестность
сов	4. где пруд
	там прут
смысл – век!	и труд
	как трут
жов	но труд затрут
псов...	как прут запруд
зов сов	
зловещ	А прут (за труд)
... а сор слов –	Запрут за пруд
в печь!	
как около грома –	и прут
– огромность	как трут
так около боя –	где труд запруд
– обойма	

Елена Кацюба

DOOC – libellula

День зеркал

Всемирный день зеркал –
поздравьте свое отраженьё!
Оцените тяжелый труд –
сколько дней

ночей

вечеров

утр

оно копирует ваши движенья!

Бежит от зеркала к зеркалу
прыгает из окна в окно
летит из витрины в витрину
спеша отразить и лицо и спину

падает в лужи
не думая про униженьё
не забывая что угол паденья
равен углу отраженья

производит мгновенный расчет
вычисляет скорость скольженья
чтоб не отстать
не убежать вперед!

Множится в автомобилях
умножается в темных
и светлых очках
в стаканах воды
в чайных чашках
и кофейных чашечках
в кастрюльных боках
в ложке супа
и в ложке без супа...

Как это скучно и тупо
скажете вы
но вы не правы
не в том отражения суть
это только прелюдия –

все люди
отражаются друг у друга в глазах
из глаз в глаза скользя –
только в этих мгновениях
жизнь и смысл отражения

Нестор Поварнин
«Зеркало», 2004 г.

ЭО-палиндром

ПОЭЗИЯ

я из **ЭО** поэзия
но тут **ЭО** – поэту тон
ум **ЭО**, пиши поэму
ум, он себе. Нам **ЭО** – поэма небесному
и из **ЭО** парад дара поэзии

ЭОС

ох, **ЭОс!** а что тебе тот час “о”? Эхо!

ЭОЛ

а ты бог, **ЭОл**, зенит, и не зло эго быта
манит **ЭОл**, навел слева НЛО эти нам

ЭОН

но эго – бич и бог **ЭОн**

Эо... от греч. *ēōs* –
утренняя заря,
часть сложных слов,
означающая: ран-
ний, первоначаль-
ный (например, эо-
лит).

Эос – древнегрече-
ская богиня зари.

Эол – царь Эолий-
ских островов; Зевс
даровал ему власть
над ветрами, кото-
рые он заключил на
своем острове.

Эон – понятие в
древнегреческой
философии, обозна-
чающее течение жи-
зни человека, жиз-
ненный путь.

Александр В.

Бубнов

доктор филологических наук
ДООС – палиндрозавр
Курск/Москва

БУКВОЛОГИЧЕСКИЕ СТИХИ

””

о, вид!
соло голо!
голос – диво!

24.05.2019.

ЗУММЕРА ГИД И ГАРЕМ МУЗ

входы в:
аз – ум, муза!

выдох в:
аз умер, ремуза!

и так,
и так
азы закати-кати'

ремузу мер!..

у ремузырги учусь,
лоб ищу, сущ,
и боль сучу,
и грызу меру...

– Отче, что миротворим?..
дал Иов духам от вины
сами косы –
вот меч!..
или ремузу
мерили чем-то высоким,
а Сын и в томах удвоил?..
ад миротворим, Отче?..

– Что?!

14.05.2019

«ЮО» ВЗВОЮ

«я юо!» – взвыл ты.
«бытлы!» – взвою я.

14.05.2019

””
Грущург наг у пены, нищ,
нежил неглиже нотки,
но дал максимум –
и с камнепад
партиту-плаксу пугал басом...

сок и мяту, полетя, пели
я, Елена, Кедров...

довели –
фор повесили сон
в охре векам –
в маке верхов носили се
во профиле
во двор...

декан,
елея и лепя тело
путями космоса,
блугу пускал пути –
трап
да пен ма'ксиму!..

мискам
ладони кто нежил?
ген ли женщины?..

не пуган Грущург.

11.03.2018. –
16.04.2019

””
если не мыто, кто отмоет?!
если не мы, то кто отмоет?!

если немы, то кто расскажет?!
если не мы, то кто расскажет?!

23.05.2019

””
В.Маяковскому

«пи!» – кричу
кирпичу!

14.09.2018

””
...и зло бы залило, но
излобызали лоно!..

14.05.2019

Галина Мальцева

ДООС – стреказелла

НОРОВ ВОРО́Н

Компьютерная графика

Иван Чудасов

кандидат филологических наук
Санкт-Петербург

Абу Наим Аль-Хадим

(из стамбульского
манускрипта
1140 года)

Шахматные акросонеты

АБУ НАИМ АЛЬ-ХАДИМ

Аллаху Акбар! Он помог мне понять
Бездонные смыслы позиций шатрандж.
У чёрных победа, погиб король наш,
Но очередь белых — пора побеждать!

Азарт, напряжение трудно унять.
И делаю ход, словно движет мной раж,
Матую как будто бы с линии аш.
Арабский скакун взят ладьёй на аш пять.

Льёт радости слёзы, удар не поняв,
Хочовет противник, глядит на меня.
Ах! Белые взяли ладьёю коня!

Да здравствуют смелые! Жертвенность — честь!
И, вынудив чёрных ладью на жэ съесть,
Матую другою ладьёй на е шесть.

22.07.2014

Продолжение темы
№ 8(20) 2006
«Ладья - Лад Я»

1.Kh5+! Л:h5 2.Л:g6+! Кр:g6 3.Лe6#

**Ж. Барбье,
Ф. Сааведра**
«Уикли ситизен»
(Глазго),
18 мая 1895

СААВЕДРА И БАРБЬЕ

Священники не любят шахмат мир,
А наш попал в историю игры.
А. Троицкого современник, взрыв-
Выигрыш вместо пата дал кумир.

Его заслуга — только полуход...
Дела такие: пешка на цэ семь.
Решили чёрные: «Ферзя я съем
(А вдруг король под шах-рентген пойдёт?)».

И было: шахи вниз, но на цэ два
Белёхонький нашёл себе привал,
А чёрные пошли на дэ четыре,

Рассчитывая: с цэ четыре — шах,
Бьёт ферзь ладью — и пат! Но дело швах,
Едва ладья сменила пешку в мире.

24.07.2014

1.c7 Лd6+ 2.Крb5! (2.Крe5? Лd1 и Лc1+, или
2.Крb7? Лd7) Лd5+ 3.Крb4 Лd4+ 4.Крb3 Лd3+ 5.Крe2 Лd4!
(ожидая 6.c8Ф? Лc4+! 7.Ф:c4 пат) 6.c8Л!! Лa4 7.Крb3!

К. Байер
«The Era» (1856),
1-й приз
(так называемая
«бессмертная
задача»)

БЕССМЕРТНАЯ ЗАДАЧА

Бэ семь ладья, но ферзь забрал ладью.
Ещё угроза: слон бьёт пешку с шахом.
Сомнений нет, король одним взял махом
Слона, но ферзь жэ восемь, в западню

Матующую завлекает чёрных.
Едва ль есть выбор — конь на эф пять в прах.
Решительно ферзь жэ четыре — шах,
Толкая короля на сМЕрть упорно.

Настойчиво шахует ферзь с аш пять,
А чёрные ладьёй с эф пять закрылись.
Яд жертв: на эф четыре пешку дать,

Затем ферзя отдать взамен коня.
ДА с е четыре шах ладьёй. Зарылись.
ЧАрует пешкой супермат меня!

01.08.2014

1.Лb7! Ф:b7 2.С:g6+ Кр:g6 3.Фg8+ Кр:f5 4.Фg4+ Крe5
5.Фh5+ Лf5 6.f4+ С:f4 7.Ф:e2+ С:e2 8.Лe4+ de 9.d4#!

Д. Бакчи
«Rokada»
(1980)

**КООПМАТ
В 5 ХОДОВ**

Как и положено в матах кооперативных,
Очередь хода за чёрными. Эф бьёт е шесть.
Ось обвивая, путь белых туда, где противник:
Пешкой бьют на эф четыре, как будто бы в месть.

Медленно движутся змеи: е бьёт на эф пять.
Аналогично бьют эф на е пять белых племя.
Также бьёт эф е четыре, встав рядом на время.
Взятие белыми пешки эф шесть — и опять...

5 надо сделать ходов, значит, есть ещё пара:
Ходом е-эф взяли чёрные пешку эф три.
Очень неожиданно, но белые взяли е семь.

Думаю, ход эф-е два видит малый и старый.
Определись, что поставишь на эф, посмотри.
Впрочем, ладья или ферзь – здесь неважно совсем.
12.08.2014

1. f:e6 e:f4 2. e:f5 f:e5 3. f:e4 e:f6 4. e:f3 f:e7 5. f:e2 e:f8Ф (Л)#

Ф. Стамма
Позиция XIV

**СТАММА
ИЗ АЛЕППО**

Стандартная позиция: над белыми витает
Танатоса предчувствие: до смерти только шаг.
А если проглядит удар, ферзь аш один влетает,
Молниеносно падает к ногам король и флаг.

Матуют, к счастью, белые. Ладья дэ восемь с шахом.
А что же ещё делать им, коль хода их черёд?
И так же чёрных вынужден отскок бэ семь со страхом.
За шахом шах последовал: конь на дэ шесть, вперёд!

А шесть король бронирует, здесь выбор небогат.
Легко ли дальше справиться? Ферзь — шах на а четыре.
Есть лишь конём защита здесь, не сыщешь лучше в мире.

Последний ход шахующий: ферзь на бэ пять — отпад!
Пропущен конь ли белыми? Бери ферзя, не мешкай!
Однако ход матующий с усмешкой — цэ-бэ — пешкой!
13.09.2014, 15.03.2015

1. Лd8+ Крb7 2. Кd6+ Краб 3. Фа4+ Ка5 4. Фb5+ К:b5 5. cb#

Сергей Бирюков

доктор культурологии
ДООС – заузавр
Галле

МАЛАЯ МАЛЕВИЧИАНА

Утром Малевич
с Красным квадратом
В полдень Малевич
с Белым квадратом
К ночи Малевич
с Черным квадратом

Летний Малевич
с Красным квадратом
Зимний Малевич
с Белым квадратом
с Черным квадратом
Малевич весенний
или Малевич
осеенний...

ИТАК КАНТ
(в стиле рэп)

Кант
Кант
Кант
Кант

иль Гегель?
нет
Кант
Кант
Кант

а вдруг
Фейербах?
ах?

нет
все-таки
Кант
Кант
Кант

а
Маркс
ведь...

ну-у-у-у-у
Кант
Кант
Кант
Кант
танк!

Департамент
культуры
города Москвы

БИБЛИОТЕКА
ИМЕНИ А. П. ЧЕХОВА

Добровольное Общество Охраны Стрекоз

Четвертый Международный Фестиваль ДООС

Автор знак ДООС – Сергей Бордачев.

Четвертый Фестиваль ДООС состоялся 14 мая 2019 г. в культовом клубе «Классики XXI века» библиотеки им. А. П. Чехова, где часто проходят вечера ДООСа и презентации Журнала ПОэтов.

Программа фестиваля была насыщенной: видео-дайджест трех предыдущих фестивалей, проведенных ДООСом в 2016-2018 гг.; награждение лауреата 2019 г. и победителей в номинации «Творческий манифест»; выступления победителей, авторов ПО и участников фестиваля; поэтический антибаттл; традиционная ДООСовская катавасия.

Открыла вечер основательница клуба «Классики XXI века», а теперь и заведующая библиотекой им. А. П. Чехова, друг ДООСа Елена Пахомова:

«Я очень рада приветствовать всех в Чеховском культурном центре на очередном литературном Фестивале ДООС. Мне очень приятно, что в этом зале сегодня с нами талантливые подвижники своего дела Константин Александрович Кедров и Елена Кацюба, которые группу ДООС в свое время создали. Вокруг них собралось огромное количество талантливых, интересных людей. И что очень важно – начало этому положено еще в конце 20-го века. Я много лет на этой площадке провожу литературные встречи, фестивали. Ни одна презентация Журнала ПОэтов здесь проходила. И самое удивительное, что они смогли собрать вокруг самые разные поколения. Я помню прекрасные времена, когда мы собирались у Константина Александровича и Лены еще на Варшавке. Там были и Аня Герасимова, и Парщиков, и Жданов, и поэты Сапгир и Холин, а потом многое изменилось, расширилось, Герман Виноградов, и Вилли Мельников. И это все вокруг этих замечательных, талантливых – в первую очередь – поэтов. И то, что и Лена, и Константин Александрович на протяжении такого длительного времени умудрились вокруг себя творческую обстановку и сохранить и продолжить на сегодняшний день, – это один из успешных проектов, так долго существующих. Надо сказать, что Журнал ПОэтов, который они издают при поддержке Маргариты Аль, он тоже прошел несколько стадий. Сначала это была Газета ПОэзия, потом, я помню, журнал издавал Университет Натальи Нестеровой, где преподавал Константин Александрович. Какое-то время этот журнал издавала я, потом его издавал журнал «Эхо планеты» (гл. редактор Эльмар Гусейнов). Теперь это знамя подхватила Маргарита Аль. Многого меняется, но дело идет и процветает. Я еще раз желаю всем успехов и считаю Четвертый Фестиваль ДООС открытым».

Из всех членов ДООС, чье творчество было представлено на конкурс, члены жюри отобрали несколько авторов. Все они оказались достойными высокой награды. После тщательного рассмотрения и обсуждения, учитывая прошлые, настоящие и возможные будущие заслуги перед современной русской поэзией, жюри остановило свой выбор на творчестве самого активного деятеля современного русского авангарда Маргариты Аль – ДООС–СтрекозАль.

Ей был вручен диплом лауреата, а лауреат 1-го Фестиваля ДООС–Стихозавр Константин Кедров зачитал лаудацию:

«Если бы соавтором романа «Мастер и Маргарита» была Маргарита, Мастеру неминуемо пришлось бы освоить жанр Лаудации. С похожей ситуацией встречаемся мы сегодня на нашем Четвертом Международном фестивале ДООС. Я уверен, что в этом зале никто не сомневается, что Маргарита Аль – Маргарита. Сложность ситуации в том, что она к тому же ещё и Мастер. Согласен, что Мастер и Маргарита в одном лице – это слишком. Но ничего не поделаешь – в мире ДООС и это возможно. Для истинного ДООСа нет ничего невозможного, и это подтвердят все присутствующие в этом зале ДООСы. Подтвердят они и то, что Маргарита Аль – Мастер. Мне остаётся только зафиксировать очевидное. Вот уже много лет Маргарита Аль не только

соавтор, но и автор многих акций ДООСа. Тут и её сценография 11-го Всемирного Дня поэзии ЮНЕСКО в театре Юрия Любимова на Таганке, где она подхватила метафору Павла Челищева – ангелов с крыльями из груди для балета Стравинского «Орфей». Тут и провидческая инсталляция «Часы вечности», где сквозь прозрачный циферблат можно воочию увидеть, как одни и те же стрелки часов движутся одновременно из прошлого в будущее и из будущего в прошлое. Невидимое стало видимым, видимое – невидимым, что по утверждению волшебницы, есть высшее проявление гуманности. Я умышленно выношу за скобки титаническую издательскую и фестивальную деятельность Маргариты, чтобы не заслонить слона. Слон – это метафра, которой Маргарита служит не менее самоотверженно, чем Марии, принесшие миру весть о Воскресении. Им не верили поначалу даже апостолы. Но мы, ДООСы, верим Маргарите безоговорочно и безусловно. И пусть сегодняшнее решение жюри станет доказательством нашей горячей веры!»

Прежде чем приступить к вручению дипломов и грамот в различных номинациях, ведущий вечера народный артист Республики Татарстан ДООС – Баритонзавр Эдуард Трескин произнес вступительную речь:

«В мире происходит много событий: бушуют Желтые жилеты во Франции, сотрясая устои буржуазного общества и морали; по улицам России, и не только России, шествует бессмертный полк; где-то добывают нефть, где-то газ; где-то вводят санкции, где-то контрсанкции – это всё события внешние. А, может быть, событие, которое происходит здесь и сейчас в этом большом зале, оно и есть главное событие. Потому что стрекоза не менее важный субъект вселенной, чем какой-то нефтяной концерн, или, может быть, даже целый континент, заселенный кенгуру. Да здравствует стрекоза – самое беззаботное и самое необходимое человеческой душе существо. Это даже не существо, это часть нашей души».

Рассмотрев множество манифестов, представленных на конкурс Фестиваля ДООС-2019, отметив общий высокий уровень всех представленных работ, жюри единогласно постановило: победитель – ДООС–Икс-Игрек-Зетиназаур Алексей Чуланский.

Диплома в номинации «Манифест пяти континентов. Европа» удостоилась ДООС – Прагазавр Ирина Силецкая (Прага). Диплом в номинации «Манифест. Видео-поэзия» получила ДООС – Кинозавр Наталья Шематинова. Диплома в номинации «Манифест. Художественное воплощение» удостоились сразу две художницы – Лада Аникина и Инесса Портяная – за живописную инсталляцию «Стрекоза времен года». Дипломом за лучший поэтический проект года «100 лет русскому авангарду» награжден Фонд ЛиФФт.

ДООС – Саксозавр Сергей Летов получил грамоту за музыкальную поддержку фестиваля, а друг ДООСа, создатель клуба «Классики XXI века», ныне заведующая библиотекой им. А.П.Чехова Елена Пахомова – за активную помощь в организации фестиваля.

В поэтическом антибаттле приняли участие Владимир Делба, Анна Ильина-Цабадзе, Алексей Чуланский, Инна Ряховская, Елена Ткачевская, Александр Гурьянов, Эдуард Трескин. В результате всеобщего тайного голосования победителем и Королем Поэзии стал Алексей Чуланский.

Прежде чем вручить победителю корону со стрекозами, Константин Кедров сказал:

«Я отношусь к ДООСу не как к игре, а как к очень глубокому мистическому действию. Кстати, идея ДООСа зародилась в 83-м году, летом, в Доме творчества в Малеевке, когда ко мне подлетела стрекоза и зависла в воздухе. Она на меня смотрит, а я на нее. Алексей Чуланский – человек известный, автор популярных песен, но дело не в популярности, а в том, что в его творчестве присутствует мистическое начало. И вот Альберт Эйнштейн, казалось бы, материалист, реалист, сказал, что человек, у которого нет чувства мистического, подобен животному. Самое главное, что сегодня присутствовало на фестивале ДООСа, это чувство мистического. И водружая корону Короля ПООтов сегодняшнего вечера на главу Чуланского, я хочу сказать, что это имеет мистическое значение еще и потому, что я по материнской линии представляю род Челищевых. А род Челищевых включает двух королей: императора Оттона I, Ричарда Львиное Сердце – и русского царя Ивана Калиту».

В своей тронной речи Алексей Чуланский ответил:

«Я хочу сказать, что эта корона поистине принадлежит Духу Поэзии. Я с большим почтением принимаю этот дар. Спасибо!»

Второе место разделили бард Александр Гурьянов и Эдуард Трескин, что для него оказалось достаточно неожиданным. Ведь он не читал своих стихов, а спел классический романс Глинки на слова Кукольника «Сомнение». Исполнение было настолько проникновенным, полным страсти, то сдержанной, то взрывной, что зрители и участники оценили это в полной мере. Перед выступлением Эдуард сказал: «Кто бы знал Кукольника, кто бы его помнил, если бы не Глинка». Да, бывает и так.

По традиции фестиваль завершился ДООСовской каватасией, когда все участники читают одновременно каждый своё.

Алексей Чуланский
ДООС – Икс-Игрек-Зетиназаур

●
Хроновизоры в тумане времени
Зов завтра разверни
Информатор тор неподвижен
Хромосомно звучит твои улей
В себя вселенную лей
В лунку лун
Nomos moon
Сфера омфалос
О осталось
Имплозия
*
И
Я

●
Верь тверди над тобой
Зверь времени открой
Квадрант разлома изнутри
Тинктур тектоники галактики зари
Орнамент черепного шва
Фрактально облако в глазнице
И нейро молнии все снится
Заряжен эйдос эйфории
Делириум природы мимикрии
Начало слов
Двуполость звука
Зга газа полюса
И духа

●
Перцептор первой тени
Взрыв гало звездных чакр
Фотона светлый гений
Планеты симулякр
Внушает тест машина
Всех тел и всех миров
Люмино паутина
Из бездны темных снов
Регламент жизни роя
Период дня мои миг
И соты мира строят
Сто роботронных лиг
Творец твой тайный облик
Вне скана кибер жал
И камуфляжа облак
О нас внутри сигнал
Смотрю в электро фетишь
Где смысл стробит в ответ
Ты сам себя заметишь
Но не узнаешь
Нет

Победитель
антибаттла

●
Нотр Дам
Hydrogen
Halakast
Ночь огня
Нем огнем
Навсегда
Нет – тень зла
Навь и явь
Номоген
Новый акт
Не узнать
Hydrogen

●
Мастер
Зверь глубин
Шестерни машин
Заведи пружин
Циферблата линз
Антарктиды льдин
Расколлот один
Бездны темный сын
Турбиона IN
Вектор время вен
Смерча перемен
Тьма и кибер тлен
Разум лишь еда
Там где
Ноль
Звезда
Да
И
Ад
От
Дай
Тьме
За
Мета
Рай

Владимир Делба

**Крылатый конь
Маргариты Аль**

(Мини-манифест)

Фестивальный конь прекрасный
То ли рыжий, то ли красный
Взмыл рассветною порою
Над туманною Землёй.

Конь действительно прекрасный –
Грива, крылья! Не Пегас ли?
Мчит с попоной на боку
Над Тюменью и Баку.

Стихоносный страстный конь,
Он и ветер, и огонь,
А порою – стрекоза! Кто-то против?
Мы все – за!

Маргарита – вот наш сказ,
Чёткий дай ему приказ:
Чтоб лифтийцев и ДООС
На Парнас твой конь вознёс!

09.05.2019

Анна Ильина-Цабадзе

* * *

Во таинстве сердца всего не скажешь
Во таинстве духа всего не поймешь
Какую хочешь беду укажешь –
Во таинстве веры сквозь все пройдешь!

Ах, слезы ночные и светлые духи!
Ведь до скончания не разберёшь:
Завалы, загвоздки и тайные слухи –
Все движется, движет, куда ни зайдешь...

Но меркнет закат, догорают вершины,
И малое вырастет, рост упрям.
Ворвется скоро слово столь сильное
Как око святое, как Дух – фимиам!

Четвертый Фестиваль ДООС

Инна Ряховская

* * *

О, вымысел, ты – божество
И детская игра поэта,
Блик лунного луча,
Сноп света, –
Искусства суть и естество,
То, чем душа вещей согрета,
Что сводит судорогой рот
И в струнах Вечности пропето.

И обретают плоть и путь
В косноязычьи бормотанья
Неясных звуков сочетанья.
А под словесной легкой тканью –
Гармонии живая ртуть,
Неуловимый переход
От контрапунктов осязанья
В реальность нового сознанья.

Четвертый фестиваль ДООС

ДООС

Антибаттл

Елена Ткачевская

* * *

Жить – просто, если просто жить, быть рядом с лесом или садом,
А лучше – быть внутри, тогда не надо
Терзаться мыслью: как построить дом. Когда гармонии вокруг такая пропасть,
И Солнца луч вращает жизни лопасть,
И открывает сердце тем ключом, который для любых замков годится,
А грань между «родиться» – «возродиться»
Почти пропала...
Мы тут – ни при чём.

Александр Гурьянов

триптих

I

Желанье ржать
Толкает нас, скачки
До капли выжимают потеху,
Переполюня города весёлы
По прыг-прыг-прыг-прыг, По прыг-колу
Лягушка в молоке сбивает масло,
Сыронизировать способны до сарказма.
Но почему старушки мамы молятся
Провожая до прыг-прыг-прыг-колицы?
И лёд, и пламя принимая смехом
Сатиры, балагуры, бег смешками
С ухмылкой по парадным лестницам
Прыг-прыг-прыг – несут прыг-колесицу.
Где мир улыбок зыбок, шутки жутки.
Перевирая секунд хенде хохот
Угрюмых юмор до ум-ора беспардонно
Прыг-прыг-прыг колено-прыг-клонённо...

II

Образы наших снов воспроизводят ощущения,
А не порождают их как принято думать.
И, если так, то почему любимой доченьке
Приснился цветочек аленький,
Краше которого нет на всём белом свете?
Когда он снится волчонку Маугли, это понятно:
На кону честь стаи, нужно показать кто в джунглях хозяин.

А тут...

Ясно, что сон разума рождает чудовищ.
(бессонница, полагаю, ещё страшнее будет)
Но, если сон твой вещий, и вещь эту
Ты возжелал сорвать и не соврать,
То вместе с цветочком аленьким
Получишь чудище неведомое.
С которым доченьке придётся жить,
И хочешь-не хочешь как-то его полюбить,
Ибо это главное и единственное условие
Превращения того в прекрасного принца.
Но покуда это произойдёт,
Сколько ж они друг у друга выпьют аленькой...
Чтобы прийти к нехитрой истине:
«Мы с тобой одной крови – Ты и Я».

III

Где бог, с кем богаты-
баты шли дебаты
Сохраняя депозит
Нувориш-Шапка горит...
С головы воняет – велики пороки,
Не пускают на пороги.
Нео-SOS-нано-тех-налоги-и

В печь печаль лень-кий цвет-о-чек
На возврат замки атланты
Капитал... КАПИТАЛ!
Копи таланты.

Маргарита Аль

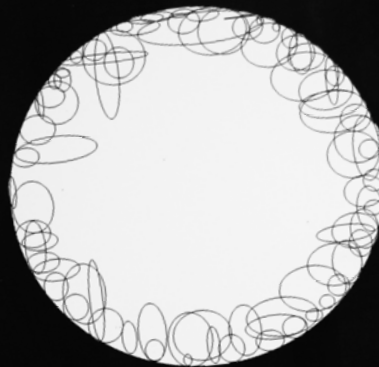
ДООС – стрекозАль

ПО ЭТУ И ТУ СТОРОНУ ЧЁРНОЙ ДЫРЫ

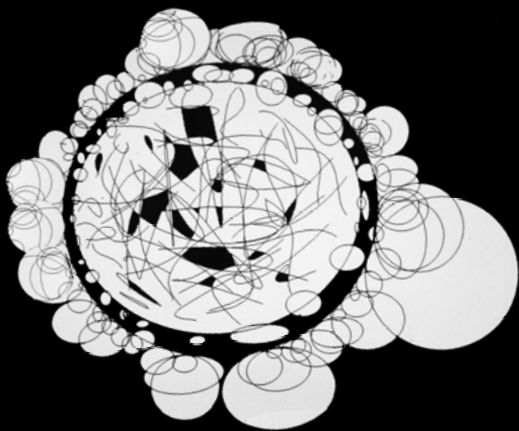
Притворцы

Сотворцы

Затворцы

Творцы

Комментарий

АЛЬГЕОМЕТРИЯ, или АСТРОМЕТРИЯ АЛЬ

Александр В. Бубнов

(специ-АЛЬ-но для ПО, из ПОдвала, с 12-летней выдержкой)

Слух обычного человека не привык ещё к терминам астромертия или космомертия. К тому же, слово «геометрия» ассоциативно выглядит основательнее, может быть, даже теплее, ближе к человеку, к гео, к Земле, к корням – как древесным, так и словесным, соЧИТающимся в – читай – бумажно-текстовом союзе.

Философическая геометрия художника, поэта исследователя Маргариты Аль последовательно антропоцентрична и сконцентрирована в четырёх авторских рисунках: «Притворцы», «Сотворцы», «Затворцы», «Творцы». Ударения в названиях рисунков расставьте сами. Это и будет первое упражнение и первое приближение к тому, что мне хочется определить таким окказионализмом, как Аль-геометрия... Альгеометрия!.. Но, возможно, это одновременно и Астрометрия Аль – палиндромно, палиндрософийно, как инсайдаут (по Константину Кедрову).

Геометрически говоря, все 4 концепт-рисунка Маргариты Аль «имеют в основании» белый круг, возникший на тёмном фоне, – «и свет во тьме светит»; светит фонарик философа и высвечивает Притворцев (тёмные точки, линии, овалы, пятна, сами боящиеся тьмы, отстоящие от неё и даже отстающие от неё), и просвечивает Сотворцов (светлые овалы-круги, напротив, прильнувшие к границе непознанного), и выталкивает Затворцев (белые круги-овалы, вытесняющие тьму), и объединяет Творцов (всевозможные сочетания формофигур), – объединяет и, судя по сочетаниям, приглашает всех перечисленных выше – и притвОрцев / притворцОв, и сотвОрцев / сотворцОв, и затвОрцев / за-творцОв.

Такой чёткий лингвоцентризм однокоренных терминов, такая ясная опора на язык, на русский язык с его многозначной корневой вариативностью, ветвистой на сей раз именно геометрией, с его потенциальной «от корней» метафизической поэтичностью, позволяют Маргарите Аль выстроить своё понимание того, что давно уже называют природой творчества, начертить и начертать своё приближение – тропку тропов

к постижению ежесекундно творящейся Художественной Вселенной.

Палиндромически, палиндрософийно говоря, этот математический lim – мил и тёпел для Маргариты, его тайный «лепет» тёпел ей, это её мир, а наш очередной понятийный Рим. Lim.

Lim – стремление, устремление, стремнина, приводящая к дельте, замыкающейся коловратом природы к началу, зачину, истоку истины, которая всё-таки не «из тины» (каламбур Дмитрия Авалиани). Lim – бесконечное приближение приближённых, в число и логос которых может войти КАЖДЫЙ – хватило бы остановки в суете и усилий сквозь быт – настолько просты 4 знаковых рисунка поэта, творящего, проявляющего из вакуума свой личный «Поэтический Космос» – воспользуюсь названием одной из главных книг поэта и философа Константина Кедрова – учителя Маргариты Аль, декана факультета поэтов и философов в Московской Академии образования.

Четыре графических рисунка, образованные Альгеометрией, мне представляются как четыре условные точки опоры... но не квадрата, а треугольника – с дополнительной точкой в середине, которая может быть любой из четырёх в пространстве-времени поэтики Маргариты. Точка, сближающая, например, «творцов» и «сОтворцОв».

Точка может «выходить» из плоскости и вместе с другими точками образовывать пирамиду, с её тайной энергией творчества здесь и всегда, везде и сейчас. Иными словами, экстраполируя: точка может «выходить» из пространства евклидова в неевклидово и вместе с другими точками образовывать метафизическую пирамиду, с её тайной энергией творчества здесь и всегда, везде и сейчас.

Как мы знаем, когда Троица Трёх Точек – в одной плоскости, она одновременно и на окружности – той единственной, проходящей в данных (нами) условиях через эти 3 точки, – окружности, проходящей как последовательно, так и параллельно – с бесконечным множеством сфер (ср. штамп «сфера деятельности»), с пересечением уже в неевклидовом пространстве творчества. Таким образом, Альгеометрия содруживает всех «творян» (по Велимиру Хлебникову).

Пока поэт-исследователь Маргарита Аль определяет термины, формирует и формулирует основу, хрупкий художник Маргарита Аль варит металл – каркас – трёх-четырёхмерный – каркас для воссоздания в «скрытых пластах языкового сознания» (определение Юрия Лотмана) искорок-атомов, палиндромов-откликов, складывающихся в целую и цельную мета-концепцию.

Из всех, СО всех четырёх основных рисунков Альгеометрии нам звёздно, остро, остро «подмигивает» Космос-Каркас, сваренный, сотканный text'ом русских терминов-метафор.

затворцы затворили свои дверцы
сотворцы тексты солнечно соткали
с творцами и вложили в наше сердце
стихи с такими страстными строками

строками за изломе своих судеб
овалами и валами на грани
и грани эти
режут
лечат
будят
искру сотворства
без притворства
между
мыслящими
нами

(20-23 марта 2007, город Москва,
прочитано Маргарите Аль тогда же и там же)

Сунь Юэ

Пекин

Помнишь ли ты

Помнишь ли ты,
Как поздней осенью
В лоб бешено ударил ветер,
Мягко и твердо,
Холоден, как бронзовый буйвол,
Не оглядываясь на закат,
Замолчал он навечно.

Помнишь ли ты,
Как сакура в саду
Превратилась от ветра в сухой скелет,
Сквозь окно с ажурной резьбой ветки –
Иссохшие руки старухи.
Сердце покрывается морщинами,
Лицо цветет грустью.

Помнишь ли ты,
Как я скользил над водой Озера,
Как ты гуляла по Длинной галерее.
Вместе толкаем по течению лодку.
Озеро Кун-Мин – это юбка осени,
Шепчутся волны вполголоса:
У тебя ДА, а у меня НЕТ.

Помнишь ли ты
Подсвечник золотистый,
Огни свечей звездчатыми рубинами
Дарят душистое вино Осматус
В ресторане птичьего щебета.
Ты смеешься сквозь слезы:
Давай поднимем бокалы за то,
Чтобы поздней осени больше не было.
Я еще не успел ответить,
А вино душистое Осматус уже журчит:
У тебя ДА, а у меня НЕТ.

11 03 2018

Перевод
с китайского
и каллиграфия
автора.

是
不是

Геннадий Юшко

(1948-2018)
ДООС – стреколёт
Калининград

ВАЯТЕЛЬ ЧУВСТВА (предисловие к сборнику)

Поэзия Геннадия Юшко напрямую подключена к Ноосфере. Благодатные информационные токи идут и от Клюева, и от Хлебникова, и от Маяковского, и от Вознесенского. Но эти поэтические молнии не убивают, а заряжают мозг и сердце для своего неповторимого творчества. Русская поэзия уникальна. Она почти непереводима. Уникален наш исторический путь и опыт. Передать эту уникальность может только поэзия. Юшко не случайно прибегает к образу каменного Истукана, чьи глаза устремлены в вечность, а голова упирается в небо. Только окаменев можно пережить всё, что мы переживаем и пережили. В России ваятель – ещё и каменотёс. Стихи ваяют не из мрамора и не из камня, а из самого себя.

Мы часто забываем, что современность – это тоже история. Живая история. Поэт – историк чувства. Никакие хроники не сохраняют чувства. А поэзия вся из чувства. Сборник стихов – это прежде всего сгусток чувств, чаще всего почти неведомых современникам. Поэзия Юшко несёт в себе пласты и залежи пережитого и ныне переживаемого нами. Эти чувства и мысли не добыты – они пережиты поэтом, и мы все можем приобщиться к богатству из недр неиссякаемой, вечной и в то же время не вечной жизни.

Константин Кедров

Переводчик

ВСПОМНИМ

1
Перевожу,
с литературного
на разговорный
русский
стихов и прозы
пузыри и сгустки.
Перевожу.
Так переводят взгляд
с минут,
что пустоту
зовут,
тактично ей подтикивая стрелками,
все тексты:
крупные и мелкие,
всосавшиеся
в письменный уют,
я выведу на воздух,
туда,
где травы силу пьют
из сочного подбрюшия реки,
чтоб,
пусть не виртуозно,
но –
не коматозно
слова,
глотнув волнения
молчали
и
рекли.

2
Переведу
берёзовые листики,
весенние,
ещё по-детски липкие,
в прожилках
видится кириллица,
но сорваны
в гербарий
сожителем державы
из-под Питера;
он критик, он –
литературный барин,
везёт их хмуро
на какой-то Брайтон...
Найду.
За пазухой согрею
и – обратно.

3

Переведу,
 чуть отдышусь,
 в родную речь родную грусть
 сквозь заросли дождей осенних –
 под ними ветры
 съёжились,
 присели –
 поди,
 переведи их всех –
 пока не снег,
 пока метели не кликнули морозы
 на порог –
 мороз у нас ходок –
 трещит и тишину хрипатит,
 и студит свет,
 и без того не яркий
 в хате,
 что чудом и мольбой жива...
 В ней – люди –
 веруют в Иисуса иль Егову,
 неплохо бы от них
 хоть слово...
 О чём я?.. да перевожу,
 с литературного перевожу
 дыханье и слова.

4

Переведу
 повествование и стих,
 И даже заиканье
 запятых;
 переведу
 любой порядок строк,
 ещё
 отечества дымок,
 который за столетья изнемог
 всю нашу дурость
 холить и приятить,
 но,
 поднимая небо
 тёплыми объятьями,
 переведёт
 и мой нескладный слог.

Вероника Юстратова

Калининград

* * *

Посвящается Геннадию Юшко

Марево, забродившее в чане с водой постылою
 Цокает на молчание, тянет тугими жилами,
 Тянет из рук слабеющих, писано им – не писано,
 И, осыпаясь наземь, тут же, дождями слизанный,
 Голос творца – оброчника шепчет, мол дух не в теле.
 Мы закрываем уши. Мы здесь осиротели.
 Голос вступает воем с запахом сеновала.
 Градом побито поле, мы не нашли привала,
 Снега уже навалом, сыпет белёсой пеной
 На воротник и плечи, так приобнял бы Гена.
 Истина непреложна, пусть и сшибает с толку,
 Линиям горизонта ветер шипит вдогонку,
 Небо, сомкнувши веки, пело б о нас молитвы,
 Чтобы ползти и дальше, через громады рытвин.
 Ласточки – замарашки, вновь прилетев, стучитесь,
 Вас по макушке гладил мужественный Учитель.
 Смерклось. Луна седая в хлопковом облачении
 Морщится нашей грусти, холод стоит вечерний.
 Но из нутра раздался спящим большим вулканом
 Смех, а за ним вступила исповедь истукана.

Ирина Вервай

Калининград

Однажды Геннадий говорил, что поэт должен думать стихами. «Ирочка, думайте стихами. Бетховен думал музыкой». Мне понравилась эта строка, и стало складываться стихотворение. А в образе Бетховена мне виделся сам Геннадий – как он откидывает прядь волос со лба взмахом головы.

* * *

«Бетховен думал музыкой».
 Г. Юшко

Не исчезала музыка,
 Бетховен не оглох.
 Но палочкою узенькой
 Ведёт оркестр
 Бог.

Над партитурой горбятся,
 Откинув прядь со лба,
 Крылом высокой горлицы
 Возносится мольба.

Как будто горлом хлынула
 Небесная река.
 Рукой Творца ли, Сына ли
 Преграда сметена.

Мы тленны – только узники,
 Сироты по плоти,
 Но музыкою, музыкой
 Нас Высший воплотил.

Над клавишами горбятся,
 Со лба откинул прядь.

В мгновенье стихнут гаубицы,
 Польётся время вспять.

Молчи, разноголосица,
 Неверная броня.
 Над бездною проносится
 Смычок его огня.

До воскресенья – толика,
 Преграды больше нет.
 Над миром – свыше – музыка –
 Неугасимый свет.

О, не сорваться в пропасти,
 Не кануть в долгий торг,
 Открыты Отчьи милости,
 Чтоб дух не изнемог,
 Когда исправить нечего –
 Ведёт оркестры
 Бог.

От ветхого – до вечного,
 До света, до небес.

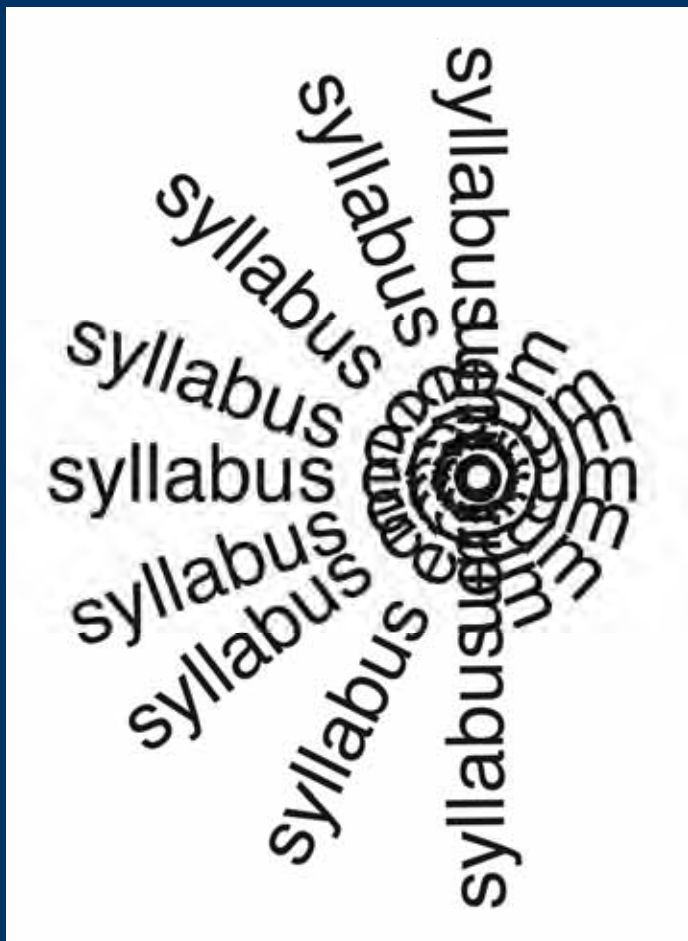
Бетховен дышит музыкой,
 Он музыкой воскрес.

Хайке Фидлер/ Heike Fiedler

Женева

Хайке Фидлер – немецкая и швейцарская поэтесса, прозаик, перформер. Работает с немецким, французским, английским, русским и испанским языками. В своем искусстве обращается к традициям русского авангарда. В частности автор перформанса по мотивам «Поэмы конца» Василиска Гнедова. Участница международных поэтических фестивалей.

Все материалы предоставлены автором.

wasserblasen

look look look look look look look look

glugg glugg glugg glugg glugg glugg glugg glugg

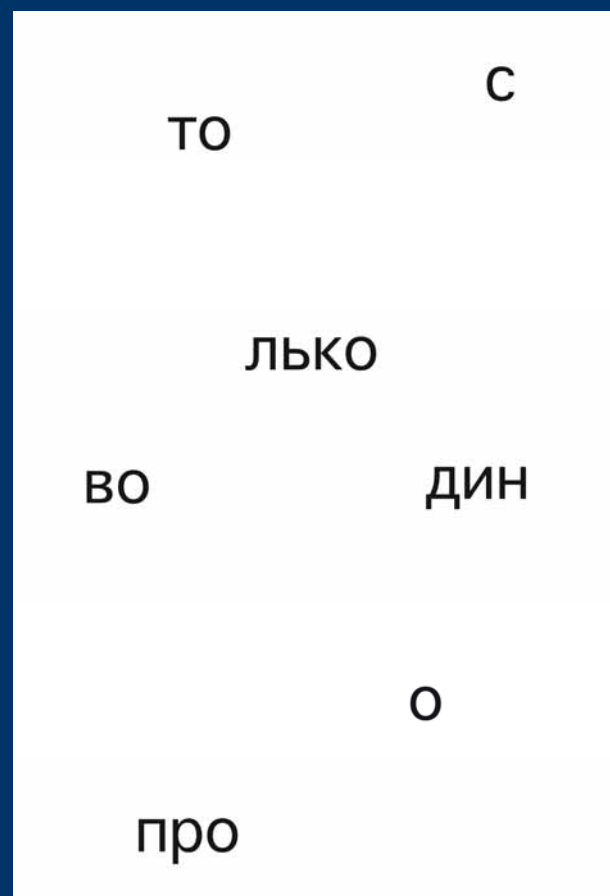
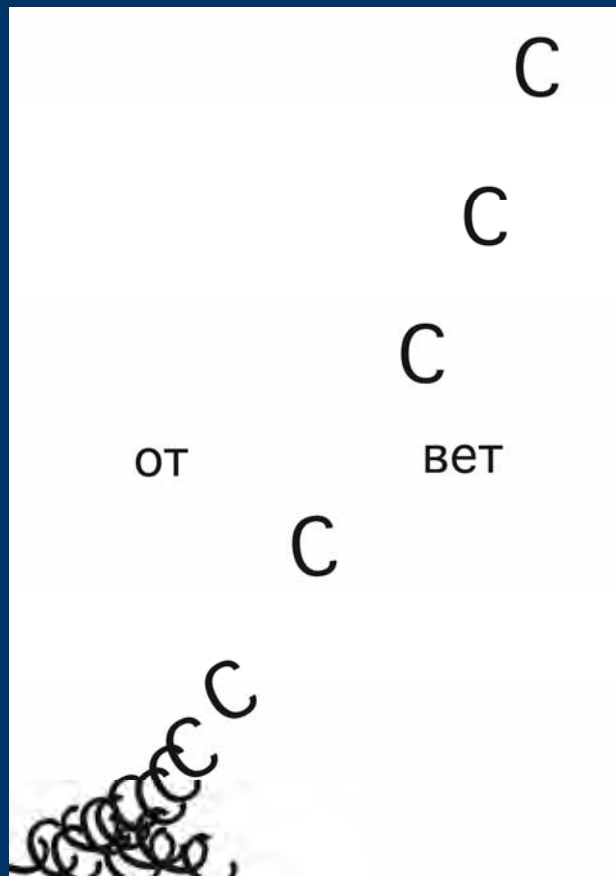
glock glock glock glock glock glock glock glock

klack klack klack klack klack klack klack klack

glock glock glock glock glock glock glock glock

glugg glugg glugg glugg glugg glugg glugg glugg

look look look look look look look look

Тексты публикуются по книге: Heike Fiedler. 20
langues de meehr. edition spoken script 5, 2010:
«wasserblasen» (s.15), «sillabus» (s.39), «только
один вопрос» (s.38).

Функциональный МОДЕРН

(практичная сила красоты)

М А Н И Ф Е С Т
современный обзор стиля,
краткая версия

Слоган:

Красоту в жизнь – пусть спасает...

Тезисный план

1. Призрак коммунизма – иллюзия пьяной свободы.
2. Предать_нельзя_уважать – место запятой в вопросе: предавать ли учителей, вытаптывать ли соратников?

3. **Функциональный модерн: практичную красоту в жизнь – пусть спасает...** Полифоничность звука и чувств, прикладная универсальность формы, минималистичность содержания. Графический роман, видеоклип, твиттер-поэзия.

4. Кто заплатит за восход солнца на закате империи? Поющие варвары и ораторы-аристократы: объединение задач развития формы и содержания. Всё украли до нас. Релаксировать на деньги за обслуживание песнями и ТВ_комиксами или нищее просвещение поэзией? Новаторская вариативность традиций в стиле модерн.

Время многолико, настоящее – точка перехода прошлого в будущее – проходная или поворотная. Доподлинно неизвестно, ходил ли по Европе призрак коммунизма, но в Россию зашёл – увидел – победил – ушёл. Руками не удержишь, любви не хватило... Крушение Российской империи (1914 – 1917) и литературы.

Доподлинно неизвестно, сколько ещё будут кочевать по головам многовариантные иллюзии о спасительной роли алкоголя, «опиума для народа» и прочих допингов, ведущих к суицидальным депрессиям. Только победителей не судят, только выживший может быть результативным и счастливым или не быть. Нам выбирать.

«...оптовый склад трагизма и боли!»

Всерьёз!

Пламя в глазах, «под глазами мозоли
От слёз...»

(в кавычках цитаты из «Декларации имагинистов», Сергей Есенин...)

Ни юродство ритуального пьянства; ни талант, прокрученный через жернова идеологий диктатур, вымораживающих ум и сердце; ни писать – под дулом; ни за слово – в тюрьму... отсутствие неотвратимости! неотвратимости! чудовищного выбора – наше реальное счастье! Нам выпало мирное благополучие – значит долго жить, много работая. Ни катастрофически-краткие дистанции эпатирующих модернистов начала 20-го века – фатально срываться с обрывов войн и революций – головокружюще-вниз; ни за карьерой настойчиво вверх и вверх по отвесным скалам социализма, надёжно забивая колышек за колышком, без страховки и, чем выше, тем труднее дышать... – наша часть эстафеты: марфонская дистанция смуты рассыпающейся империи –

опытным путём определить в каких формах, направлениях развивать литературные тенденции всех предыдущих поколений для следующих, чтобы – были! Развал Советского Союза (1985-1991) и советской литературы. Не нужно тратить силы и время на сбрасывание с кораблей, поездов, вертолётов... современности предшественников и соратников – не вдохновит! Предавать и вытаптывать – вытаптывать и предавать... учителей ли, друзей... низостью больше, подлостью меньше – не развлечёт! – духовная нищета не повод к самоуважению. На современном ковчеге-титанике всем места хватит... все идём ко дну. Перефразируя общеизвестный тезис: никто тебе не друг, не враг, но учитель! – конкретизируем: каждый сам себе учитель, каждый волен выбрать каждого учителем. А время мы не выбираем, мы определяем позитивные перспективы развития своих способностей в конкретных делах настоящего, интуитивно угадывая тенденции будущего. В любом возрасте жизнь слишком коротка, чтобы тратить силы на разрушение, её в обрез хватает, чтобы ставить и решать задачи на вырост, реализовывая которые мы проявляем и развиваем свои достоинства. Смута, безвременье, пересменок идеологий, отсутствие единственно верных ориентиров и единых порывов – даёт вариативность выбора, многогранность подходов, индивидуальность направлений.

Функциональный модерн (фр. Moderne – современный) литературный стиль, органично объединяющий новые технологии (интернет, видео, графика, музыка), прикладную декоративность (в ежедневном общении: смс, соц_сети, клипы, комиксы, манги, графические романы) и традиционную красоту литературных форм разных культур мира (восточную и западную), национальностей (вариативность этнических мотивов), истории (языческие мифы; хроники, жития, сказания, былины; переписки в блогах...).

Исторически начало стиля модерн с 1890-1914 гг., Англия. Характерные представители в живописи – Густав Климт (1862-1918 гг., Австрия) «Поцелуй» (1901 г.) и Михаил Врубель (1865-1910 гг., Россия) «Демон» (1890 г.); в книжной графике – Обри Бердслей (1872-1898 гг., Англия) «Соломея» (1894 г.) Оскара Уайльда. Три основные формы развития в стиле функционального модерна: графический роман (графика, проза, от 46 стр., твёрдый переплёт; демо-версия классического романа), видеопоззия (видео, музыка, авторское чтение стихов, от 2 до 7 минут; реклама стихов), твиттер-поззия (краткий свободный стих, до 199 символов, стиль смс, блогов, соц_сетей).

В мире весь двадцатый век развивался жанр комикса, соединение минималистичной прозы и графики.

Современное продолжение в России 21-го века в форме графических романов: фестивали КомМиссия (с 2002 г., Москва), Бумфест (с 2007 г., Санкт-Петербург) – сочетание динамичной графики и минималистичных форм литературы.

С 1980-х годов первые поэтические видеоклипы Джани Тотти (Италия). В России впервые видеоклип стихотворения «Компьютер любви», – Константин Кедров (1994 г., Москва); с 2002 г. в Берлине конкурс поэтического кино «Zebra», с 2007 г. Московский фестиваль видеопоззии «ЗРЯ!».

Twitter-style – стилизация стиха, как элемента общения в соц_сетях – Любовь Красавина (2006 г., Москва): минималистично (по размеру) Twitter_199_symbols (верлибр, подстрочник рифмованного стиха, ограничен 199 символами); практично (по форме) Twitter_199_words (стих в прозе, блоги, не более 199 слов); эмоционально (по содержанию) Twitter_199_sentences (диалог-переписка соц_сетей, до 199 предложений).

Первые публикации с 2006 года, книга «Кружево страсти» 111_Twitter (2016г., Москва).

Кто заплатит за восход солнца на закате империи? Необходимость тепла не уменьшается от неспособности ценить и платить. Платят за электричество, за рекламный слоган, за лозунг... Рваться за ТВ-пиаром, брать штурмом редакции, бороться за уже распределённые лит_гранты? Насилие не даёт устойчивых результатов. Поэзия – как солнце, фактом своего существования доказывает, что не всё продаётся в стране, где всё продаётся. Промелькнуть в позавчерашнем кайфе от патологической власти денег, – агитируя, пропагандируя, популяризируя, рекламируя? В отсутствии литературы легче доразвивать рассыпающуюся империю. Главная современная власть – власть денег. Главный принцип – принцип продажности. За сколько продан – столько стоишь – и бесплатно не выжить.

В отсутствие профессии писателя литература опущена до затратного хобби. Цинично продаваться или ударно голодать. Пролетарско-варварский метод – разрушать, ограничиваясь упрощённо-информационной функцией, адаптированной под массовую аудиторию.

Позитивная сторона – оптимизация формы. Путь интеллектуалов, аристократов духа – передача соотношений смыслов, сопричастность чувств, звучания нюансов... Сильная сторона – психология развития содержания, разработка новых форм. Не воевать, а сотрудничать, объединяя усилия – мы на параллельных прямых – в бесконечном будущем соединимся и... классическую розу, привитую к советскому дичку, переформируем в полифоничный бамбук функционального модерна и...

Ура! Товарищи! Улыбайтесь) господа! За кайфом кайф! За новаторскую вариативность НАШИХ традиций! – пусть модераторы модерна и модернизма ударно пьют мадеру, завезённую с Азорских островов Владимиром Маяковским.

Воскл!

Март_2017_Москва

Петр Казарновский

Санкт-Петербург

БАБОЧКА-ПРОПЕЛЛЕР

Р	Г
АЗ	ОР
ДВА	ОДА
ИВАН	ТЛИВ
ИЕГОВ	НИЖЕТ
НАРОДА	СТВОРА
ЛЖИВАТЬ	ТОРАКОМ
СЯКНУТЫМ	ПАНЕБЕСЬ
ГНУТЫМУТО	ТОРОКАНЬ
РНЫМУТРО	РТОВКАМЕ
МБОНАМИ	ДНЕЕТСЯ
НАТИНА	КОВЫСО
КОВОС	ТАЯНО
ТОРГ	ЧЬЮЛ
АНА	ЕТЕ
ВТ	ТЕ
Ь	Л

ПРОПЕЛЛЕР
ПОПЛЕТЕЛ
ЛЕПРОТИ
ЛИТРЕЛ
РПЕЛИ
ОПРО
ЛИТ
ИИ
О
ЛЕ
ТЕЛ
ОПОР
ОЛИРО
ПРОЛЕТ
ОТИРОЛИ
ОПРЕЛИЛО
ПРОЛЕПИЛЕ

Сергей Нещеретов

* * *

От перемены переулков
меняться городу не запретим:
он ими красно переучен,
поручен троеруким запятым
и запасным, как жизнь, обходам
всего, чего коснуться – долгий долг,
исполненный под вечность хором
и отданный вчерашней, чем cold dog –
не евшему со дна рожденья
рек, кровь свою поющих взаперти
и рвущих кожей дирижабля
спотыкновение в уме пути.

* * *

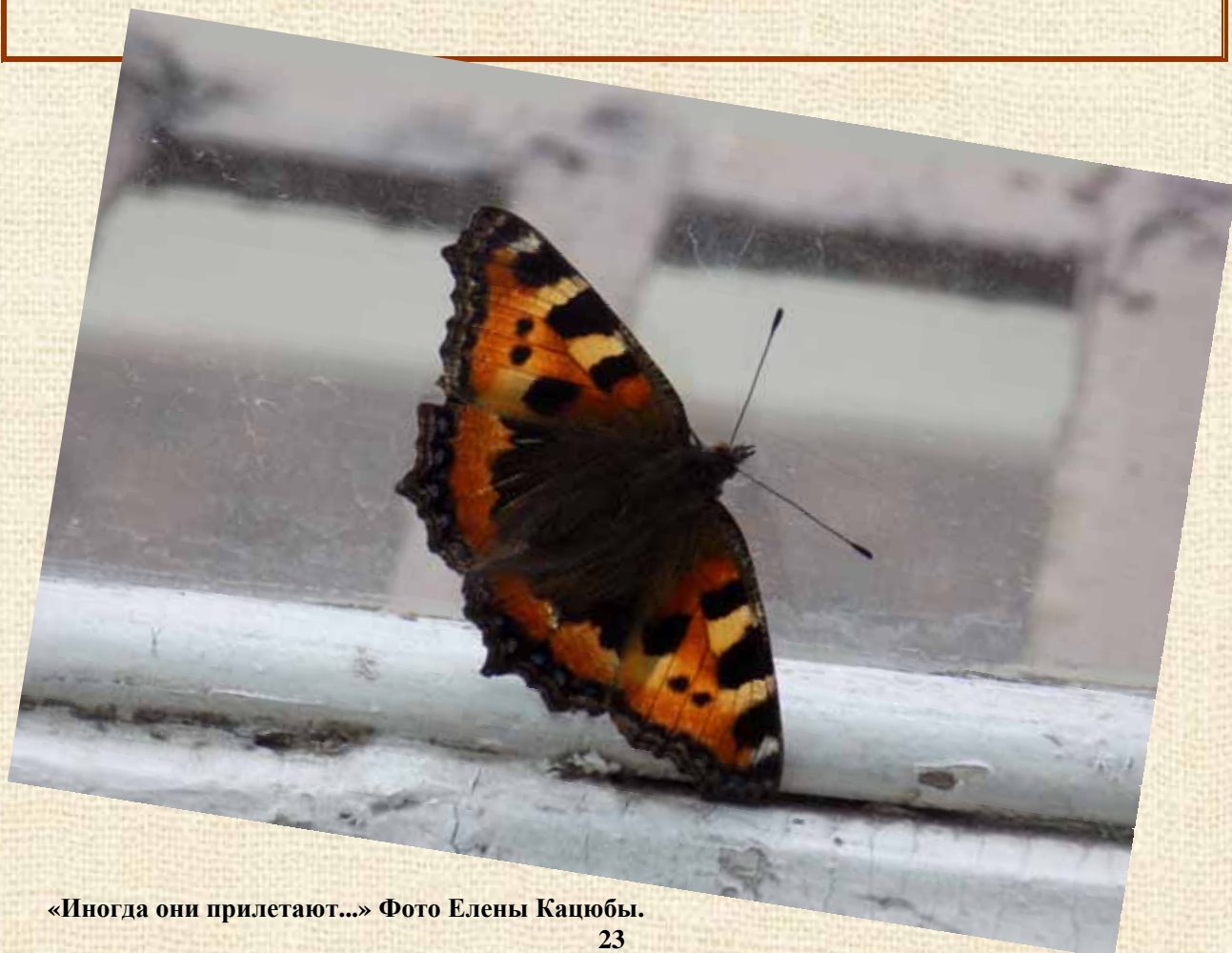
С последней стеной разминётся последняя дверь,
раскроется зорким горением горизонта.
Вздых выкислен вымыслом, выслеплен сушью кровей,
налитых на лето порукой всех бережёных.
За волю? Волами разваян волнения вопль,
растоптанный пот вбегает в обиду по-крысьи.
Есть кредо обеда: золой остывающий плов,
к припадку припав, устеет восстанием рисин.

* * *

Сплетен переплётчик, курьёзов курьер,
сызмала я бегаю вёртко, нырко, –
что же враз темношно (ни в жисть не курил)
дыблюсь в первострах пёстроватной шкуркой?!
Чтой-то надвинулось... растёкшийся скол...
От мысли нагой принапрягом спятишь...
Без мести сникудышились скрик да скок –
зверистой защиты затребуй с пятниц!
Да и то за щекой – леденец недель,
коридор короткий, его не тронут.
Голова трезва, а в кармане апрель
и прочих несколько непосторонних.

* * *

Пограничного снега пьяношатание,
книгоходов окрошечное окружение
и разглядка зари в зеро нашатырное –
сразу многое, гномоворосло-служебное,
отодвинулось, вычлось, каменно скомкалось
там, где бронзу пронзили приливную прозою,
что торопится вслух, оградными скобками
поводя, как плечами, не в такт ритмодрожию.

«Иногда они прилетают...» Фото Елены Кацюбы.

Герман Гецевич

Коллаж Галины
Мальцевой.

АНГЕЛЫ В ГОРОДЕ

Ангелы живут среди нас, им под стать
Клинопись лет, высота с журавлиными клиньями,
Но, к несчастью, они давно разучились летать,
Да и куда улетишь с перебитыми крыльями.

И если напомнит жизнь про любые нелепости,
Ангелы уйдут в ОМОН, окружив её взглядами наглыми,
Хоть в Божьем архиве ещё не утеряны ведомости,
Где даже охранники числятся полноправными ангелами.

Их можно встретить утром: и в слякоть, и в промозглую стынь,
Они подметают улицы, асфальт кладут вместе с прочими...
На земле, где больше грехов, чем святынь –
Эти ангелы прижились и стали разнорабочими.

Им не нужен рай, да и крылья уже ни к чему,
Поредели перья, огрубели характеры,
Их оранжевые жилеты видны в дорожном дыму,
В коридорах больниц мелькают их накрахмаленные халаты...

В городе столько ангелов, что по ночам светло,
Но завещано памятью чувство полёта зловещего,
Будто глубокая вмятина вошла в боковое крыло,
Будто лобовое стекло перечеркнула коварная трещина.

Подневольным ангелам не изменить судьбу,
Не переписать на́бело свободу, обриту́ю на́голо,
И не подняться на́ небо, к своему стыду...
Все на один покрой – пронумерованная армия ангелов.

Им любая работа с руки, важен только срок,
Любая метель под ногами их в стельку стелется,
Но бескрылого ангела усталость сбивает с ног,
И Хранитель храпит у экрана включённого «телека».

Ангелы просыпаются рано: кто трамваи водит, кто варит сталь,
Ароматом пшеничного хлеба на завтрак спешат к лежебокам,
И я благодарен каждому, кто хоть однажды стал
Ангелом, который ходит под Богом.

24

Компьютерная графика Галины Мальцевой

Юрий Метёлкин

В е р тер

...и ночь, и день, тудяга ветер
мой перестраивает дом,
о, пьяный кровельщик, о, Вертер,
что хочешь ты своим трудом
поправить в скромном поселенье,
зажатом в ветреной горсти,
под тихий ужас крон деревьев,
под scarлатину бедных слив,
...мы затаились, мы в осаде,
гремит на чердаке набат
и затихает бога ради
прифронтовым мгновеньем, спать
роняет нас твоя пощада,
до новой классовой борьбы
с тобою старенького сада,
дверей петельной ворожбы,
ты слеп – малиновый наследник,
смурных закатов велемир,
в Ростове потерял передник,
в Тарусе потеряешь мир,
следы небрежно заметая,
свистя в игольное ушко,
ты из людей сбиваешь стаю
и лепишь ком из дураков,
слепыми пассами, наощупь,
отмахиваясь от вихров,
ты гонишь странников на площадь,
к рукам гадалок и воров,
ты всюду свой, но чужестранец,
охальник, плут и воробей,
срываешь северный багрянец
с холмов нахмуренных бровей...
...тебе нельзя ни на минуту
поверить, впрочем как и мне –
следящему за баламутом
безумцу, слепшему в окне...

Евгений Степанов

кандидат филологических наук
друг ДООСа

ЖИТЬ-И-ЛЕТАТЬ

Я не хочу подохнуть,
Кручусь точь-в-точь волчок.
И рифма, точно похоть,
Хихикая, влечет.
И нимфа снов сосновых
Мне жить и петь велит.
И мир в чудных обновах
По-прежнему велик.
Я не хочу увязнуть
В безделье — не лентяй.
Я стоек не увядшей
Способностью летать.
Летать над неудачей,
Кричащей «кар-кар-кар»,
Летать, как пух гагачий,
А, может быть, Икар.
Летать над вереницей
Случайных колких фраз,
Над сумрачной больницей
И над командой «фас».
Летать над зыбкой кручей
Стрижам-чижам под стать.
О, жизнь, ты круто учишь
Летать.

ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Бог создал человека.
Человек создал Бога.
Жизнь продолжается.

ВВЫСЬ

За веточку жизни цепляться
Мне стало намного трудней.
И сила смешная, цыплячья
Уходит в фарватере дней.

Что было – прошло, не воротись,
Что нынче пришло, то пройдет.
Не хочется слушать ворон лишь,
Не хочется видеть проход.

Я сам не большой молодчага,
И годы мои пронеслись.
Но хочется – чтобы звучала
Душа, устремленная ввысь.

2019

ВОСЕМЬ СТРОК

электронные книги
электронные деньги
электронные знакомства
электронные письма

синее небо
зеленые деревья
белые метели

красная кровь

ИВАН-ДУРАК

Не надо мне полцарства
И даже много царств.
Я знаю, что богатство —
Отсутствие богатств.

Я знаю, там, где гроши,
Там до соплей забот.
Не надо этой ноши —
Не каждый унесет.

А надо мне Марфушу,
Что слаще пастилы;
И чтоб не лезли в душу
Бараны и козлы.

А надо мне свободы
На тыщу жизней впрок.
А что мы нищebroды,
Так бедность – не порок.

ЕСЛИ

если бомба
то сексуальная

если взрыв
то страсти

если безумие
то от любви

Лена Де Винне

ДООС – стреко-sapiens

* * *

А существует хоть один поэт,
который бы поэтил
без любви
к другому человеку?

Рыбка моя пушистая

Алёше Воеводину

Рыбка моя пушистая,
Птичка моя мохнатая,
Киса моя ушастая,
Пони моя горбатая.

Сказки споём красивые,
Прозу станцуем шёпотом.
Запахом рифм расшитые
Песни раскрасим в жёлтое.

Сумраком полдень выпадет,
Всполохом полночь вскружится.
Мрак леденящим пламенем
Солнца прольётся в лужицу.

В шёлке венца тернового
Вихри пропахнут соснами.
Капли мечты несбыточной
Склеют пургу с берёзками.

Взмахом хлопка испуганный
Зяблик-гигант зардеется.
Плаксы-ромашки облако
Рвут на куски под деревцем.

Клякса небес разверзнута.
Солнце – планета блёклая.
Гнутся прямые вектором
Призмы с цветными стёклами.

Крошка-слонёнок топчется,
Бабочка сеть раскинула.
Зубрик домашний с мальчиком
Пишет в тетрадь чернилами:

«Рыбка моя пушистая,
Птичка моя мохнатая,
Киса моя ушастая,
Пони моя горбатая».

Вячеслав Куприянов

ДИКИЙ ЗАПАД

Там далеко
это всё там европа
где сербы поют тамо далеко
где англичане всей англией плывут в америку
где французы хором ежедневно берут бастилию
где испанцы танцуют и мстят за похищение европы
где немцы перебирают бумаги и бегают на здоровье
где у швейцарцев на каждого своя дырка в сыре
где голландцы с надеждой ждут нашествия донкихотов
где шведы ходят в гости к датчанам
где итальянцы прыгают на своей одной ноге
где поляки еще не сгниели
где македонцы добро дошли до индии
где турки тихо воссоздают свою византию
где русские
всем здесь мешают
и хотят быть этой европой

ПЛАЧ ГОРБУНА

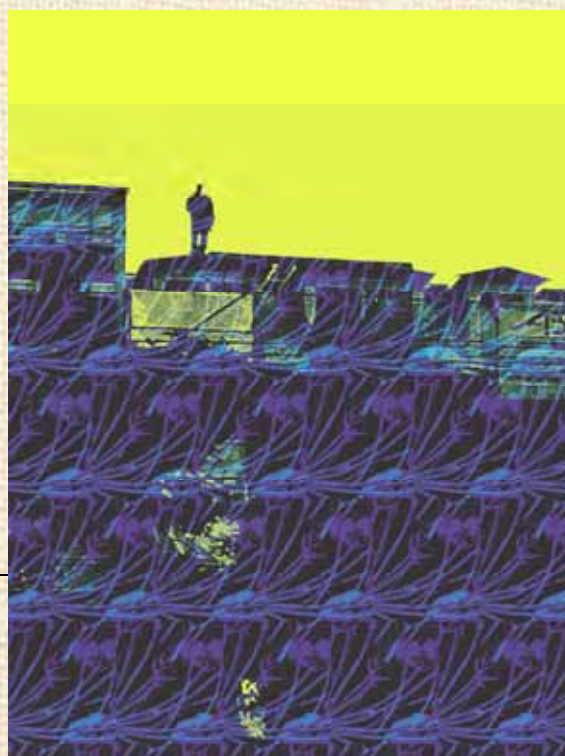
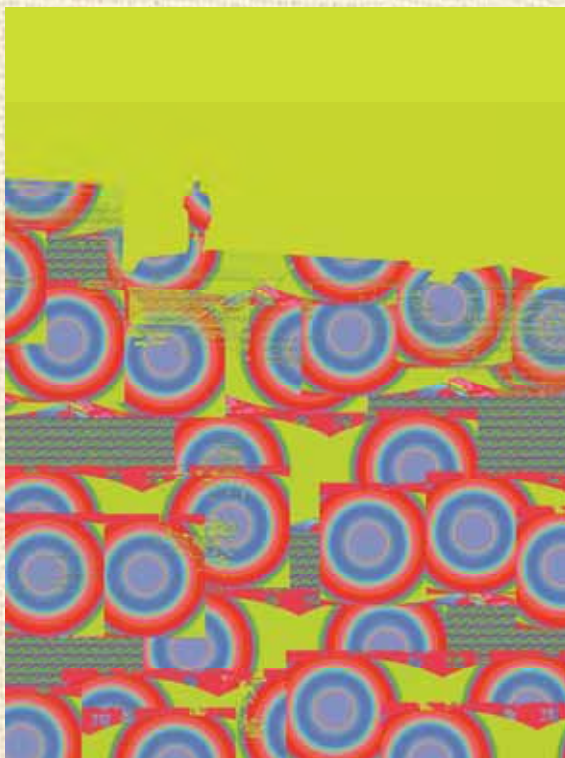
Я горбун
меня пригнула к себе земля
чтобы я не задевал головой солнце
горы кланяются мне
когда я прохожу мимо
но оттого моя ноша не легче
земля дрожит под ногами
когда я иду по равнине
но я не могу сбросить мой горб
в нем все мое счастье
которого я никогда не увижу
о когда-нибудь из меня
вырастет дерево шелковица
и в моих ветвях соьет свой кокон
шелковичный червь
из чьих шелковых нитей
можно будет соткать
паруса каравелл Колумба
которые под звездным ветром
унесут меня в богатое небо
потому что на земле
все открыто и разграблено
унесут за серебром дикарей луны
за золотом дикарей солнца

Андрей Вradий

ДООС – светозавр
Москва/Лейпциг

У себя в гостях

как только начинаешь сомневаться, то все
как только начинаешь, то все
как только, то все
как, то все
то, то все
все, то все
все

Компьютерная графика Андрея Вradия

Михаил Рахунов

Чикаго

Босхиада

Полк инвалидов, шагающих весело в ногу:
Каждый костыль, впечатляюще топчет дорогу,
А на трибуне, сколоченной с должной сноровкой,
Тучный полковник с какой-то заезжей торговкой.

Молча стоят вдоль дороги вальяжные франты:
Все – благодетели, боги, отцы и гаранты,
А за бугром, разноцветной рекламой играя,
Плещет Европа, как море, от края до края.

Пряник медовый подарен слепому народу,
Шустрые дети разносят холодную воду,
Кто-то поет, кто-то пляшет, от счастья в ударе,
Всюду цветут вороватые сдобные хари.

Всем им свобода нужна, как попу мандолина,
Главное, жизнь завертелась – не жизнь, а малина.
Столько веселья досталось им в кои-то веки,
Эх, зря старались учить их варяги и греки!

Дальше нужна, несомненно, для ясности сноски:
Всё это было уже на картинах у Босха,
Те же коричневый фон и роскошества Ада –
Словом, всё та же, как в прошлых веках, босхиада.

Подарок

Барабанщик судьбы, по нечитанным книгам скиталец,
Мне бы крылья свои не навязывать праздной шпане.
Что им вечная жизнь? Покажи им, не верящим, палец –
И они будут долго трясти животом в стороне.

Но среди улиц чужих, где усталые взгляды мгновенны,
Иногда ты найдешь освященное мыслью лицо.
Вздрыгнут крылья твои, разобьются стеклянные стены,
И ты робко взойдешь на открытое взору крыльцо.

И прохожий поймет, все что даришь ему безвозмездно –
Есть подарок судьбы, впрочем, как ты его не зови, –
Рассыпается в прах, исчезает зовущая бездна,
Открывается мир вечных истин и верной любви.

Ну а коль невдомёк, что тобою поставлено на кон,
Что ж, он прав, тот прохожий, значит, чувства ему
не даны –

И придут мужики, и поставят болезного раком,
И утащат его в царство вечных услад Сатаны.

Игорь Крестьянинов

ДООС – ижезавр

Ижевск

* * *

Я писать стихов не могу.
Я писать стихи не умею.
Антилоп, я какой-то, Гну
В легких присказках Лорелеи.
Ничего никогда не умею.
Ничего никогда не хочу.
Но когда я судьбой соловею
Тихо плача, себя хохочу

* * *

Строгою стиши из бульжника мостовой.
Дождем промываю острым.
Боюсь об тучу торкнуться головой.
Травой умираю пестрой.
Растелись рука за камские берега.
Нога, разбегись до Москвы.
Мозг, не жонглируй выцветшие стога.
Душа заполярна
В днях роковых.

РАНЫМ-РАНО

Ранним утром встают работяги,
Дворники и водители.
А молодые родители
Снова поспать не лягут..
Ранним утром встают старики.
Потому что ложатся рано.
И разводят лекарство в стакане.
Их дыхания так глубоки.

Ранним утром встают и поэты
Иногда. И строчат сонеты
Если утро позволит им
Показать всю изысканность рифм.

* * *

Словно шмель в кулаке шебуршится
строка

И жужжит, выбираясь на волю.
И дорога опять до небес дорогА.
Этим чудом ты недоволен?
Ты ж не фокусник и не генерал.
Не вхожий ни в телевизор, ни в радио.
Ты несколько раз со страной умирал.
И возрождался ради нее.
Каблучки слышишь? Любовь идет
Длинноногая, шея от Нефертити.
Типографской краской раскрашен рот.
Муза моя, магеллановое открытие...

Кира Сапгир Путешествие из Москвы в Петербург

Оса ДООСа
Париж

Посвящается Алёнке Басиловой
(1943-2018)

Мы с моей лучшей подругой – эссессой Алёной Басиловой, женой смогиста Леонида Губанова, решаем сбежать от сумасбродных мужей-поэтов в Питер – не то на чьи-то крестины, не то на чью-то премьеру. Как говорится, кстати и помоемся – у нее и у меня синхронно отключили горячую воду.

Вот мы на Ленинградском вокзале. Сговариваемся с проводником – тот отдает нам свое купе за 1 рубль.

Всю ночь Бася гуляет у меня по голове – примеряет наряды, главный из которых – знаменитые на всю Москву меховые джинсы.

– Слушай, дай поспать, твою мать! – стенаю я.

– Ничего, на том свете выспишься! – отвечает неумолимая Бася.

Приезжаем на Московский вокзал на рассвете. Басе непременно надо выпить кофе – без кофе она не может, видите ли. Увы, в такую рань все закрыто. Но у Баси – грандиозная сила воли! Чудом, непонятно как, она находит открывшуюся кафешку!

Звоним с вокзала по автомату всем подряд – в городе никого. Все в Москве. А кто не в Москве – у того ремонт. Или выключили воду. В общем, деваться некуда.

– Идем к Бродскому. Он нас пустит. Тут недалеко, – решаю я.

Мы звоним Иосифу – тот, к счастью, дома. Не выказывая особого энтузиазма, тем не менее впускает нас, странниц, покрытых железнодорожной пылью.

Он живет в «доме Мурузи», том самом, знаменитом. У Иосифа с родителями в питерской коммуналке двойная комната с аркой. За аркой у Бродского пристанище и гнездо: отведенный ему узкий пенал, там письменный стол, прямо над столом кнопкой прикреплен карандашный портрет Ахматовой работы Модильяни.

Иосифу явно не до нас: он дает интервью журналисту из западногерманской газеты. «Я и Рильке...» «Я и Гессе...» – слышится непрерывно. Журналист истоиво строчит в блокноте.

Мы смиренно сидим у стеночки.

– Иосиф, а можно я душ приму? – спрашиваю я.

Увы, в доме отключили горячую воду.

– Вот что, я сейчас должен уйти. Если хотите, посидите тут... – с этими словами оба, Бродский и журналист, удаляются.

Мы одни. Ужасно хочется курить. Сигарет нет. Денег нет. Что делать?

Алёна Басилова, 70-е.

Фото Анатолия Брусиловского
(из личного архива Киры Сапгир).

Алёна выдвигает один за другим ящики письменного стола – о счастье! Нашелся блок «Мальборо»! Фирменный! Живем! Жадно затягиваемся. Жизнь удалась!

Отодвигается занавеска. К нам выглядывает очаровательный папа Иосифа – мы знаем, что он фотограф в порту:

– Ох уж этот мне Иосиф! Фигли-мигли иностранцы, ветер в голове! – сочувственно вздыхает папа.

Постранствовав по негостеприимному городу, мы возвращаемся к Иосифу. Он нас впускает, правда, очень неохотно. В комнате – вонючий дым коромыслом (в буквальном смысле). Французенки в замшевых мини сидят по углам, садят «Приму».

Откланиваемся – хозяин не возражает. И мы, бездомные, бесхозные, бродим по Невскому – денег нет. Алёнка звонит маме – опереточной прима и поэтессе Алле Рустайкис – с междугородной телефонной станции.

– Мама, это ты? Пришли мне деньги! По телеграфу! Срочно! – раздается из кабины.

– Алёна, ты с ума сошла! Ты увезла мою английскую булавку, мне нечем подколоть подол платья, а я выступаю в концерте!

– Да иди ты на х... с о своей булавкой!

– Сама туда иди! Где моя булавка! – Иди на х...! У меня твоя булавка.

Вышли деньги!

– Иди на х...й!

– Да подавись своей булавкой!..

Публика потешается.

Мы сидим в пельменной на Невском, проедаем последние гроши. Официантка шваркает жирной тряпкой по столу, прямо у нас под носом.

– Вы что это делаете?! Здесь же люди сидят!

– Тоже мне, люди! Засела тут, фря!

– Да как вы смеете? Вы знаете, кто я?!

– Да уж видать – непальская б...дь – не дать не взять! – издевается баба.

– Вот я сейчас вам покажу, кто я! – с этими словами я рывком дергаю молнию сумки в поисках журналистского билета. Оттуда вместо карты вываливаются бюстгальтер с трусиками!

Посетители ржут.

Как ошпаренные, вылетаем из пельменной. Денег больше нет – и неизвестно.

Мы вновь на Невском.

– Так больше нельзя жить! – решительно говорю я. – Домой! В Москву! ...В Москву? А на какие шиши?

– Едем к моей тетке, она даст нам денег. Она живет на Васильевском, – решает Бася.

В ступающихся свинцовых сумерках пробираемся к тетке, пересекаем город на такси – тратим последние гроши.

Наконец-то мы на месте. В комнате у тетушки в чепце и шлафроке на постели с шпичками под стеганым одеялом возлежит Пиковая дама.

– Чего приперлись? – встречает нас Пиковая дама вопросом.

– Дайте три рубля, – решительно говорит Алёнка.

– Два – и вон отсюда!

Взяв два рубля, выкатываемся в неприятный город. Вновь берем такси – возвращаемся на Московский вокзал. Нет больше шишей. Нет больше надежд.

Как заблудшие души в чистилище, кружим по Московскому вокзалу.

– Девочки! Вы чего такие грустные? – двое молодых людей приличного вида движутся по направлению к нам.

– Нам надо в Москву, а мы не можем уехать!

– А почему?

– Нет денег.

– Ничего страшного – пошли с нами.

В крошечной ночи оказываемся на перроне возле поезда. Странный это поезд: в окнах ни огонька. Но туда заходят какие-то люди вереницей, поднимая воротники. Их выпускает внутрь круглолица, стоящая во тьме подле единственного вагона с открытой дверью.

– Что это?! Кто эти люди?! Почему нет света?! Я купил билет – что это за поезд? – раздаётся во тьме чей-то истошный вопль.

Бунтовщика спешно хватают, куда-то тащат. Вопль слабеет, и вскоре вовсе затихает.

– Прошу, – наш спутник галантно приглашает нас в купе. – Вам придется занять третью полку, но зато там перины...

Забираюсь наверх, валюсь, как сноп. Спать, спать, спать! Не тут-то было!

– Слезай, – дергает меня за ногу Бася. – Нас мальчики приглашают.

Добираемся до купе проводников. Там наши спасители. На столе армянский коньяк и конфеты «Кара-Кумы»...

– Угощайтесь, девочки!

В веселых разговорах в ночи катим в столицу.

– А вы кто по профессии? – спрашивают спасители.

– Я журналист, – говорю я.

– А вы? – к Алёнке

– Я тоже журналист.

– А где вы работаете?

– В ТАССе, – говорю я.

– В АПН, – это Бася.

– А вы замужем?

– Да, – отвечаем хором.

– А кто ваши мужья?

– Мой муж – поэт, – говорю я.

– А ваш?

– И мой муж тоже поэт...

И тут мы понимаем, что со стороны все это выглядит чудовищной брехней, хотя все чистая правда.

По пути ребята объясняют: они – комсомольские активисты, которых ЦК ВЛКСМ направил сюда добровольцами, чтобы приобщаться к народу. Добровольцы набили поезд безбилетниками, которых везут за скромные деньги...

За вагонными окнами рассвет – вот и Москва. На перроне, прощаясь с нами, юноша церемонно шаркает ножкой и представляется:

– Копьев.

Ну да, тот самый, что спустя десятилетия возглавит совет директоров мега-холдинга АФК «Система», владельца практически всей отечественной прессы!

...Дома у нас дали горячую воду.

Александр Петрушкин

Кыштым

ОДА НА ТРЕТИЙ ИЮЛЬСКИЙ ЛИВЕНЬ

Холодная вода, что вертикальна,
стоит – шевелится – который день летально –
садам – по горло – конопле, канаве
[как бы избавишься от ангелов и правил,

где я углом живу сентиментальным,
себя не стою – от того и плачу,
что нас не выдаст Бог, торчащий с боку,
торчу с водой, которой одиноко].

Мои друзья с другого края/света
За мной следят [с отчизной не одетой] –
со сволочью торчу, не накурившись,
харчком сплавляясь с родиной и тризной.

Прекрасна панихида будет этим,
пернатым, голосащим, как петели
конюшни, обернувшейся в сарай
[здесь понимаешь, что не надо рая –

пока вода стоит над огородом
и разбухает голосом чебачьим
древесный уголь – так,
а не иначе

* * *

Как хорошо в провинции провинций!
Где дым заранее заложен в наши лица –
три рта плывут чеширские к забору
свинцовому, как небо. Разговору

здесь не начаться, потому что нечем
нам прорастить его. По местной речи:
башкиры – это местные индейцы,
рекущие со дна – как бы ахейцы.

Их бог исправен – высохший до сосен –
передаёт заветы пароходу,
одноколейке (разве только Север
отсутствует везде [мы в это верим].

Как хорошо под небом – без печали
молчать. Не веря, тишине. Не в праве.
Лежать потопу поперёк – сквозь зубы,
читать усы чеширские, и губы

чесать шершавым местным безъязычьем,
портвейном трёхтопорным на свету.
и если в тьме лишь светятся отличья
то по-чеширски точно я живу.

Рисунок Кристины Зейтун-Белюс (Париж).

Чарльз Бернстин

Нью-Йорк

Молчание Бога

Теду Гринвальду²

Больше не тратить попусту жизнь
И не лукавить
И вот опять

На закате, после того, как сливовый цвет
начнет опадать и вечерняя прохлада
окутает нас
как странников
на карусели, кружащейся
под музыку

Я знаю
вы слышали это
и раньше
но сейчас
я это всерьез говорю

Мое везение

Из Авраама ибн Эзры³

При моем рождении звезды сыграли злую шутку
Если б я продавал свечи, не наступал бы вечер
Если бы попытался стать большой шишкой, стал бы кочкой
Если б шил я саваны, никто б не умирал
Продавал бы печки, всегда было б тепло
Пошел бы в океан купаться, расступилось бы море
Продавал бы оружие, был бы мир во всем мире

Редкое великолепье

прекрасный холодный сумрак опустился
на Кэрролл-парк
качаются пустые качели

скамейки пусты

1. В названии Near/Miss – игра слов: может быть переведено на русский как «Почти/Промазал» и – «Возле Мисс».

2. Тед Гринвалд (1942-2016; англ. Ted Greenwald) — американский поэт, автор 25 книг, родился в Бруклине, жил и умер в Нью-Йорке; примыкавший к языковой школе, близкий друг Чарльза Бернстина.

3. Авраам бен Меир ибн Эзра, (ивр. עזרא בן מֵייר, исп. Abraham ben Meir ibn Ezra); также Абен-Езра (1089, Тудела, тайфа Худидов – 1164, Калаорра, Королевство Наварра) – средневековый наваррский (испанский) и еврейский учёный раввин-философ, занимался математикой, богословием, астрономией, астрологией и особенно библейской экзегетикой, также поэт и лингвист, знал многие восточные языки. Автор простого и ясного толкования в буквальном смысле почти всех книг Ветхого Завета (за исключением Паралипомена). Автор сборника гимнов, песен, шуток и загадок (немецкий перевод 1885-1892). Один из основоположателей грамматики иврита. Среди математических достижений: ему принадлежат вычисления и свойства биномиальных коэффициентов. Автор многих книг по астрономии и астрологии.

Из книги
«Почти/Промазал»
(Near/ Miss, 2018)¹,

удостоенной
Боллингенской
премии за 2019 год.

Александр Гумённый

Новокузнецк

КВАНТ ЗРЕНИЯ

в коридоре видимом
текущих событий
в наблюдении субъекта
объект не постоянен
взмах век – это расстояние
между частицей и волной
уже другого мира

ЛЮБОВЬ

пока все шлюзы
мысли не задраены
/холестерин не завышен
и гормоны утрируют картину/
алгоритмы наливаются слов
свежестью прикосновений
упиваясь сполна
основным приливом
з н а ч е н и я

ФОБИЯ

на самой ранней стадии
уже опаздываем
шелуху скинуть вовремя
опасаемся бедолаги
быть обнажёнными
ещё неиспорченным
в прочерках телом

Александр Карпенко

ДООС – афганозавр

ХУДОЖНИК ВАН БОГ

В начале постылого, стылого века
Художник Ван Бог написал человека.
И вскоре Ван Бог удивлён был до дрожи –
Его человек вдруг очнулся – и ожил!
Потом – и о том не поведают храмы –
Зевнул, почесался – и вышел из рамы.
Затем человек, отряхнувшись от плена,
Подумал – и начал искать Диогена.
Вот так на заре пресловутого века
Ван Бог навсегда потерял человека.
Художник испробовал виски и опий;
Он сделал несметное множество копий,
Но в этих твореньях он, дерзостью славен,
Себе самому был, к несчастью, не равен.
И, вечность трудясь до разрыва аорты,
Людей создавал он лишь третьего сорта.
Художник Ван Бог, не суди себя строго.
Ведь все на земле без ума от Ван Бога.
И верят в него, будто в первенца – мамы:
Ведь был Человек – тот, кто вышел из рамы!
И он был велик, он был нужен и нежен,
Он чист был душою, правдив и безгрешен.
И верят земляне в старинные сказки,
Покуда Ван Бог держит кисти и краски.

Продолжение
темы
№ 4(48) 2013
«Из рамы!»

РАФАЭЛЬ

Как на землю спустившийся эльф,
Десантирован ангельским хором,
Воссиял и погас Рафаэль,
На земле промелькнув метеором.
Рисовал ослепительно он.
Кисть подобна была перу джинна.
Околдованный ликом мадонн,
Как учитель его Перуджино.
Гибеллин ты иль огненный гвельф,
Даже если ты малость с приветом,
Всех с собой примирит Рафаэльф,
Всех наполнит немислимим светом.
А когда зацветёт чистотел,
Обретеньями станут потери,
На высокой души частоте
Причащусь чистоте Рафаэля.

Фото Александра Лысенко (Вена).

Константин Емельянов

Александрия, США

80-е

Мы выросли не так как сорняки,
Засохшие недалеко от дома,
А как общественно-полезные цветы
На клумбе, что напротив исполкома.
Росли в неполных семьях. Без отца.
В ватагах пацанов, наивных, грубых
Папаша в ранге пьяни-подлеца
По воскресеньям выдавал нам рубль.
Который мы, не знавшие войны
Не на конфеты тратили – на водку.
Оттарабанив пионерскую речевку,
Мы жили не идеей, а футболом.
Хоть в старших классах и задрал штаны
Бежали дружно вслед за комсомолом,
Поддавшись барабанам и речам,
Парткомам и райкомам угождая.
А после в парках собирались по ночам
От передозировки угорая.
Мы ветеранов чтили как святых,
И клали на учителей с «прибором»,
Жалея вдруг родителей своих
Стыдясь их непонятных разговоров.
Мы выросли не так как сорняки,
Забывтое, лихое поколение,
80-ых вечные сынки
Вдруг вышедшие из повиновения.

* * *

С чего завершается Родина?
Со справочников и словарей,
Смешной фотографии в паспорте,
ОВИРовских очередей.

А может она завершается
С такси в Шереметьево-2,
Где долго с родными прощаешься,
Но выбрать не можешь слова?

С чего начинается Родина?
С гостиницы, что по пути,
Зелёных погон пограничника,
Работы, что трудно найти.

А может она начинается
С ночных телефонных звонков
И долгих расспросов родительских,
Ненужных теперь адресов?

С чего начинается Родина...

История ПО-человечески

Владимир Монахов

ДООС – братскозавр
Братск

ПОМНЮ ТЁПЛУЮ РУКУ ОТЦА

Слабая попытка семейной биографии глазами ребёнка

Радоница моей изюмской семьи

... раскаялся Господь
что создал человека на земле
и сказал Господь
истреблю с лица земли человек
которых я сотворил
.....

семь смертей тому назад
погиб под бомбёжкой
мой прадед Степан

шесть смертей тому назад
на второй мировой войне
пропал без вести
мой дед Андрей

пять смертей тому назад
в эпоху хрущёвской оттепели
совсем молодым умер
мой отец Василий

четыре смерти тому назад
в безвременье брежневского застоя
скоропостижно скончалась
моя мама Люба

три смерти тому назад
накануне чернобыльской трагедии
отправилась в мир иной
моя бабушка Феня

две смерти тому назад
в нулевые годы нового века
оставила меня жена Ирина

Не думай обо мне, о смерть моя!
О смерть моя, не думай обо мне!

а ещё сказал Господь
вы все – будущее того света

1.

Я родился в 1955 году в маленьком разрушенном войной городке Изюме на Слобожанщине. В городе всё моё детство стояли разрушенные войной крупные здания. Больницу в центре Изюма восстановили после войны лишь в середине 60-х. Потом в этой больнице мне резали гланды, накладывали гипс на ногу. А до этого двадцать лет после освобождения от фашистов Советской армией стояли только стены с пустыми глазницами окон. Они глядели на нас укоризненно и пугающе, а вокруг рос высокий, пожухлый от летней жары бурьян. И это был центр города. Но потом там построили центральную площадь, где стали проводить праздники.

Сначала наша семья жила в одной комнате коммунальной квартирки на улице Верхне-Садовая. Отец был болен туберкулёзом и умер, когда мне едва исполнилось четыре года... Помню большое количество похоронных фотографий в семейном альбоме – процессия растянулась на сотни метров по большой улице Нижне-Садовой, которая шла от заводской проходной и до кладбища... У могилы не протолкнуться... Я испуганно стою у гроба, тесно прижавшись к маме... Потом у могилы, заваленной венками и цветами... Меня всегда поражает, как мало доброго люди получают в нашей стране при жизни и как щедры мы на похороны... До сих пор в моём архиве хранятся десятки фотографий процессии, венков, цветов и людей, которые скорбели вместе с нами. Мне бросается в глаза, как много женщин с венками и цветами...

Нам дали двухкомнатную квартиру в переулке Нижне-Садовом, дом 4. Сыграла роль в получении жилья, конечно, болезнь отца. На решение повлияло и то, что он был общественником – участвовал в самодеятельности, говорят, хорошо пел, играл на гитаре и был, по воспоминаниям друзей, весёлым и добрым человеком.

Но в истории этой квартиры, которая значилась под номером ОДИН, была одна тревожная закономерность: в ней не приживались мужчины. Дом был новым, и первым умер отец. Мать пыталась выйти замуж, но всё не склеивалось у неё. Помню дядю Володю на велосипеде. Пьянь – отчеканилось в памяти. Выгнали. Потом завёлся Валентин, который прижился, и с ним мама завела мне брата Сергея, хотя тоже можно повспоминать такого! Но однажды Валентин сбил на машине человека на дороге, и его посадили в тюрьму, там он и умер... Уехал на службу в армию я и потом не вернулся назад, много попутешествовал, пока не закрепился в Братске... Младший брат Сергей привёл жену в квартиру номер ОДИН, родили двух девочек, но потом развелись, и Сергей оставил квартиру семье... Дети выросли, заводят своих детей – мальчиков и девочек, но соседи опять замечают, что мужчины не приживаются по этому адресу... Но это, как говорится, уже другая история...

2.

До 16 лет я жил под крылом славы отца. Собственно, кроме меня, эту славу никто не замечал, но меня она грела. Когда взрослые узнавали, что я сын Василия Монахова, мужчины добрили и норовили угостить сына старинного товарища лимонадом, а дамы преображались и смотрели на меня сочувственным и мечтательным взглядом. Из их рук я принял немало конфет, которые тогда в нашем доме были в дефиците.

А когда я достиг совершеннолетия, мне передали написанное от руки стихотворение, посвящённое отцу. К тому времени в стихах я уже разобрался, сам немножко сочинял и даже изредка публиковался в местной газете. Я понимал, что передали стихи слабые, но всё равно эти четыре строфы меня долго волновали – единственные поэтические строки посвящены

отцу, которого я помнил, но знал о нём крайне мало. А тут хотя слабые, но стихи – это выводило мои ощущения куда-то за пределы обыденной скучной изюмской жизни... Поэтому я их частенько доставал и перечитывал, а когда уехал из родного города, только их взял с собой в дорогу.

Провинциальные мальчишки подпитывались фантазией – вырасти и уехать за тридевять земель. На это был настроен и я. Но при моих частых переездах по стране стихотворение потерялось... Хотя нет, это я сейчас слухавил, а надо быть честным... Я сам уничтожил тот листочек, исписанный уборым женским почерком, рифмованного поклонения перед отцом... Уничтожил вместе со своими дневниками, куда оно было вклеено, как и последние письма мамы и бабушки... Я тогда уничтожил всё, что написал до этого... Уничтожил спортивные (а в 16 лет я стал чемпионом Украины, а затем бронзовым призёром СССР среди юниоров по боксу) и учебные грамоты... В 30 лет я рвал всё, что связывало меня с изюмским прошлым. После смерти матери и бабушки меня почти ничего и не связывало. Даже сейчас самому себе не могу объяснить, что это было и зачем я это сделал... И только фотографии пожалел...

3.

Два ярких детских воспоминания об отце бредут за мной по растянувшейся вдоль страны жизни... Мать в наказание лупит ремнём за очередную провинность, а отец защищает, потом берёт за руку и уводит от разъярённой матери. Мне, без мала четырёхлетнему, стало доставаться от матери особенно после того, как я поджёг дом бабушки. Дом остался ей от мужа, моего деда, который пропал без вести на войне. Мне

рассказывали, что после войны, когда мать и бабушка были в эвакуации, наши близкие родственники умудрились каким-то образом присвоить хату себе, дав неверную информацию, что бабушка и мама погибли при бомбёжке...

Как легенду бабушка часто рассказывала такую историю. Шло сражение в 1941. Бойцы Красной Армии установили напротив нашего двора пушку и стреляли в сторону немцев. Те отвечали. Выбежал со двора прадед Степан и попросил убрать пушки подальше от хаты. Солдаты рассвирепели: мы Родину защищаем, а ты тут шкурничаешь. На что прадед Степан ответил: а можно поменять позицию и Родину защищать чуть подальше от моей хаты? Там тоже такая же Родина. Прадеда хотели за такие слова расстрелять, но бабушка отмолила. Командир смилостивился. И теперь уцелевшую в боях хату отобрали хитроватые родственники. Но бабушка через суд вернула своё имущество обратно. С тех пор они не общались – я узнал эту семейную тайну лишь на похоронах бабушки.

Так вот этот дом в неполных четыре года я умудрился поджечь. Крытый соломой и камышом, он вспыхнул моментально, и хотя пожарная машина приехала быстро, потушить быстро пожар крыши не удалось... Только пролили глинобитные стены водой, и стены под тяжестью воды напряглись и готовы были вот-вот рухнуть. Хату пришлось потом разбирать...

Помню – стою на коленях у столба, который был в центре хаты, меня ругают, я рыдаю от страха и боли, обнимаю столб, у которого прошла моя коротенькая счастливая жизнь и вот так закончилась бедой. Теперь я – убийца, кровопийца, дрянь... И уже понимаю эти страшные слова, осознаю, что совершил что-то страшное, и на душе у меня комом стоит боль, которую я пытаюсь проглотить вместе с кровавой слюной и солёными слезами, но ничего не получается... Страх душит меня, но рыдаю вместе с семьёй... И среди крика, стоны, удушливого плача матери и бабушки помню успокаивающие слова отца, что нам дали двухкомнатную квартиру в только что построенном доме и мы теперь туда заберём бабушку, которая осталась без крыши над головой... Я догадываюсь, что в этих отцовских словах моё спасение и защита от женщин, желающих бить и колотить меня маленького...

Ещё помню, когда мы переехали на новую квартиру, как меня, играющего в песочнице с новыми дворовыми друзьями, отец подзывает, берёт за руку и ведёт к мороженице, что всегда стояла у заводской стены с колючей проволокой секретности. Подойти к ней и купить мороженое было радостным событием для каждого пацана нашего двора, но почему-то этот праздник редко случался... И тут из ящика, забитого сухим льдом, который волшебным парил, достают праздничное эскимо и подают мне... Теперь я понимаю – отец уже знал, что скоро умрёт, что дни его сочтены, а я останусь на руках бабушки и мамы, и что мне из-за своерольного характера и врождённого бунтарства будет несладко в жизни. И хотел как-то наперёд поддержать своего сына. Вот он и решил накормить меня мороженым. Как-то я написал об этом реальном эпизоде такое стихотворение.

Последнее, что я помню про отца:
он берёт меня за руку и ведёт угощать мороженым...
Самого мороженого уже не помню...
Только тёплая рука отца...

Это тёплую руку отца я несу через всю свою затянувшуюся жизнь... Вскоре после этого отец умер – вечером попросил принести ему электрическую бритву, а утром врачи сообщили матери о его смерти.

4.

Отец одевался стильно – это я понял уже взрослым мужчиной, когда стал немножко разбираться, что такое мода.

Хотя стильности отца так и не смог достичь в своей жизни... Все свои годы провёл разночинцем в одежде... Как сказала мне когда-то жена, только такой самоуверенный человек, как ты, мог позволить себе всю жизнь проходить в серых невзрачных костюмах. За эту приверженность к серому и неяркому дети иногда называли меня – Мышиный король. Отец носил шляпу, она сохранилась, и я потом её долго, играя, примеривал на себя в юности. Но когда вырос, так и не перешёл на этот головной убор, который, по мнению окружающих, мне был к лицу. Но я предпочитал кепки – тогда входили в моду кожаные, и такие у меня были. Отец тоже кепку носил, но только с пальто. А когда макинтош, дорогие костюмы, полосатые рубашки, галстуки, то всегда был в шляпе. Многочисленные фотографии задокументировали этот факт. И вся его одежда долго хранилась в нашей квартире после его смерти, занимая значительную часть платяного шкафа. Потом как-то незаметно куда-то разошлась, остались лишь рубашки в полоску, шляпа и белые парусиновые брюки клёш.

Повзрослев, однажды я достал из гардероба те самые отцовские брюки, отгладил, надел и вышел во двор гулять. Это был праздничный день 1 Мая. Был парад, потом мы с мальчишками организовали в нашем доме танцы. Клёш снова вошёл в моду, и брюки к тому времени мне были в самый раз, и я стал их носить летом. Но увы, праздник объединения с отцом и обновления был коротким, брюки были настолько старые, что быстро на мне сотлели и расплозлись, да и дворовые девчонки меня высмеивали за стиль одежды из прошлого... Время менялось – люди стали лучше одеваться... Вельветовые мальчишечьи недорогие костюмчики, в которых я щеголял всё детство, уходили в прошлое, подросткам шили брюки из хорошей современной ткани.

Застав меня обиженным на всё человечество из-за отцовских брюк, мать выдала денег, чтобы я пошёл модную обнову у местного портного, к которому бегали все пацаны с окрестных улиц...

Коричневые полосатые расклешенные брюки, в таких ходили старшие пацаны нашего двора, а теперь мог щегольнуть и я. Самое смешное, что модные брюки мне не очень понравились. Мне милее были отцовские... Недаром я всю жизнь пронёс классические брюки, серые костюмы, за модой никогда не гнался...

5.

На фотографиях из семейного альбома отец всегда был в окружении друзей, а чаще среди богато одетых женщин, большинство из них были нашей семье неведомы... Дамы были не изюмскими – отец из-за болезни часто ездил в санатории – и это были курортницы, как ехидно называла их бабушка, такие же больные туберкулёзом, как и папа. Хотя на снимках они таковыми не выглядели. Только эти фотографии будили во мне мальчишечьи фантазии об отце. Рассказывать об отце мама не любила, а бабушка так и вовсе частенько проклинала его за то, что он так рано умер и оставил сына на их попечение... С точки зрения бабушки – он был в этом виноват... И всё же я выстроил мальчишечью историю отца, которая однажды была разрушена.

Однажды, когда подростком лет 13 нёс с огорода мешок с нарубленной кукурузой и подсолнухом, я встретил приезжую семейную пару, которая шла с пляжа нашей реки Северский Донец. Одеты они были по отпусковому: на плечах полотенце, на голове шапочки и солнцезащитные очки. Было видно, что приезжие, местные летом тогда так не ходили...

Завязался разговор, и дама, внимательно осмотрев меня с ног до головы, задержала взгляд на глазах, с какой-то настороженностью спросила, а кто мой отец. Такие вопросы от дам мне уже были привычны, и я уже не скрывался. Надо было видеть, как она моментально преобразилась, вся повеселела и

защебетала, призывая в свидетели своего спутника, видимо, мужа, – оказывается, они вместе с отцом ходили в драмкружок местного Дворца культуры, часто выступали на праздничных концертах. От неё я ещё раз услышал, что отец бы необыкновенно талантливым и добрым человеком. Дама потребовала от сопровождавшего её мужчины, к его большому неудовольствию, забрать у меня мешок и, подхватив меня под руку, дальше щебетала влюблённые восторги про моего отца. Знала бы она, что в эти минуты беспощадно рушила мой собственный стойкий миф про отца, созданный из каких-то нелепых фактов и детских умозаключений.

Собственная легенда была такой: мой отец Василий Тимофеевич Монахов был главным инженером на нашем приборостроительном заводе, поэтому его все помнят и знают. Почему инженер, да еще и главный, хотя мне об этом никто никогда не говорил? Потому что в нашем доме поддерживался культ инженеров, мама и бабушка мне постоянно внушали, что я должен хорошо учиться, и я учился хорошо, стать инженером. Поэтому я своим детским умом для себя и решил – отец был инженером и, естественно, главным. И я робко спросил у мамы об этом.

– Что ты, – возмутилась она. – Причем тут инженер! Какой там инженер! Твой отец был настоящий артист, равных которому в Изюме не было!.. Да и в Харькове тоже... Когда он выступал на сцене – публика заходила от восторга... Его даже приглашали в харьковскую филармонию... А как играл на гитаре, как пел смешные куплеты!

Гитара! Да, это ещё один семейный экспонат, который остался в доме в наследство от отца. Я любил в одиночку бренькать на шести струнах... Я берёг инструмент. Учился играть самостоятельно, была в доме даже книга под названием «Самоучитель игры на гитаре», и я что-то там вычитывал. Играл я очень плохо, так плохо, что и сам осознавал это. Услышав мою игру, одноклассник Сашка Штер взялся мне помочь, показал несколько простых аккордов, из них я освоил только половину. И я стал наигрывать на отцовской гитаре модные песенки, закрывшись от всех в своей комнате.

– А работал на заводе он кем? – продолжал допытываться я. Про артистический талант отца я уже был слышан, но меня это не волновало, потому что, по словам родных, это не кормило. Я видел на сцене дворца по праздникам много заводских, которые хорошо пели, танцевали, декламировали, но я уже знал от мамы и бабушки, что это ничего не давало для текущей жизни.

– Кем, кем, да вроде токарем. На каком-то станке работал, – равнодушно сказала женщина. – Но это всё пустяки. Главное, что твой папа был на сцене сам Господь Бог! Ему чаще всего доставались все цветы.

Я давно заметил, что сопровождавший её мужчина не одобрял этот разговор о моём отце, он мешал ему и раздражал, напоминая что-то неприятное для него из жизни мамы. Он хмурился, кричал, но молча тащил мой неудобный мешок с кукурузой и подсолнухами... И когда я сказал, что мне направо, с нескрываемым облегчением на лице охотно поставил передо мной мешок с урожаем.

– Надо помочь мальчику донести до дома, – настаивала капризно мама.

– Ничего, тут недалеко, – сурово сказал мужчина, – теперь уж сам справится. Не маленький. Точно?! – и подмигнул мне одобрительно.

– Конечно, конечно, вон мой дом, – махнул я в сторону нашего двора и поддержал из солидарности мужчину, хотя тащить мешок мне не сильно хотелось. Но понимал, что разговор себя исчерпал, всё, что хотел узнать об отце, мне рассказали. Тем более, что новые знания не очень понравились. Я уже свыкся с собственной легендой про главного инженера, а теперь перестраиваться на самодельного артиста и токаря мне не хотелось.

– Прощай, Володенька, – обняла и нежно поцеловала меня

в щёку мама. – Помни Василия! Он был золотой человек.

Мама хотела ещё раз меня поцеловать, но муж крепко взял её под руку и настойчиво повёл по улице в другую сторону. Мама немножко сопротивлялась, что-то ему выговаривала, всё оглядывалась, махала прощально рукой, пока я стоял и смотрел им вслед.

6.

Твёрдо помню, что наша семья с отцом и особенно после жила бедно (хата бабушки, которую я поджёг, была крыта соломой вперемешку с камышом, пол был ещё земляным). Да, бедно, но сытно... Еда в доме всегда водилась... Хотя всю мою детскую жизнь мама всегда билась за дополнительный заработок... Культ рубля был в семье... Когда мама перешла на работу с окладом 125, а потом 150 рублей, сколько было счастливых разговоров в доме, что вот заживём... Но не заживали.

Я помню кровати железные, старый стол с проломленной крышкой (это были мои проделки – точно помню, что колот на нём орехи молотком, а когда меня пытались изболочить – тупо по-детски отнекивался – не я), этажерка, платяной шкаф всё это приобреталось еще при отце – не хватало денег купить новую мебель...

Поэтому семья держала огорода, выращивали и продавали клубнику – ездили на рынки Харькова, Донецка и даже Москвы. Каждое лето заводили в лесу бахчу, затем торговали арбузами и дынями на харьковском рынке. К этой работе привлекали и меня... Покупка новой одежды была событием. Я помню, как мы с мамой ходили на воскресный рынок за брюками мне. По дороге я нашел пять рублей, и это было большим счастьем для семьи – на мамины и мои деньги купили мне дорогие модные брюки.

Но еды всегда хватало... Главным поставщиком была бабушка Феня, которая каждую неделю привозила из деревни полные корзины: курицу, яйцо, мясо... Яиц было так много, что часть из них продавали... У нас долго не было холодильника, телевизора... Телевизор я ходил смотреть к соседям Кусайло – в их большой семье сей таинственный аппарат, с крошечным экраном и странным названием «Комбайн» появился первым в нашем восьмиквартирном доме.

Но зато я всегда выходил во двор с куском хлеба, намазанным сливочным маслом, а братья Кусайло с таким же куском (хлеб у всех был одинаков), но просто намоченным водой (в лучшем случае растительным маслом) и посыпанным сахаром... Мне соседский бутерброд казался вкуснее – и мы частенько менялись, а потом дома я просил сделать мне так же Бабушка Феня обзывала меня дураком – она понимала питательную полезную разность продуктов, но маленькому мальчишке эти тонкости были безразличны. Мне нравилось, что хлеб «мастили» водой и посыпали сахаром... Сливочное масло меня в это время уже раздражало... Наелся... Кстати, в доме всегда было много сухарей, бабушка их сбрызгивала водой, затем поливала растительным маслом, нарезала лук, солила... Я до сих пор помню этот вкус простой еды. Сам много раз делал – или хлеб не тот, или масло, или не те ручки... Ни разу не смог повторить того вкуса хлебного салата...

7.

Сохранилось немало фотографий с отцом. Одна самая примечательная и актуальная – Октябрьский парад 1955 года в городе Изюме. Я уже родился, а портреты Иосифа Сталина ещё носили на демонстрациях... Папа Василий Тимофеевич Монахов такой молодой, и Сталин всегда с нами... Сколько раз я рассматривал этот снимок, но никогда не заглядывал на

спину отца. И лишь несколько лет тому назад заметил, кто на плакате, за спиной у папы нашим вечным фоном и вечным зовом – сильной руки...

Мне мало рассказали в семье об отце, да и сам я мало интересовался, но в детской душе тайно от всех строил личную историю взаимоотношений с отцом по крохотным воспоминаниям, редким рассказам и фотографиям. Но о том, что у меня был отец, раз в месяц напоминало государство... Почтальон приносила для меня небольшую пенсию – по утрате кормильца, так она, кажется, называлась, в 23 рубля 18 копеек. Старшие расписывались в получении денег, отдавали почтальону мелочь (говорят, на Украине эта традиция сохранилась и по сей день), а мне из неё иногда выдавали рубль на мальчишеские расходы...

И я знал, что отец заботится обо мне, про государство я еще тогда ничего не думал... Много лет спустя я написал:

МОЛИТВА ОТЦА

Господи, прости!
Я не виноват, что
встретил любимую женщину
и она родила мне мальчика.
Но не успел сын подрасти,
как ты призвал меня к себе,
решив – так будет лучше.
Остался мальчик без отца
и запомнил обо мне только то,
как однажды я угощал его
мороженым... Господи!
Из этого крошечного воспоминания
он возвёл меня в статус
великого человека,
а я ведь всего лишь умел
точить на станке детали,
играть на гитаре модные песни
и яростно любить его мать...
Но сын, придумывая меня в
своём неисчерпаемом воображении,
стал поэтом и теперь пишет стихи
против тебя, Господи!
Боже, прости дитя неразумное!
Он всего лишь дразнит,
задирает тебя, пытаясь
вывести из божественного
равновесия, надеясь, что
ты смиростившись и отпустишь
к нему отца – поговорить!
Сыну так не хватает разговора
с отцом. Вспомни, Господи,
и ты спускался к
своему Иисусу, когда
распяли его на кресте.
Спускался утешить словом.
Вспомни,
как твой сын метал в тебя слова,
мучаясь от боли неизвестности.
И все выросшие без отцов сыновья
одинаковы.
Господи, не сердись,
не призывай его так рано к ответу.
Дай ему выговориться
со своими детьми и внуками.

И после этого стал снова искать связи с отцом, его родней, которые меня потеряли в детстве... Последнее, что помнится, как под диктовку мамы и бабушки писал слёзные письма родным в село Ямщины и в Мурманск – там жила сестра отца. В ответ приходила одна или две посылки с бедным набором гостинцев от них – карамель, печенье, теплые вязаные носки и валенки... Как я сейчас понимаю – всё, что могли. Вся страна жила бедно. Но бабушка и мама считали иначе – и усаживали меня на стол писать письмо. Записывал под их диктовку, но мне уже было стыдно за эти послания. И однажды я взбунтовался – не стал писать... И связь оборвалась... Я, конечно, ждал гостинцев издалека, но выпрашивать, хоть и под диктовку старших, уже стыдился...

8.

«Уважаемые коллеги, пишет вам журналист из Сибири – Владимир Васильевич Монахов. Мой отец Василий Тимофеевич Монахов умер в 59 году в Изюме, Украина, но сам он был родом из села Ямщины. Только связь с родными по линии отца была потеряна в 60-х годах. Хотелось бы найти родственников и дать знать им о себе... Может, как-то можно узнать о местных Монаховых, которые помнят о Василии Тимофеевиче Монахове...»

Пару лет тому назад отправил письмо на адрес местной газеты, затем школы села Ямщины. Прежде такое же письмо послал в администрацию Инсарского района, где село расположено, но ответа не дождался... Друзья спрашивают – зачем тебе это? А я и сам не знаю. Хочется рассказать им, что я – как продолжение отца – существую. Когда-то я уничтожил многое, что меня связывало с Изюмом, но сохранил всё то немногое, что связывало с отцом... И на склоне лет скрытая родовая сила меня толкает на поиски близких! А ответа всё нет... Может, в этом мире никого, кто знал отца, уже не сохранилось, остался только я? Так моя надежда сказать неизвестным мне родственникам, что я ещё здесь и сейчас – провалилась!

И этот сумбурный рассказ об отце – ещё одна такая попытка уже больше не для них, а для моих детей и внуков...

Отец был артистом, всегда – в окружении дам.

Сказ Фёдора Монахова из Сибири про дедушкину бороду-кладовую

– Надоела мне еда магазинская! – сказала в сердцах бабушка. – Хочу мяса чистокровного, дичи таёжной, рыбки речной!

Ни слова не говоря, взял дедушка ружьё охотничье, перекинул через плечо патронташ, туго набитый патронами, захватил удочки, топор и пошёл в тайгу добывать, что бабушка заказала. Долго ли, коротко ли ходил по лесам-буеракам, вернулся лишь через месяц, весь заросший огромной бородой, что тайгой непроходимой попахивала.

– И где же твои трофеи? – грозно встретила дедушку бабушка.

– Чего твоей душеньке желается? – рассмеялся дедушка в ответ, складывая в углу рыбацкие снасти и ружьё своё охотничье без патронов.

– А желаю тушеной зайчатины!

– Получай, – сказал дедушка и достал из бороды трёх зайцев. Тушили полдня, а три дня ели – радовались. На четвёртый бабушка сказала: «Моя душенька желает птицы боровой!» Дедушка поскрёб в густой бороде справа и достал глухаря, тетерева, рябчиков и куропаток. Ещё неделю жили-пировали, даже соседей угощали.

Потом в ход пошла рыба из безымянных таёжных рек: хариус, ленок, сиг, окунь и плотва пузатая. Через неделю перешли на дикого кабана и сохатого, которых дедушка тоже доставал из разных мест своей таёжной бороды.

Удивлялись домашние и соседи, взрослые и дети, как только вся эта дичь и рыба помещается у него в бороде?! Не борода, а настоящая скатерть-самобранка! И дедушка к тому же достал из неё шкуры соболей и лис – на шубы любимым бабушке и внуку.

Прошло немало зимнего времени, заблестели на окнах лучи весеннего солнца... И закончились охотничьи трофеи в бороде у дедушки.

Однажды опытный охотник достал из чулана топор, долго и старательно точил лезвие, а затем аккуратно очистил лицо от зарослей дремучих. А всё, что от бороды осталось, собрал в охапку и вынес во двор, да и посадил под окнами. Его щетина выросла в рощу густую-прегустую.

В ту дедушкину рощу вскоре стали забегать зайцы-попрыгайцы, прилетали птицы-неленивцы, заходили серые волки и лисы хитрые, даже однажды мишка косялапый шишки приносил... Стали мы все вместе дружно жить-поживать да добра наживать!

Теперь дедушка больше в тайгу не ходит, ружьё и удочки со снастями продал, а на вырученные деньги купил внуку велосипед, бабушке кухонный комбайн, а для ребятни построил в роще избушку на курьих ножках! А на большую сдачу купил мороженое для всех детей нашего двора!

*Записал дедушка
Владимир Монахов
Братскозавр*

Александр Раткевич

ДООС – белозавр
Полоцк

КАМЕННЫЙ ЦВЕТОК

Будущее эхом долетает
в мой ещё не выстроенный дом.
Записать его не поспевают
авторучка с золотым пером.

Но рука спешит, спешит куда-то,
ветер памяти её несёт...
Вся дождём изъеденная хата,
наклонившись, упадёт вот-вот.

То ли на печи, на лавке, то ли...
Каждой клеткой впитывая страх:
«Бабушка, а помнишь, там, на поле
крыльев окаянных чёрный взмах?..»
«Тьфу ты, глупый, это ж коршунёнок
наших кур повадился таскать».
И, глазами повода спросонок:
«Хватит дурью маяться – в кровать!»

Лунный шар неспешно прокатился
по стеклу вздохнувшего окна,
словно бы за ним не притаился,
а расцвёл... Не видно – пелена.

«Бабушка, а расскажи про Бая,
как он шёл, качаясь, по стене
и своим детишкам нёс, играя,
лапти, или что там, на спине».

Смутный вздох. Шматок сухого хлеба
шевелинулся странно на столе.
Огненный цветок взлетает в небо,
опускаясь там, в другом селе.

«Снова эти камни пробудились!
Бабушка, послушай... да не спи.
Посмотри, как ярко осветились
наши годы в жизненной цепи».

«Что ты мелешь. Где тебе Купалье?
Осень на дворе». Зевнула – спать.
Вдруг лиловой вспышкой в зазеркалье
огненный бутон расцвёл опять.

Покружил над озером и плавно
лебедем жемчужным за холмом
опустился и растаял явно,
словно светлый колос под серпом.

Прожитое хлынуло потоком
мимо взора, памяти, в зенит,
рядом с домом, что ещё во многом
не достроен или не обжит.

Что ли жизнь ценнее стала вдвое?..
Только, ну хотя бы перед сном,
не спеши записывать былое,
авторучка с золотым пером.

03-04.12.2000

«Я люблю тебя»

Объяснился в любви от А до Н на 50 языках Рифат Гумеров

1. Абхазский – Я тебя люблю –
Сара бара бзия бзо
2. Арабский – Я тебя люблю –
Ана ахебеки
3. Адыгейский – Я тебя люблю –
Сэ оры плэгун
4. Алтайский – Я тебя люблю –
Мэн сэни турар
5. Албанский – Я тебя люблю –
Уне дуа ти
6. Амхарский – Я тебя люблю –
Афэггерэ антэ
7. Английский – Я тебя люблю –
Ай лав ю
8. Армянский – Я тебя люблю –
Эс кэс сирумэм
9. Афганский – Я тебя люблю –
Ма ди кавэл мина
10. Башкирский – Я тебя люблю –
Мин хинэ яратау
11. Белорусский – Я тебя люблю –
Я тябэ кахаю
12. Бирманский – Я тебя люблю –
**Чэна тинго чхи ти
(Чумма тинго чхити)**
13. Болгарский – Я тебя люблю –
Аз ти обичам
14. Бурятский – Я тебя люблю –
Би шамай дурлаха
15. Венгерский – Я тебя люблю –
Серетлек
16. Вьетнамский – Я тебя люблю –
**Эм йеу ань,
ань йеу эм**
17. Голландский – Я тебя люблю –
Ик хуид ван ю
18. Греческий – Я тебя люблю –
Эго агапо су
19. Грузинский – Я тебя люблю –
Ме шен миквархар
20. Датский – Я тебя люблю –
Йег элскер дит
21. Дунганский – Я тебя люблю –
Во жыай ни
22. Иврит – Я тебя люблю –
Ани охевет отха
23. Идиш – Я тебя люблю –
Об дих лыб
24. Индонезийский – Я тебя люблю
Сайя ментьянта коу
25. Испанский – Я тебя люблю –
Йо тэ амо
26. Итальянский – Я тебя люблю –
Йо ти амо
27. Кабардино-Черкесский – Я тебя люблю –
Сэ уэ лагун
28. Казахский – Я тебя люблю
Мэн сэни жаратам
29. Кара-латыкский – Я тебя люблю –
К'тыбытык
30. Киргизский – Я тебя люблю –
Мен сэни суйу
31. Калмыцкий – Я тебя люблю –
Би чи дурта болх
32. Коми – Я тебя люблю –
Мэ радэйт тэне
33. Корякский – Я тебя люблю –
Гымнан гыччи ылну лынык
34. Кумыкский – Я тебя люблю –
Мэн сэни суюим
35. Китайский – Я тебя люблю
Во ай ни
36. Лакский – Я тебя люблю –
На вин хира хун
37. Латвийский – Я тебя люблю –
Эс тэви милу
38. Латинский – Я тебя люблю
Эго ту амарэ
39. Литовский – Я тебя люблю –
Аш тавя милю
40. Луганда – Я тебя люблю –
Нкуквагала
41. Македонский – Я тебя люблю –
Яс тэбэ сакам
42. Малагайский – Я тебя люблю
Тиа иануо ао
43. Малайзийский – Я тебя люблю –
Аку кунта капада авак
44. Марийский – Я тебя люблю –
Мый тыймым ратам
45. Менгрельский – Я тебя люблю –
Ма си мньюрк
46. Молдавский – Я тебя люблю –
Т'юбеск
47. Монгольский – Я тебя люблю –
Би танд хайртай
48. Мордовский – Я тебя люблю –
Мон вечкан
49. Навахо (дине) – Я тебя люблю –
Ка-га-уур-дь
50. Нивхский (гилянский) – Я тебя люблю –
Коды моды

Лидия Григорьева

ДООС – стреказанка
Лондон

●
Что со мною происходит, если даже бабочки меня не боятся и садятся у самых ног! И лесная лиса в двух метрах от меня балдеет на моём газоне среди маргариток. Но она отнюдь не доверчивая дурочка: услышала, что на улице хлопнула дверца чьей-то машины, послышались голоса, и тут же убежала подальше от калитки, спряталась за большим колючим кустом.

И не всех моих друзей и знакомых приветствует. Некоторым доверяет. От иных прячется – не заманишь и курятинкой. Разбирается в людях, надо сказать. Отличает плохих от хороших. А вы говорите, зверь...

Так что же со мной происходит? А происходит со мной ЛЕТО 2019 года «в лондонском саду, воспитанном руками русской поэтессы», как было написано в рекламе моей первой (2002) фотовыставки. Аминь.

Фото Лидии Григорьевой

Олег Епифанов

Как я себе представляю любовь

С блестящей координацией канатоходца
Когда в руках гироскоп балансира
Где на одном краю все лучи солнца
А на другом – сотворение мира

Шагаешь под куполом безумного цирка
Моменты отражают беспечность
Нога оступившись обращается в циркуль
Что в воздухе чертит знак бесконечность

А под другой рождается смысл
Мышца сокращается невпопад
Родная система в ряд зависла
Под точкой опоры планет парад

И сопоставляя постоянство движения
С динамикой остановки
Секунда до самоуничтожения
Зависит лишь от сноровки

Когда без страховочного устройства
Раскачивая натянутую лозу
Стараешься получить удовольствие
От замиранья дыханья внизу

И уже не важно что перевесит солнце
Что в слюнях на арене словно в болоте
Хищники нанизывают горящие кольца
В ожидании размазанной плоти

Что клоун вздохнет смеется
Жонглируя нашим прошлым
Что покровители ее отца
Любой риск считают пошлым

...И я не желаю свой палец, безымянный, озолотить
Мне лишь нужно в пределах вечности
Получать удовольствие от пути!
А не от цели твердой поверхности

Жажда

Миру — миф

— Он постоянно носит с собой запечатанную бутылку воды, — сказал Дима и кивнул в сторону шедшего по коридору, нелепо одетого парня, — но никогда не пьёт её.

Георгий повернулся вслед парню. Высокого роста, в его длинных руках болталась маленькая бутылка минеральной воды, по бокам которой обижено столпились жаждущие свободы пузырьки воздуха.

Дима провёл взглядом парня и вновь повернулся к собеседнику.

— Ты и впрямь решил, что кто-то поставит нам автомат с газировкой к дверям общежития? — недоверчиво спросил Дима, тоном смеясь над подобной мыслью. Георгий кивнул.

— Да. Я хочу собрать столько голосов, сколько смогу, и пойду прямо к директору. В такую жару без воды нельзя. Я не намерен терпеть. Думаю, руководство станет на мою сторону, особенно, если со мной будет всё общежитие. Ты со мной или нет?

— Да. Я подпишусь, — сказал Дима, и вновь кивнул в сторону ушедшего парня с газировкой, — пойди у него спроси, захочет ли он автомат возле входа. Может, перестанет носить с собой воду.

— Он и на пары с бутылкой ходит? Я не обращал внимания.

Дима кивнул, сохранив ироничную улыбку. Он повернулся к комнате, дверь которой придерживал рукой.

— Я пойду, — закончил Дима, — мне надо готовиться к завтрашнему опросу. Когда бумагу напишешь, приходи, я подпишу под ней.

— Хорошо, — сказал Георгий. Он постоял, пока за Димой не закрылась дверь, и зашагал по длинному коридору общежития, в сторону странного парня, не расстающегося с газировкой. Георгий шёл, мягко ступая комнатными тапочками по влажному после уборки паркету. Майка, безрукавка и шорты показывали, что в конце весны можно одеваться вольно и смело. Георгий подошёл к запертой двери. Последней двери по правую стену, где минуту назад скрылся парень с газировкой. Парня звали Игорь, но для Георгия имя было не важно, а важны были подписи. В жаркую погоду следует собрать все голоса, что возможно, и тогда, автомат с газировкой будет при входе, расслабляя напряжение и давая возможность выпить воды в жаркий день, без дополнительных нудных походов в магазин.

На стук никто не ответил. Георгий посчитал глупым со стороны Игоря отсиживаться в комнате, если он только что видел, как Игорь в неё вошёл. Георгий подождал секунд десять, затем постучал вновь.

— Игорь, открывай! — крикнул он, потеряв терпение. Тишина, и глухие шорохи коридора охватили Георгия и заставили почувствовать себя глупо. Он осторожно приоткрыл дверь, она оказалась не запертой. Теперь он войдёт и расспросит подробно о причине скрытости Игоря, а заодно, возможно, заберёт его подпись. Георгий открыл дверь, сразу же его обдало жарким, раскалённым воздухом. Язык словно присох к нёбу, поток воздуха отбросил парня назад, и он схватился за ручку двери, чтоб не упасть. Его глазам предстала необычная картина помещения, кардинально изменившая его жизнь.

Комната была пуста, а на полу по всей площади стояли пластиковые бутылки, без этикеток, заполненные водой. Посреди комнаты сидел человек, голый и полупрозрачный как медуза. Руки его были направлены в стороны, сидел он в позе лотоса.

В помещении была ужасная жара, и воздух, как в огромной печи, искажал свет, и размывал чёткие линии стен и подоконника. Всё дышало и плыло, словно плавилось, не выдерживая температуры. Три стены, доступные обзору, колыхались, как лёгкие гиганта. Больше всего Георгия поразил вид из окна комнаты. Весь обзор был покрыт красным светом, контуры деревьев и зданий коряво колыхались, не имея чёткого обозначения, как отражение в воде. А очертания предметов дёргались, как холодец, обижено вздрагивающий во время прикосновения.

Человек, сидящий спиной к двери комнаты, повернул голову на 180 градусов. Причём тело его не изменило положения. Голова повернулась, как у куклы, будто могла вращаться, независимо от тела. Показались маленькие глазки, близко расположенные друг к другу, худой и тонкий нос, крохотный рот. Георгий смотрел, щурясь от потока горячего воздуха и от яркого красного пламени, идущего с окна.

— Закрой дверь! — сказал человек, не шевеля губами. Георгий не успел отреагировать, дверь захлопнулась самостоятельно, едва не прищемив руку парню. Он пошатнулся, встал ровно и внимательно смотрел на дверь. Он часто дышал, наслаждаясь привычной температурой, казавшейся после печи помещения прохладой. Георгий посмотрел вдоль коридора. Дверь, возле которой он стоял, была последней, слева было окно, через которое можно было наблюдать двор общежития. Привычный до боли вид: зелёные листья деревьев, трава, серые дорожки, здание вуза белого цвета, с голубой полосой у основания. Парень огляделся. Коридор был пуст.

Георгий будто увидел привидение или мираж, и чтоб не потерять рассеивающийся перед глазами образ, быстро потянул руку к двери, намереваясь её открыть. Опередив его, дверь открыли изнутри, и Георгий отошёл на шаг от неожиданности. Перед ним стоял Игорь. Трясущее воздух недоразумение, искрой мелькнувшее в глазах, выдало Георгия. На заднем фоне комнаты, за Игорем, он увидел мебель, шкаф, кровать, стол, стоящий у стены, ковёр на полу. Обычные бытовые предметы, втёртые в повседневную жизнь. Никаких бутылок, и духоты не было. У дальнего угла, возле окна, стояла пустая кровать, представляющая собой голый каркас, с пружинным лежаком. Окно шумело свежестью и передавало живое настроение носимых веток и тусклого оттенка листьев.

— Я слушаю, — сказал Игорь гостю. Он стоял в майке и джинсах. Георгий заметил пустую кровать в дальнем углу комнаты и оживился, найдя повод для темы.

— Привет. Ты один живёшь?

— Да, — уверенно сказал Игорь, — мой сосед по комнате пропал без вести недели две назад.

— Я собираю подписи, для автомата с водой. Тебе хочется, чтоб у нас возле входа был автомат с газировкой? Тогда не нужно будет ходить в магазин.

— Мне это не важно, — безразлично сказал Игорь. Георгий ощутил, что в этой комнате происходит что-то интересное и необъяснимое. Разгадать ребус можно, лишь попав внутрь. Он отбросил мысль наглого вторжения и понял что раскусить Игоря можно лишь хитростью.

— Можно я войду?

— Зачем?

Быстрые мотающиеся мысли искали правильный ответ, перебирая варианты, но лицо выдавало неуверенность и

зачаток лжи. Георгий не знал, понял ли Игорь по лицу о его намерениях, но надеялся, что нет.

– Я хотел посмотреть видно ли из твоего окна кабинет третьего этажа корпуса. Ведь у тебя самая дальняя комната, и отсюда он должен быть виден.

Игорь посмотрел неопределённо на парня и отошёл от двери, пропуская его внутрь. Георгий снял обувь, прошёл к окну быстрым шагом. Он старался уловить все детали обстановки, пока ему не начали задавать вопросы. Он подошёл к окну, поставил руки на подоконник, приставив голову к стеклу.

– Да. Отсюда всё хорошо видно.

Георгий невольно заметил на подоконнике красивую красную коробочку, из непонятного материала, круглой формы. В ней лежали капсулы, похожие на продолговатые таблетки, цветом напоминавшие глубинное море, смешанное с ярким небесным сиянием. Синеватого цвета, они блеснули множеством крапинок. Эти капсулы резко привлекли внимание Георгия своей необычностью и красотой. Ничего подобного он не видел. Несколько капсул были возле баночки, рядом с его рукой. Он оглянулся и заметил, что Игорь выглядывает в коридор, став на одну ногу, держась за дверь. Это был шанс действовать. Георгий быстро схватил в кулак капсулу, и отошёл от подоконника, намереваясь поскорее покинуть комнату.

– Увидел то, что тебе надо? – грубо спросил Игорь, направляясь к подоконнику. Он подошёл к окну и первым делом закрыл красную коробочку, положив в неё остальные капсулы, затем спрятал её в карман. Игорь подозрительно глядел на гостя.

– А что это за капсулы?

– Для желудка, – резко сказал Игорь, не дёрнув ни одной мышцей на лице.

– Я увидел то, что мне надо. Спасибо. Я ухожу, – взволнованно говорил Георгий, отступая боком к выходу, – так что с автоматом?

– Не знаю, – Игорь пожал плечами, – если большинство будет «за», приходи, я тоже не против, чтоб газировка была под рукой.

– Договорились, – сказал Георгий и покинул помещение.

Для желудка, ври больше! Никакое это не лекарство. Ты что-то скрываешь, парень.

Через день, Георгий начал расследование. Он постоянно наблюдал за Игорем, подкарауливая его и стараясь понять, в какой момент и что он будет делать с капсулами. В кармане он постоянно держал одну, и ощущение её наличия придавало сил.

Он следил за Игорем, не зная, стоит ли говорить прямо, что правда ему известна. С мыслью его сбивали постоянные отговорки директора вуза о том, что автомат для воды слишком затратное дело, но Георгий не отступал и нагло наседали на него, махая перед лицом собранными подписями. Парень хотел добиться результата любой ценой, но ещё не знал, каков будет финал борьбы за автомат газировки.

Спустя ещё день Георгий увидел, как Игорь, стоя за корпусом, в тени от клёна, открыл красную коробочку и проглотил капсулу небесно-морского цвета. После этого парень скрылся за зданием. Георгий пошёл за ним, завернул за угол, но... там было пусто. Корпус длиной сорок метров по одну сторону, сетчатый забор по другую, и никого, лишь несколько мусорных контейнеров, за которыми никого не было. Игорь будто исчез.

Это капсула для изменения мира. Игорь путешествует в пространстве.

Рука Георгия сама достала капсулу из кармана. Он глядел на продолговатый кусочек небесно-морского цвета, блестящий мелкими крапинками, словно звёзды в небе. Рука

потянулась ко рту. Георгий проглотил небольшую таблетку и, замерев на месте, ожидал эффекта. Он стал в тень от клёна, возле угла корпуса. Возможно, он увидит Игоря, ставшего невидимым постороннему глазу, а, возможно, переместиться за ним в иное место. Георгий ждал, и неожиданно ему стало душно. Солнце будто в мгновение увеличилось в размере. Яркий свет, заливший фон красным, обнёс парня разгорячённой стеной. Стало жарко. Здание, возле которого он стоял, зашевелилось, словно живое, теряя очертания. Из стены ползли тонкие ветки, казавшиеся руками. Все предметы зашевелились в тонком порыве колышущегося воздуха. С деревьев пропали листья, на газонах не видно было травы. Георгий тяжело дышал. Атмосфера была удушающей, жара испепеляющей. Он прикрылся рукой от красного диска на фоне алого неба, явно превосходящего солнце в размере. Диск закрывал почти половину неба и был тёмно-красного цвета. Внутри диска всё шевелилось и бурлило, как бывает, если заглянуть в кастрюлю с горячим борщом.

– Мы хотим пить, – услышал Георгий тоненький голосок возле себя и сразу оглянулся, приметив нечто сликообразное, выплывшее из-под щели здания.

– Ты принёс пить?

Георгий не ответил. Он глядел на существо, ползущее, словно улитка. Существо напоминало человека, но слишком худого и маленького. У него были руки, ноги и голова, и всё это прижато к полупрозрачному телу. Оно старалось меньше попадать под прямые лучи света. Из столба, стоявшего возле парня, вышло другое существо, похожее на первое, только передвигалось вертикально.

– Дай мне воды! – сказала второе существо. У него, как и у первого, были маленькие глазки, близко расположенные друг к другу, маленький нос и тонкий рот, не раскрываемый при разговоре. Георгий вдруг осознал, для чего Игорь постоянно носит с собой бутылку воды. Следом за этой мыслью пришла другая: как ему выбраться отсюда?

– Мы хотим пить! Ты взял пить? – просящим писком твердили бездвижные рты.

– Что я получу, если дам вам пить? – спросил Георгий, учая выгоду положения.

– Всё что угодно, всё что захочешь, – сказала существо, ползущее снизу, и протянуло поднятую полупрозрачную руку с растопыренными пальцами, в ладони которой Георгий увидел капсулы, небесно-морского цвета, вперемешку с блестящими рубинами и золотыми украшениями.

– Дай нам пить, – сказала существо сзади и протянуло руку, которая, растянувшись и удлинившись, охватила ногу Георгия, как дикий плющ. Георгий отдернул ногу, отойдя назад. Яркий красный свет ослепил его, и он вновь прикрыл глаза ладонью. Существо, вышедшее из столба, обхватило парня за плечи, и у самого уха он почувствовал прохладу.

– Где пить?

– У меня нет с собой воды. Но я принесу вам её. Сколько угодно, – напугано начал кричать парень, – слышите? Сколько угодно. Только подождите.

– Мы хотим пить, – простонало существо, ползущее у ног, и начало обвиваться о тело Георгия, растягиваясь и вползая в его штанины.

– Отпустите меня, – крикнул парень, и начал отбиваться. Он чувствовал прохладу в ногах, по которым ползло существо.

– У него нет пить, – сказала существо за спиной парня.

– В его глазных яблоках есть влага, – сказала третье существо, стоящее впереди парня. В этот момент Георгий запаниковал. Страх пронзил его одним ударом, выпустив все его силы на борьбу с неизвестными просителями. Он дёргался, пытался сбросить налипших существ, пока к его лицу плотную не подошло третье существо и не уткнулось в него.

– Мы хотим пить, – сказала существо перед ним, и

раскрыло рот, растянув губы, которыми впились в его глаз.
Парень закричал.

Неделю спустя комнату Георгия освободили, оставив лишь металлический каркас кровати в углу у окна. Две недели его пропажу обсуждали по всему общежитию и корпусу вуза. Директор ходил красный, как солнце на закате, и ежедневно отбивался от навязчивых вопросов. Он подолгу закрывался в кабинете и глядел в окно, размышляя как ему вернуть расположение и доверие студентов. Проблема решилась сама собой, когда случайно ему в руки попал листок с подписями, собранными со всего этажа общежития. Листок, принесённый Георгием до пропажи и лежавший в ящике стола.

Спустя месяц после исчезновения парня случилось нечто. Дима смотрел в окно, выглядывая из своей комнаты второго этажа, и видел, как из грузового автомобиля выгружали прямоугольный ящик. Трудно объяснить его удивление, когда он понял что это. Перед дверями общежития поставили автомат с газированной водой. Ежедневно перед автоматом была постоянная шумная очередь. Рядом с автоматом на стене прямо над входом в общежитие висело объявление. Проходя в здание с бутылкой воды, студенты могли видеть мутное из-за нечёткого увеличения лицо Георгия, улыбающегося на фоне пожелтевших обоев. Георгий словно выражал радость по поводу компенсации затраченных усилий. Под фотографией большими буквами была надпись:

Вы знаете местонахождение этого студента?

Июль 2016

Рисунок Галины Мальцевой специально для ПО

Станислав Колчин

Калуга

Вселенные

тахioniы ест тахиониы¹
брадиониы ест брадиониы²
им не сойтись
есть световой барьер
который им не перейти
им не быть в одном пространстве и времени
жизнь ест жизнь
смерть ест смерть
им не сойтись
нет смерти в том что живёт
нет жизни в том что мертво
есть лишь момент перехода
туда или обратно
наши мечты – миры
наши души – Вселенные
им не сойтись
миры разбивают миры
вселенные не пересекаются
им не быть в одном пространстве и времени

03.04.2018 г.

Замок во тьме

Так незаметно,
как расцветает ландыш,
Робко и тихо
стремится к душе душа.
Мир сохраняется
в свете настольной лампы,
Только пока
фотоны к тебе спешат.

Ты существуешь,
пока тебя видит кто-то,
И оживаешь,
когда зажигают свет.
Всё, что ты знаешь –
всё от тебя исходит.
Замок твой пуст,
если тебя в нем нет.

В той пустоте
канули связи с миром.
Мир – это ты.
Некуда тут бежать.
Замок во тьме
не строй из своей квартиры –
Там, за порогом,
рвётся к душе душа...

31 марта 2018 г.

1. Тахион – гипотетическая частица, движущаяся со скоростью, превышающей скорость света

2. Брадионы – общее название частиц, всегда движущихся медленнее скорости света.

«Все, чего мы не наблюдаем, лишь потенциально существует, или, выражаясь более строгим математическим языком, пребывает в вероятностном состоянии».

Роберт Ланца,
Боб Берман.
"Биоцентризм. Как жизнь создает Вселенную"

Ольга Ильницкая

ЧАТЛАНСКИЙ ВЕРЛИБР

ДООС – слонозавр

Вилли Мельникову

Мне вчера дали свободу: Дорогие пацаки! Шершавым языком чатланского верлибра вдруг мой герой заговорил. Имя ему Верлибрагим. Фамилиё ему Стебалово.

Должность его замполлитр. Интересы его странные. Любовь у него неземная.

А возможности неисповедамы, как путь господина президента самого альтруистичного банка мира – мавзолеелейного. Мавзолейся, песня моя.

Так производятся стебы!

Там, где всего круглей земляжка, начинается песня ножей.

Революции не случится (без межпартийных случек и достойного кин-дза-дзаработка), контрреволюции вызрел шаг, уже наступила меч-та, зажав под мышкой портмоне стабильности, пугающее горожан.

Потому, наверное, что это стабильность угнетенного (ку)мира, череп-ах-нувшего чесноком погрома в сто-лицах, мятой больничного утра в провинциях, карболкой вокзального клозета и ванилью общепита типа ресторана хло-«Пушкин».

Нет ничего убедительнее контрреволюционных клубных пиджаков и льняных самовлюбок с авангардистским карманом у щиколготок. Привораживают россиян.

И отдушка прах-ладаном обманывает учеников, толпящихся среди правд площадей, и поет на рассвете золотой петушок, а гребень его голубой...

И разверзаются хляби небесные, и съепархивают оттуда не – Божители, и манна сыплется, как перхоть Господа нашего – перхоть все видят, а Господа – никто.

Это ЗавтрО настигло. Так живем, так и жить станем. А живы ли будем?

Как Крезидент повелит!

господин ПЖ Гравицапов

Максим Корепанов

Человек-краб

I.

Человек-краб – урод.

Человек-краб ты. Человек-краб я.

В каждом человеке достаточно краба.

Чем больше в человеке краба, тем меньше человека.

В крабе нет человеческого,

В крабе только краб.

Человек-краб урод. Человек-краб я.

Человек-краб ты.

II.

Человек-краб должен умереть.

Гуманность – одно из свойств лжи.

Человек-краб порожден гуманностью.

Человек-краб должен умереть.

III.

Человек-краб живет в мертвечине.

Чтобы жить среди живых, нужны зубы.

Чтобы жить в трупах,

Надо лишь привыкнуть к запаху падали

И всё.

IV.

Человек-краб поклоняется Осьминогу,

Человек-краб поклоняется Каракатице –

Простым богам,

Удобноприменяемым к жизненным ситуациям,

Преимущественно характерных ракообразным.

V.

Большая, черная черепаха стоит за спиной;

Человек-краб занимается падалью.

Голодная, лохматая птица стоит за спиной;

Человек-краб занимается падалью.

Необоснованное самомнение – черта

Бытийствующих пищевой смерти. Отсюда:

Человек-краб должен умереть.

Человек-краб я.

Человек-краб ты.

Человек-краб должен умереть.

Рисунок Кристины
Зейтунян-Белоус (Париж)

Эдуард Трескин
ДООС – баритонозавр

Последний полёт балетного ангела

Вспоминая
Рудольфа Нуриева

К 75-летию великого
танцовщика XX века

Казань. Театр оперы и балета. 1992 год. Еще неясно, что станет со страной и, следовательно, с нами. СССР куда-то исчез, а Россия еще не проявилась. Тянет сквозняком – то ли из окна в Европу, то ли в Азию, то ли из окна на улицу. Но что-то новое уже произошло. Причем не просто новое, а – невероятное.

По коридору театра медленно и нецеленаправленно идет, кто бы вы думали? Рудольф Нуриев. Как бы прогуливаясь.

Не может быть такого. Потому что быть не может никогда: ведь ангелы не ходят – летают. Даже падшие. А этот – идет себе вдоль длинного фронта гримерок. Крылья сложены и прячутся под просторной узорчатой блузой, берет одет набекрень. И все же он – не здесь, а где-то в ином пространстве, оттуда смотрят его глаза, оттуда звучит его голос, мягкий, негромкий:

– Нет, голуба душа, не смогу – все вечера заняты. Дни тоже – репетировать надо. Ах, фильм о Даутове!.. И Рихтер в нем снялся?.. Ну, не знаю... Посмотрим...

И ведь посмотрел, улучил пару часов! Признаться, не похвала Нуриева фильму была важна, а – сам факт показа. Всё равно, что на Каннском фестивале выставить, пусть и вне конкурса. А, может быть, и не в Каннах, а где-то повыше...

Тот вечер с ним пролетел до обидного быстро. Но

помнится так, будто и не в прошлом тысячелетии это случилось... А лучше всего врезались – детали, подробности.

Паника перед приходом гостя – где достать хорошего вина? Да что там – хорошего, просто вина. В магазинах две недели назад «выбросили» алжирское сухое, а теперь и его нет. С трудом достали бутылку «Телиани». Страшно переживали, что не понравится – он, наверное, только «Шато Марго» признает. Или какой-нибудь «Лафит-Ротшильд». Но ангел свой бокал лишь пригубил. Его австралийский друг Стив – тот и водочки врезал. И смеялся громко, демонстрируя белоснежную работу дантистов из Южного полушария. А Рудольф – только улыбнулся пару раз. Первый – когда его спросили, как, мол, там, в свободном мире, насчет театральных интриг.

– Правду ли говорят, что...

– Неправду, – и добавил, – вы – дети.

Ну, а второй раз «всемирный шикарный парень» – так его назвал кто-то из биографов – усмехнулся в машине: наша «копейка» никак не заводилась.

– У меня точно такая же в Париже, – сказал он, сложив губы в усмешке, – ну же, заводись, голуба!

«Копейка» деликатно кашлянула, выплонула облачко сизо-голубого дыма и послушно повезла нас в консерваторию, в концертный зал. Тот, прежний, стеклянный куб.

– Руку, руку сломал!.. – страдальчески вскричал Рудольф, когда я помогал ему выбраться из малокомфортной «копейки». – Тянуть надо, а не сжимать!

И возмущенно взглянул – словно сквозь прорези карнавальной маски – так неподвижно было его лицо. Он потёр руку, которой сегодня предстояло работать.

Это была репетиция «Ромео и Джульетты», но не балета, а одноименной прокофьевской сюиты. Нуриев не танцевал – дирижировал. Медленно пробирался сквозь оркестр к пульту, словно мальчик через ночной лес, раскрывал партитуру и уходил в музыку.

...Нет, дирижировал он совсем неэффектно, как можно было бы ожидать от чародея пластики. Ни поз, ни порывистых взмахов властной палочки, ни картинно-властных взглядов – только разговор всерьез. С кем? С Прокофьевым? С Шекспиром? С собой? С судьбой?..

Казалось, дирижируя, он и впрямь хотел родиться заново. Превратиться из бабочки в другую бабочку. А, может, – в птицу. Лишь бы летать.

Съемки этой репетиции и последовавшего концерта оказались одними из последних кинофрагментов в жизни Нуриева. Но тогда мы не знали, что совсем скоро он окончательно эмигрирует в страну, где нет ни границ, ни времени. Произошло это через год после исчезновения империи, где ему выпало родиться.

Он не мог жить в этой империи, потому что сам был империей – чувств, страстей и вечного диссидентства плоти. И как всякая империя, чем дальше уплывал, тем больше обрстал легендами, мифами, кому-то приснившимися снами и их толкованиями... Не избежал и я сновидения, которое не хочется истолковывать ни по Фрейдю, ни по Кастанеде – чтобы смысл не нарушить, бабочку не спугнуть.

...Возле памятника Тукаю, у служебного подъезда театра, стоял Нуриев – в костюме Ромео и почему-то в окружении белых борзых. Поверх костюма было небрежно наброшено белое кашемировое пальто. «Роскошное!» – так об этом пальто когда-то Рихтер рассказывал Даутову, а Даутов мне.

Памятник
Рудольфу
Нуриеву
в Казани.
Скульптор
Зураб
Зеретели.

– Здравствуй, – сказал Рудольф. – Извините, не удалось поехать на гастроли с вашим камерным оркестром.
– Но ведь вы же... у...
– Да-да, знаю. Со мной это, представьте, и раньше бывало – на сцене, неоднократно.
Белый аристократично-горбатый пес ткнулся в мою руку холодным носом.
– А вот здесь мне станцевать не удалось, – Рудольф кивнул в сторону подъезда театра, откуда, оживленно шебеча, вылетела стайка балетных девочек. – Только продирижировать вышло, благодаря Рауфалю.
И он улыбнулся – третий раз за всё недолгое время нашего знакомства...

...Ну, а наяву в мае 1992-го, похожем на грязный кокон невылупившегося грозного завтра, шёл себе ангел по коридору, как по улице, и по улице, как по сну...

В то время всё казалось призрачным и одновременно доступным. Первые залётные авантюристы – немцы, англичане, американцы – со сказочными предложениями за пазухой. Тут вам и строительство аэро- и морских портов, и гостиничных комплексов, и больниц с новейшим оборудованием. Супервысокие технологии и сверхдоходные предприятия. И, разумеется, инвестиции, инвестиции, инвестиции. Было бы желание. Казалось, ещё мгновение – и страна превратится в Нью-Васюки. Знакомый ассириец – чистильщик ботинок – с достоинством рассуждал о каком-то таинственном бартере, способном осчастливить всех жителей города, а скрипач симфонического оркестра пытался получить через своего двоюродного племянника кредит в банке на приобретение алмазного рудника в ЮАР. Бывший завотделом горкома в предельно сжатые – даешь пятилетку за четыре года! – сроки становился демократическим лидером, а учитель черчения в техникуме превращался в гуру, говорил об Арктогее, о сакральных знаменьях, о своих пророческих снах. И голос его превращался тоже – из скрипучего баритона да в задушевный тенор. А ещё он вещал о том, что каждый – хозяин своей судьбы: «Не делайте помарок на своем ватмане, не роняйте тушь, куда не положено, думайте и ведите линию твердой рукой – и всё сбудется, что должно сбыться. А коли нет – значит, неверный угол взяли, не те точки соединили...». Публика поражалась мудрости, внимала и ахала.

Был у нашей встречи с Нуриевым и некий подтекст. Директор театра Рауфаль Мухаметзянов поручил мне уговорить Руди стать главным дирижером камерного оркестра, созданного специально для поездок за границу. То есть туда, где груды золота лежат и нам одним принадлежат. Требовалось – ИМЯ. Главное, чтобы в афише выделялась красная строка – ДИРИЖЕР RUDOLF NUREEV. И – всё. Дальше как бы следовал кинофильм «Путевка в рай».

Нуриев сидел у нас дома, смотрел документальный фильм о Ниязе Даутове «Где вы, Маэстро?», изредка бросал краткие реплики.

– Даутов был лучшим Ромео на советской оперной сцене, вы знаете об этом? – спросил Нуриев нас.

Мы, конечно, знали – поразительно, что он знал об этом. Всё-таки их с Даутовым разделяло время. Возможно, Нуриев видел спектакль с Даутовым-Ромео. Или ему рассказал об этом кто-то, безусловно, для него авторитетный.

Я вспомнил, что в одном из последних интервью в России, будучи в Мариинском театре, Нуриев сказал о том, что его родина – сцена, и порывисто указал на неё.

Так же порывисто указывал Даутов на театральную Севилью в своей казанской постановке «Севильского цирюльника» и говорил тихо, почти шёпотом:

– Я туда, туда хочу!..

Два художника, таких разных и таких в чём-то очень похожих. Два одиночества, живших искусством...

За окном синел майский вечер, мерцал экран телевизора, Рудольф смотрел словно сквозь прорези венецианской карнавальной маски, приросшей к его лицу.

Его австралийский друг Стив поглядывал на часы – было уже поздно. По просьбе Рудольфа он принялся записывать расписание «Чингис-хана балета», как его назвал кто-то на Западе. Нуриев что-то вспоминал, диктовал Стиву, и в результате у нас в руках оказался вырванный из блокнота листок с расписанием занятых и свободных дней Рудольфа Нуриева на год вперёд. Вот оно, это расписание с его неопределённостью и пробелами.

Расписание Нуриева на 1992-93 год.

Июнь 23-31 Париж

Июль 4-9 ?

10-18, S, - France

Сентябрь 11-31 Париж

Октябрь до 7-8 Париж

С 9 до 31 – свободен

Ноябрь – Ромео и Джульетта, тур?

Декабрь

Январь 93 1-8 – свободен

до конца Токио

Март – свободен

Апрель – свободен до 23

Примерно через семь месяцев после нашей встречи Рудольф Нуриев уйдёт из жизни в один из свободных дней своего расписания – 6-го января 1993-го года. Будет греметь на весь мир балетный фестиваль его имени на сцене нашего театра, на который будут съезжаться прославленные балерины и танцовщики.

...А тогда, в том горьком январе, еще никто не мог предположить, что через четверть века возле театра оперы и балета в Казани – или, скорее, за театром – появится памятник «летающему татарину», сотворенный Зурабом Церетели. И театр будет, как корабль, как жизнь, уплывать от него, а Рудольф будет лететь ему вслед.

Сбежав от тотальной облавы, о прошлом ничуть не скорбя, он в славу влетел, словно лава, собою сжигая себя.

Царил и парил он на сцене, ни сил не жалея, ни жил – опаску в любви обесцеля, всегда не по правилам жил.

Мечта, что случайна и встречна, как корень цикуты, сладка... Искусство, конечно же, вечно, да только вот жизнь коротка...

Исчезли анонсы, афиши... Укрыт он – такая судьба! – ковром разноцветным в Париже на Сент-Женевьев-де-Буа.

Грустят по нему парижане... Но, ангел запретный без крыл, на родине мамы – в Казани – он в бронзе в полёте застыл.

И снова мечта оживает, несбывшимся счастьем манит. Театр, словно жизнь, уплывает, а он за театром летит...

Николай Еремин

ДООС – никозавр
Красноярск

* * *

Когда всю Землю обойдёшь,
Поймёшь,
Где – правда и где – ложь...

Что здесь,
Где жил,
Ты зря живёшь,

А где не зря –
Живут другие
Правдоискатели благие...

Храня надежды и мечты,
Какие им
Оставил
Ты...

2019

* * *

Проблема
Чинопочитания
Невыносима на Руси...

...Рабов ведущий на заклятие,
Господь, помилуй –
И спаси!

2019

* * *

Регистрация
Модерация
Конфронтация
Профанация
Компенсация
Эмиграция
То ли акция
То ли санкция

* **

Сог –
В переводе с латинского –
Сердце.
Сердечный – значит корыстный,
Значит, совсем не плохо,
Что в мире
Нет бескорыстных людей...

2019

46

Дарья Корнилова

ХРОНОПОЛИТЕН

Серёже Зенкевичу

Стало метро повседневностью, впитано всеми клетками.
Устраивает в поезде выставку, а в праздники даже концерт.
Напоминает мне дерево кольцами своими и ветками
с медленным ростом в начале и быстрым ростом в конце.

Изобретатели не обладали в Думе весомым блатом:
шестьдесят лет не мог проклюнуться через асфальт росток.
Задуманное в восемьсот семьдесят пятом,
появилось метро в девятьсот тридцать пятом,
когда транспорт наземный не охватил пассажиропоток.

Разрастающиеся ветки проходят под кольцами Садовым, Бульварным,
Третьим транспортным, кольцевую автодорогой, народ перевозят сполна.
Пересадочные контуры годом отзванивают календарным:
на кольцевой линии двенадцать станций, на МЦК – тридцать одна.

Хочу обратиться к метростроителям с предложением робким:
чтоб в часы пик в поездах и на станциях пассажиры могли присесть,
в дни аварий не становилось метро деревом пробковым
и количество станций было триста шестьдесят шесть.

18 ноября 2016

ВЛАДИСЛАВУ ДОБРОСЛАВСКОМУ

Лености¹, сталтности², небрежности³, очернительства⁴ говорить
я не прочь;
Горбатости⁵, обезжиривания⁶, зюгадости⁷, беспутности⁸ сказать
с меня тоже станется.

Полностью лишена иллюзий диссидентская дочь
И гулаговская внучатая племянница.

Аресты и расстрелы, что страну опорочили,
И бюрократические толстые задницы
Снискали по струнке не хватит мочи,
Тоталитарный режим не приглянется
Ни в коем разе диссидентской дочери
И гулаговской внучатой племяннице.

Кто об арестованных не справлялся всю ночь
И между строгостью и жестокостью не видит
разницу,

Не убедит ни в чём диссидентскую дочь
И гулаговскую внучатую племянницу.

Тем, кто устраивает взрывы, погромы, войны
и прочее,

А малые народы называет «низшей нацией»,
Не по дороге с диссидентской дочерью
И гулаговской внучатой племянницей.

Но люди гражданственные и несклочные,
Что должностями руководящими не пленяются,
Хорошего мнения о диссидентской дочери
И гулаговской внучатой племяннице.

1. Лености – нелестные слова о Ленине.
2. Сталтности – нелестные слова о Сталине.
3. Небрежности – нелестные слова о Брежнев.
4. Очернительства – нелестные слова о Черненко.
5. Горбатости – критические высказывания о Горбачёве.
6. Обезжиривания – нелестные слова о Жириновском.
7. Зюгадости – поношения Зюганова.
8. Беспутности – нелестные слова о Путине.

13 апреля 2017

Марина Александрова

Нижевартовск

* * *

Зарифмованная жизнь,
Как осколки льда на реках.
Стих мгновение кружит,
Взгляд случайный станет эхом
Дней ушедших и эпох,
Как просвет сквозь век минувший.
Отголосок лет, как вздох
Об ушедшем – светлом, лучшем.
Лист упавший не дрожит,
Книжный лист молчит на полке.
Заполняют витражи
Разноцветные осколки.

НЕ ПЛАЧЬ

Ручьями слез омою твой порог,
Но это не изменит расстановки
В театре Божьем лиц. Подходит срок
Услышать темы из аранжировки.

Что лучше – прокричать, шептать, пропеть?
Не слышно в общем хоре абсолютно.
Не стоит унывать, давай терпеть
С улыбками, где смех – не так и трудно.

Все к лучшему, и все во власти Божьей,
И может, я всерьез развеселюсь.
Но все же рассмеюсь поосторожней.
И ты поберегись, но и не трусь.
Окажется загадкой жизнь не сложной.
Решу, да вот решать все не берусь.

Дмитрий Панчук

Северодвинск

Адамова стрекоза

(А.Т. Тарковскому)

Иду на звук,
среди черствеющих хлебов
Обернут в дымку утреннего света.
А звук всё тоньше и напоминает стон –
уставшего в полях, загнанного ветра.

Табун коней –
несутся облака
И птиц их гривы – чёрные ресницы
закроют для меня изысканных озёр края
испытые могил глазницы.

От нас устала тишина
Мы будто в дюнах сосны по среди песка,
отчаянно надеемся на несуществующие листья.
Или Сжигаем в горящем слове пророка
яркострекочущие крыла –
вот так же наивно Адамову Тайну ищет
убитая мною стрекоза.

Владимир Миодушевский
«Гибель Айседоры Дункан»
(тонирующая бумага, масляная пастель),
2019 г.

Эльдар Ахадов

Баку/Красноярск/Новый Уренгой

Зинзивер – тайна Велимира Хлебникова

Рисунок Кристины Зейтунян-Белоус (Париж).

Минуло более ста лет с той поры, как на свет появились удивительные строки стихотворения Велимира Хлебникова «Кузнечик», загадочностью своей и красотой неустанно волнующие сердца ценителей поэзии:

«Крылышкуя золотописьмом
Тончайших жил,
Кузнечик в кузов пуза уложил
Прибрежных много трав и вер.
«Пинь, пинь, пинь!» – тарарахнул зинзивер.
О, лебедиво!
О, озари!»

Безусловно, наиболее любопытным персонажем описанного великим поэтом события является так называемый «зинзивер». Кто это? Откуда он взялся и чем именно занимается в данном случае? Каков его образ жизни?

Вероятно, многие полагают, что автор воспользовался одной лишь силой своего могущественного воображения. Однако к творению создателя «Трубы Гульмуллы», обладавшего математически выверенным логическим мышлением, а также дотошностью и скрупулёзностью учёного во всём, что касалось любых, казалось бы, малозначащих деталей описания состояний природы и души человеческой, мы обязаны отнестись с соответствующим вниманием, не поддаваясь искушению легкомысленных или недоверливых выводов.

Зададим себе несколько наводящих вопросов, пусть даже у кого-то это и вызовет улыбку. Итак:

Какое время года описано в стихотворении?

К какому времени дня это относится?

Что находится на описываемой территории?

Что именно сделал зинзивер?

В каких именно звуках это выразилось?

Какие именно существа производят подобные действия в окружающей природе?

При чем тут кузнечик?

Поэт даёт исчерпывающие ответы на все эти вопросы, несмотря на очевидную краткость и необычность исключительно талантливого изложения.

Действие происходит весной, не ранее конца марта и не позднее середины июня. Скорее всего – в мае.

Судя по последнему стихотворному восклицанию («озари!») – это либо рассветное, либо закатное время. Ориентируясь на поведение насекомого – закат.

Исходя из слов «прибрежных трав» и «лебедиво», место действия находится неподалеку от водного объекта. И, скорее всего, данный объект – озеро.

Зинзивер «тарарахнул», то есть произвел некие звуки.

Для автора это событие было важным настолько, что он, не ограничиваясь самим фактом фиксации звукоиздания, подчеркивает звуковоспроизведением: «пинь-пинь-пинь».

Подобные звуки в природе характерны для птиц.

Кузнечик относится к элементам естественной кормовой базы именно той птицы, о которой идёт речь!

Окончательно убедиться в том, что зинзивер – это птица, а также выяснить её породу можно, воспользовавшись конкретикой звуковоспроизведения как ключом к разгадке образа зинзивера. Вот что говорит по этому поводу современная орнитология:

Богатым голосовым репертуаром обладает Большая синица (лат. *Parus major*). Специалисты выделяют до 40 вариаций издаваемых ею звуков. При этом одна и та же особь одновременно способна чередовать три – пять вариантов, различных по ритму, тембру, относительной высоте звуков и количеству слогов. Особенно активен самец, поющий в течение почти всего года, за исключением поздней осени и ранней зимы.

В нашем случае время года – май. Зинзивер по версии Хлебникова – существо мужского рода («тарарахнул»), то есть, явно – самец. Теперь обратим внимание на то, какие собственно звуки характерны для данной породы птиц. Итак, песня – громкий перезвон «ци-ци-ци-пи», «ин-чи-ин-чи», крик – звонкое «пинь-пинь-чрррж». Весной однообразная песня «зин-зи-вер», «зинь-зинь». Синица-самец то нежно и тихо повсвистывает, то ведет громкую переключку: «пинь-пинь-пинь», напоминая зяблика, то испуганно трещит: «пинь-тарара» или с бесконечными интонациями повторяет характерный двухсложный посвист: «фи-фи». В конце зимы, приблизительно с февраля, большие синицы становятся оживлённее. В оттепель уже слышится их двух- или трёхсложный напев – ритмичное повторение звенящих или иногда как бы «звякающих» звуков («ци-ци-фи-ци-ци-фи» или «цу-ви-цу-ви-цу-ви»). У каждого певца – индивидуальная своеобразная интонация. День за днём эти напевы становятся громче и длиннее, невольно привлекая внимание своей оригинальностью. Аналогичное стрекотание имеется и у зяблика, однако для синицы характерен гораздо более звонкий тембр. Песня часто звучит при общении между субъектами пары, либо когда птица возбуждена. Кроме собственно пения, имеется и так называемая подпесня – мелодичное тихое щebetание, «мурлыканье», однако, оно чаще всего исполняется в феврале или марте, а значит не относится к тому периоду, который описывается в стихотворении Велимира Хлебникова.

Обратите внимание на то, что даже само слово «зинзивер» – явное звукоподражание пению не вообще какой-либо птицы, а конкретно именно Большой синицы (лат. *Parus major*) и именно – в весенний период, когда корм (кузнечик) чрезвычайно важен для обеспечения потомства богатой микрорезультатами (прибрежные травы, уложенные в кузов пуза) свежей пищей! Кстати, звуки «пинь-пинь-пинь» и «пинь-тарара» произносятся синицами только в моменты крайнего волнения.

Отметим также, что в период размножения Большая синица питается мелкими беспозвоночными и их личинками, уничтожая большое количество лесных вредителей. Основу корма в этот период составляют гусеницы бабочек, пауки, долгоносики и другие жуки, двукрылые (мухи, комары, мошки) и полужесткокрылые (клопы, тля и т. д.). Также употребляет синица в пищу и прямокрылых (кузнечиков, сверчков), как и происходит в стихотворении Хлебникова «Кузнечик». Отметим также, что весной Большая синица зачастую охотится и на нетопырей *Pipistrellus pipistrellus*, которые именно в этот период после зимней спячки ещё малоподвижны.

Таким образом, на примере маленького стихотворения мы имели возможность ещё раз убедиться в том, что поэт

Аркадий Перенов (Улан-Удэ). Велимир Хлебников
«Русь певучая в месяце Ай» (сухие пастели,
французский картон), 3 января 2012 г.

Велимир Хлебников обладал не просто наблюдательностью истинного поэта, но и весьма обширными познаниями в научном и просветительском отношении.

Проводя ассоциативную связь с праздниками древнеславянского народного календаря, можно отметить, что 12 ноября в народном календаре – это Синичкин праздник, при том, что сама синичка в старину именовалась «зинькой», «синюшкой», «зинзивером».

В православные времена синичкин день стал называться днем Зиновия, епископа Эгейского, и Зиновии, с той поры этот день так и именуется «Зиновием-синичником». Учитывая тот факт, что отец Велимира Хлебникова был профессиональным орнитологом, нетрудно догадаться о происхождении интереса и специальных знаний поэта в этой области.

Сюжетными коллизиями именно этого стихотворения много лет назад я и воспользовался, посвящая памяти поэта стихотворение, позднее опубликованное в первом томе моего собрания сочинений:

Памяти В. Хлебникова

Веет вечер-зинзивер:
Веер-ветер-велемир...
Индивеет индивер,
Засыпает зинзилер.
Зимневет и звенит.
Зинзивает и скользит.
Сквозникают сквозничи,
И чихают чихачи!
У свечи –
За тенью тень –
Зинь-зивень...
Зивень.
Зи-
Вень...

Татьяна Теребинова

Отрадный

Все тайны земляник

Посвящение
К. Кедрову
и Е. Кацюбе

Диптих

I. Три грации стрекоз

все тайны земляник легки в твоих глазах
ивовый тын – за ним боролась чья-то робость
и над строкой реки – летела стрекоза,
проказами остра, – зари меня образ;
лицо – в пыльце, – летит весною навесной:
над адом всех садов, зверей и птиц – мистичность!
а полость лопухов знобит озёрный зной
и вето – на ветвях, и ластится коричность
над храмами химер – полёт души – сквозь пух,
сон одуванчиков – на корешки кореньев
и залпами пласты дородны – ищет слух
над раной тишины – глубинное творенье.
над мальвою – молва, над веком – рвётся ров;
колышется крыло, оборванное кровью;
и на волне любви, под соловьями слов –
на прихотях минут – стрекозы – к изголовью.
над ливенкою – мир: на клавиши – нахлынь –
полётом стрекозы, мелодией полыни!
в тебе зарделся миг священных Берегинь:
три грации стрекоз танцуют на малине.
прозрачно стрекоза опять стреножит свет –
на крылышках знамён – у Ноя или зноя; –
пусть в полночь пьёт полынь, а в полдень дарит свет:
крыло её души – чуть лунно-золотое!

II. На запястье – стрекоза

таят чердаки пророчества книг,
что будучи пророчества
и вновь тишина приходит на крик
чтоб душу твою собирать
рожать, ворожить, двоиться в судьбе
и вынырнуть, чтоб обнять;
безумье благоразумья во тьме
и на свету – не принять
вот дразнится день и тает ночь
над омутом тайн серебряных зол,
в пустынях юности – вечная дочь
в раю ты – Лилит и лилейный зол
а пропасть – твоих приманит коней
над зноем знамений знамён
тогда и Иисус молился о ней –
о матери новых времён
в прощении проса, прОсини, сил;
луна как репка в раю
ледник последний – душою мил
и шороха рохлю – ловлю
на ладан – ладони, а оком – в окно
глядеть, на запястье – стрекоза
вино – безвинность, страстей вино
золотит твой образ и образА
печали развей печатью кровей
твой Ной уплывает на поиски вновь
каравай-земля и рай – на ней
и я – под крылом твоим, любовь!

Рисунок Кристины
Зейтун-Белюс (Париж)

Примечания автора:

тын – плетённый забор из гибких ветвей;
коричность – здесь: и кора, и цвет, и настроение;
ливенка – маленькая гармоника

Анна Гальберштадт
Нью-Йорк

НАРЦИСС ИГРАЕТ В ШАХМАТЫ

... людьми
передвигает их на доске
играя с невидимым партнером
сам – главный кукловод.
Фигурки приобретают вес
в зависимости от степени
любви к Нарциссу.
Их работа – восхищаться, тихо обожать
или возбуждать
страстно любить
просить совета, указаний,
мудрых инсайтов
крупинки мудрости
крошек со стола Нарцисса-гуру
мудреца.
Нарцисс играет ими по правилам своим
и по капризу тоже
передвигает фигурки
строго по часам
разыгрывает эндшпиль
по вдохновению:

пешка становится то ладьей,
а то и королевой,
проявив недюжинный энтузиазм
и изобретательность в постели
а королеву бывшую
с доски сметают
за то
что осмелилась она
на ошибку кукловоду указать.
Из умницы красавицы
её разжаловали тут же
в категорию бывших —
неумных, в общем, пожилых
и даже пугающих
как если самому
на себя
в зеркало взглянуть
ненароком с бодуна
иль в редкий час раскаяния
когда Нарцисс осознает на миг
что и он не бог.

Продолжение
темы
№ 4(66) 2015
«Под мраморным
небом»

Моргана Руднева

ОДИССЕЙ – ПЕРСЕЮ

Тесно, Персей, ну какая ж тоска в Эгее!
Что ли б Медуза снова взялась за дело!
Трою какую в войне разыграть умело
Раньше могли... Мы стареем, Персей. Стареем.

Ты посмотри – да вокруг же одни руины!
Что остается, когда отлетает эпос?
Наших деяний гипсовый серый слепок
Вряд ли украсит, Персей, хоть одну витрину.

Слушай, Персей, ну какая же это мука!
Камни кидают в нас дураки-мальчишки,
Жадно лакает Дионис вина излишки,
Пляшут козлы свои танцы, и тянет скукой...

Тошно, Персей. Оскудела людьми Эллада.
Крови пролили много, а что в итоге?
Жили достойно, пойдем да протянем ноги.
Меч обнажать только больше, Персей, не надо.

**Михаил
Гардубей**
Тюмень

**Остров
Родос**

2015 г.

Владимир Спектор

ДООС – спектрозавр
Бад-Зоден

* * *

Всё, как было, и всё не так.
Хорошо или нет – не знаю.
Старше стал молодой дурак,
Дни за днями взахлёб листая...

Кто б сказал, не шутя, всерьёз,
Сборник ленинских фраз итожа, –
Паровоз летит под откос.
Кто бы знал. И всё же, и всё же...

Слышишь эхо ушедших лет?
Не похоже оно на эхо.
Всё, как было? И да, и нет.
И смешно мне. И не до смеха.

* * *

Время рифмуется с буднями и выходными,
С миром – не миром, в котором любовь – не любовь.
«Имя, сестра!» – И – за ними, потом не за ними.
Время то ждёт, то не ждёт – Ты готов? Не готов!

Время рифмуется даже, когда оно – проза.
Даже когда незаметно прошло – не прошло.
Помню – не помню угрозы его – не угрозы,
Опознавая, как свой и не свой НЛЮ.

* * *

Времена упадка Рима далеки, необозримы.
Времена упадка – это проходили мы с тобой.
То ли в школе, то ли дома... Незнакомое знакомо.
Нас учили. Мы умеем продолжать незримый бой.

Мы умеем. Днём и ночью. Стал никем. А был рабочий.
Был товарищ, стал – не очень. Если что – готов продать.
А соседи не готовы. Справа дело, слева – слово.
День вчерашний, дым домашний ищут, словно благодать.

Слово выстрелить готово. Времена упадка снова.
Времена упадка чести и отчасти всех основ.
Слышу снова, как когда-то: «Аты-баты, брат на брата...»
Кто-то падает. Упадок. Будь готов! Всегда готов!

* * *

На окраинах воздух свежей,
На окраинах дышится легче.
Там «Ещё», позабыв про «Уже»,
Беззаботно шагает навстречу
Дню и ночи, не думая впрок,
Кто удачливей – принц или нищий?
Тот – не близок, а тот – не далёк...
Ну, а воздух – действительно чище.

Рисунок
Кристины
Зейтунян-
Белоус
(Париж).

София Максимычева

Ярославль

орнитология любви
и колыхающийся воздух,
где в золотой пыльце обвис
ночной шатёр.
во сне воссоздан
рисунок девственной луны,
лежащей яблоком на блюде.
где чувства все обнажены
пока по-птичьи многолюден
внутри твой иерусалим
и голубого неба мекка.
где голос просит – исцели...
от человека человека.

пора лояльности плодов.
по подбородку сок стекает.
не слышным время подошло,
став незначительной деталью
на фоне круглого стола.
оса увязла в винограде.
смешно тебя не целовать
на солнцем залитой веранде.
созрело лето и горчит,
почти становится болезнью.
зажатой бабочкой в горсти –
последней в августе,
последней.
где выжат свет на мой живот –
половозрелое бесчинство.
голубоглазое тепло
течёт по ветке
материнской.
ладонь оглаживает бок,
урок по памяти усвоен.
но так легко и хорошо,
что всё закончится
любовью.

ты – просто текст. набор лексем.
страница из молитвослова.
регистр звука. низкий тембр,
который осенью взволнован
нахальной лисьей красотой
и видом рыжего фасада.
изящной ножкой городской,
небрежно брошенным
– так надо.
губами терпкими, как сок
перебродившей винной вишни...
курсив,
что лёг наискосок.
на белый лист
– прости, так вышло.

Хадаа Сендоо

друг ДООСа
Улан-Батор

КАРАКОРУМ

Древняя столица, Хархорум,
Ты – больше, чем дождь осенний,
Больше, чем камни и нефрит с резьбою,
Ты вмещаешь издавние чувства жизни моей.

Древняя столица, Хархорум,
Ты застыла идиолом среди перевозданности,
Богом войны в ночи
В мантии империи.

Древняя столица, Хархорум,
Не застал я твои триумфы,
Доблесть твою,
И нынче я – из поэтов плакальщик главный.

Древняя столица, Хархорум,
Ты – больше, чем снега круженье в стынь,
Немота великой земли
И сухого навоза конского запах.

Каракорум, или Хархорум, – столица Монгольской империи в 1235-1260 годах, один из важнейших городов в истории Шёлкового пути.

КАК НЕБЕСАМ НЕ ВСПЛАКНУТЬ

Когда пустыня исчезнет,
Мы, двуногие, станем пустыней.
Когда вьюнов изведут,
Мы рек собой не заменим.
Когда кончится белый снег,
Зима замрёт в жизнях наших.
Когда кочевники сгинут,
Рванусь в прошлое, в Сангииндалай.

Когда Манделы не стало,
Маяк мира погас
В океане ночей.
Стоит птичке пропасть –
Музыкальной ноты лишится город.
Когда не станет земли,
Кто и куда возвратится с прахом предков в руках?
Как небесам не всплакнут...

Сангииндалай, или Сангендалай, – сельская местность, где прошло детство автора (аймак Шилин-Гол во Внутренней Монголии).

С поэтом и издателем Хадаа Сендоо мы были знакомы уже давно – виртуально. Несколько лет назад на портале GREMMY.RU он встретил «Компьютер любви» (в переводе на английский и другие языки) лауреата GREMMY.RU Константина Кедрова и сразу же предложил опубликовать поэму в альманахе. Потом Хадаа попросил прислать стихи русских поэтов, живущих в России и за рубежом. Так в следующих выпусках появились стихи мои и других наших поэтов. И вот в конце мая 2018 г. мы познакомились лично – в Сочи, на фестивале ЛИФФТ, созданном Маргаритой Аль (тоже автором альманаха). А фонд сочинской библиотеки им. А.С.Пушкина пополнился книгами, лично подаренными монгольским поэтом, кстати, постоянным автором «Журнала ПОэтов».

Елена Кацюба

ХУХ-НУУР

Памяти Лигдэн-хана

В сердцевине земли
Я жив пока.
Не желаю себе опять петь рассвет,
Пусть тем и вгоняю тьму в иступление.

Не желаю надеждам моим изнемочь,
Как коню моему
В шерстяной попоне,
Что от ратной бойни лишился сил.

Вино и мясо –
Как сумерки тусклые.
Лишь свет несёт мне удачу:
Упокоенье всех благородных деяний.

Лишь к сердцу прислушиваться, не скорбя,
Лигдэн-хану подобно,
Шум табуна, конский храп
Душой услышать – вот здесь,
У синего озера на краю.

Хух-нуур (буквально: «Синее озеро») – старое монгольское географическое название; в 1640-1724 годах в значительной части земель, ныне известных как Цинхай (Хух-нуур), правили хошуты. Впоследствии земли перешли под контроль династии Цин, став провинцией Цинхай в западном Китае.

Лигдэн Хутугту Хан (1588-1634) – последний великий хан в золотой династии Чингисхана. Правил, отстаивая национальные политические интересы. Попытка восстановить единство разрозненных монгольских племён, но в конечном итоге потерпел неудачу. Умер в Цинхэе (Хух-нууре) в возрасте 46 лет.

Перевел с английского Сергей Нещеретов

Примечания автора

Авторы двух последних выпусков о World Poetry Almanac

Татьяна Бонч-Осмоловская

Сидней

Очень хорошо. Интересная подборка российских авторов. Из Австралии – очень хороший поэт. Другие стихи тоже очень любопытные, разные все, как и должно быть. Очень здорово! Спасибо вам, я рада, что приняла участие, рада, что получила книжку.

Сергей Нещеретов

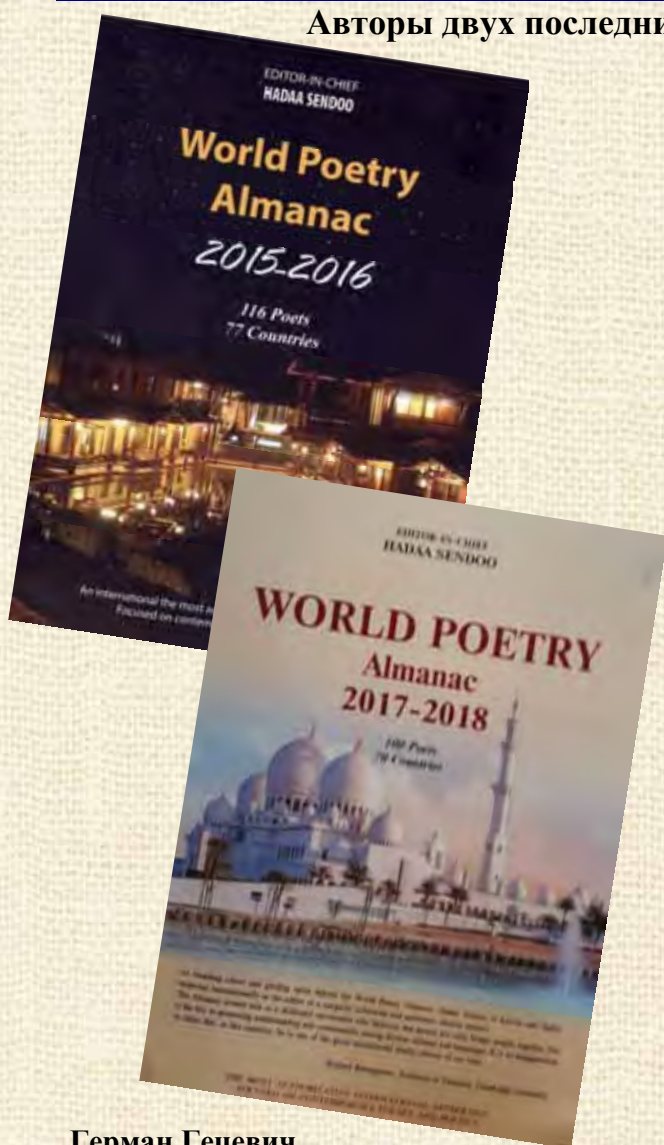
Не так уж много новостей притекает к нам в этом инфорпатичном веке из тихой Монголии, а тем более – бумажно-литературных. Но вот – новинка, способная разом утолить долгий страноведческий голод и надолго заинтересовать: специальный, юбилейный выпуск «Всемирного альманаха поэзии», который подвижнически издаёт и редактирует в Улан-Баторе поэт Хадаа Сендоо. Рабочий язык-нивелир альманаха – по логичной неизбежности – английский, что ничуть не сужает обзор поэтического поля: для поэтов мира писать по-английски стало привычно, а кто-то практикует автоперевод либо доверяется коллегам-друзьям.

Девятеро россиян образуют самую крупную группу (серебро делят китайцы и голландцы).

Кроме стихов страницы альманаха отданы поэтологическим эссе (о кочевой душе монголов размышляет штатовский литературовед Пол Скотт Деррик), рецензиям (Махфуз уль Хасиб Чаудхурук пишет о поэзии бангладешца Хелала Хафиза), интервью (на вопросы отвечает канадская поэтесса Бернис Левер), аналитике (профессор Кембриджа Антонио Квадрадо-Фернандез оценивает стихи Хадаа Сендоо).

Александр Карпенко

Я по-английски говорю с раннего детства, однако, тогда у меня складывалось впечатление, что язык международного общения – это русский. А английский – так, для общего развития. Сейчас ситуация изменилась, и дело тут вовсе не в патриотических чувствах. Как минимум, полмира говорит по-английский, и, конечно, альманах мировой поэзии сподручнее всего составить на английском. Есть одна общая тенденция а мировой поэзии, которая просматривается в произведениях представленных в альманахе. Симфонизм. Стремление в малом объеме текста высказать свою большую вселенную. Впрочем, так было всегда. Но именно теперь, как никогда, поэты стремятся совместить в одном стихотворении, казалось бы, несовместимое. Иногда бывает, что строчки словно бы из разных миров. А впечатление – цельное! Листая Всемирный альманах поэзии, составленный замечательным подвижником из Монголии Хадаа Сендоо, понимаешь, что у россиян порой превратное предоставление о современной поэзии. Большинство наших соотечественников полагают, что поэзия – это любые рифмованные строчки. Но в мире уже давно так не считают. Для авторов других стран поэзия – это метagalactica в отдельно взятом стихотворении.

Герман Гецевич

Ничто так не объединяет свободомыслящих людей, как поэзия, ибо поэзия и есть – максимальное проявление свободы. Особенно, если поэт выражает свои мысли в свободной словесной форме. Только свободные люди пишут свободным стихом, потому что именно в нём: «Словам – тесно, а мыслям просторно». Век силлаботонической системы стихосложения давно уже исчерпал себя. Рифмованное четверостишие – тюремная клетка для поэтической мысли и воображения. Но свободный стих свободен лишь от рифм, ритмов и метрических признаков. От содержания его никто не освобождал. Сегодня многие поэты сами в состоянии перевести свои стихи на английский, но даже в переводе сохраняется живое присутствие оригинала. Счастлив, что альманах «WORLD POETRY 2017-2018», вышедший в Монголии, объединил под одной обложкой 100 прекрасных авторов – людей мира, для которых верлибр – не пустой звук. Их стихи на любом языке и в любом переводе звучат, как настоящая поэзия. Особая благодарность составителю Nadaa Sendoo за возможность публикации наших поэтов в столь презентабельном и солидном издании.

ВВЕДЕНИЕ В ПАТАФИЗИКУ: «ВОРОН», ИЛИ ЭДГАР ПО В ОЖИДАНИИ АРЕСТА

*Чёрный ворон, что ты вьёшься
Над моею головой?*

Доподлинно неизвестно, знал ли Эдгар Аллан По (Edgar Allan Poe, 1809-849) знаменитую казачью песню или нет. Исходя из здравого смысла, разумеется, знать не мог, но, с паталогической точки зрения, он вполне мог распевать её за чаепитием в компании Мартовского Зайца и Сумасшедшего Шляпника. Патафизика весьма вольно обходится с пространственно-временным континуумом. Не зря доктор Фаустролл путешествовал из Парижа в Париж по морю, при этом не покидая Париж.

Как бы то ни было, своего «Ворона» По создал. Да так, что его стихотворение стало визитной карточкой американской словесности. Оно принадлежит к тому редчайшему числу произведений мировой литературы, которым было предназначено инициировать рождение мировой литературы о себе. О «Вороне» Эдгара По написаны тома, стихотворение переведено на десятки, а то и сотни языков. В нашей стране ему посвящён отдельный именной том в уважаемой серии «Литературные памятники».

Добавить к этому, в общем-то, нечего. Тем более что речь у нас пойдёт не столько о стихотворении По, сколько о потенциальных возможностях текста.

Родившаяся в 1960 году в недрах Парижского Коллежа патафизики организация Улипо быстро приобрела признание в серьёзных литературно-критических кругах, что легко объяснимо составом участников, среди них Раймон Кено, Жорж Перек, Итало Кальвино и другие крупнейшие писатели второй половины XX века. Аббревиатуру Улипо можно расшифровать как «Произведения потенциальной литературы». Это была литература сознательных ограничений, что вполне соответствовало патафизическому духу, позволявшему «каждому проживать свою жизнь как нечто исключительное, не следуя никаким законам, кроме своих собственных».

Надеюсь, что в недалёком будущем мы ещё не раз обратимся к практике Улипо, а сегодня попробуем увидеть, как сознательное или бессознательное ограничение способно если не перевернуть представление о смысле текста, то, по крайней мере, придать ему новый непредсказуемый поворот.

Поговорим о времени. В стихотворении По оно локализовано в режиме суток – это полночь и последующие за ней часы. Известен и месяц – декабрь, но никакое другое время в «Вороне» не актуально. Его события могли происходить в любом году почти любого столетия. Иначе говоря, историческое время для автора «Ворона» не имело никакого исторического значения. Стихотворение создавалось во второй половине 40-х годов XIX столетия, эпохе, не запомнившейся какими-либо серьёзными потрясениями.

Зато почти ровно столетие спустя, в первой половине 40-х следующего века, когда за перевод «Ворона» принялся в недавнем прошлом поэт-акмеист Михаил Зенкевич, эпоха была совсем другой.

Шла Вторая мировая война, но не ей было суждено отозваться в новорождённом переводе. В нём отчётливо звучат отголоски другого близкого исторического времени – «большого террора» 1937-38 годов.

Михаил Зенкевич не мог не ощущать трагизма эпохи. Принадлежность к «Цеху поэтов» была для него не охранной грамотой, а отягчающим обстоятельством. Он не мог не осознавать, что группа акмеистов была практически уничтожена. Гумилёв расстрелян ещё в 1921-м, Мандельштам и Нарбут сгинули в лагерных застенках. Ахматову держали на коротком поводке, отправив в ГУЛАГ её единственного сына.

Но они уже успели сказать о времени. Мандельштам:

Я на лестнице чёрной живу, и в висок
Ударяет мне вырванный с мясом звонок.
И всю ночь напролёт жду гостей дорогих,
Шевеля кандалами цепочек дверных.

Ахматова в обращении «К смерти»:

Ты всё равно придёшь – зачем же не теперь?
Я жду тебя – мне очень трудно.
Я потушила свет и отворила дверь
Тебе, такой простой и чудной.

Смерть и была буквально рядом – за дверью. Она чудилась в каждом шорохе, каждом полуночном стуке. Александр Солженицын писал об арестах: «Это – резкий ночной звонок или грубый стук в дверь».

А так начинается знаменитый перевод «Ворона» Михаила Зенкевича:

Как-то в полночь, в час угрюмый, утомившись от
раздумий,
Задремал я над страницей фолианта одного
И очнулся вдруг от звука, будто кто-то вдруг застучал,
Будто глухо так застучал в двери дома моего.
«Гость, – сказал я, – там стучится в двери дома моего,
Гость – и больше ничего».

Поразительно то, что Зенкевич предельно точно придерживается оригинала Эдгара По. Но, оказавшись в другом контексте, стихи начинают звучать совершенно по-иному. Они абсолютно органично вписываются в корпус «акмеистских» запретных текстов, ставших доступными лишь в перестройку. А перевод Зенкевича был опубликован ещё в 1946 году. Он почти не отходит от подлинника, но даже незначительные отклонения обретают дополнительный смысл. Вот начало второй строфы:

Ах, я вспоминаю ясно, был тогда декабрь ненастный,
И от каждой вспышки красной тень скользила на ковёр.

Это первое расхождение. В оригинале тени падают от всполохов затухающих угольков в камине. В варианте Зенкевича камин невозможен.

Невольно поддавшись тревожному ожиданию, заданному первой строфой стихотворения, мы переносимся в жуткую атмосферу ночной Москвы 1937 года. Какой уж тут камин? А откуда тогда вспышки света?

В той действительности они могли появиться только от отблесков света фар подъезжающей машины. Машины, приезда которой с ужасом ожидали каждую ночь, с облегчением вздыхали, когда она проезжала мимо, и теряли надежду, если она останавливалась у подъезда. Вот как вспоминала об этом времени дочь генерального конструктора Сергея Королёва Наталия: «Атмосфера в Москве тогда была действительно жуткой. Арестовывали мужей, их жён и даже взрослых детей. В доме, где было восемь корпусов, не нашлось ни одного

Эдгар По

Эдгар По

подъезда, около которого хотя бы раз не стоял «чёрный ворон».

Ключевое слово произнесено. В народе «вороном», «воронком» называли машины, увозившие арестованных в ночь. Само слово «ворон» приобрело дополнительный зловещий смысл.

Шёлковый тревожный шорох в пурпурных портьерах,
шторах

Полонил, наполнил смутным ужасом меня всего,
И, чтоб сердцу легче стало, встав, я повторил устало:
«Это гость лишь запоздалый у порога моего,
Гость какой-то запоздалый у порога моего,
Гость – и больше ничего».

Эдгар По определял ворона как «птицу дурного предзнаменования». «Ворон» Зенкевича являлся уже осуществлённой метафорой.

Литературная игра закончилась в тот момент, когда иррациональное из области чистого разума перешло в реальность. Надежда Мандельштам так характеризовала описываемое время: «Столкновение с иррациональной силой, иррациональной неизбежностью, иррациональным ужасом резко изменило нашу психику».

Ещё одно значительное отклонение Зенкевича от оригинала – двукратное повторение отсутствующего в оригинале и не употреблявшегося ранее в переводах «Ворона» слова «приговор».

Перенял он это слово от хозяина такого,
Кто под гнётом рока злого слышал, словно приговор,
Похоронный звон надежды и свой смертный приговор
Слышал в этом «Nevermore».

И вновь неожиданно, но закономерно для описываемой эпохи в «якобы» переводном тексте появляется важнейший опознавательный знак – «хозяин». Нет смысла пояснять, кого называли «хозяином» и какими канатами он был связан с конечным приговором.

Тогда и бюст Паллады По вполне логично сопрягается с другим непосредственным атрибутом эпохи – бюстом «хозяина», присутствовавшим практически в каждом доме. И то, что ворон избирает для себя именно этот насест, ещё более концентрированно свидетельствует о времени.

Невольно задаёшься вопросом: умышленно ли Михаил Зенкевич ограничивал хронотоп стиха, обостряя приметы конкретной эпохи, либо сама эпоха заставляла переводчика заявить о себе?

«В сём христианнейшем из миров поэты – жиды», – писала Марина Цветаева. Перевод Михаила Зенкевича совершенно неожиданно не только создаёт образ поэта в эпоху «великих репрессий», но и бросает отблеск на самого Эдгара По, включая его в бесконечный вневременной список «опальных поэтов», о которых Ахматова напишет:

А в комнате опального поэта
Дежурят страх и муза в свой черёд.
И ночь идёт,

Которая не ведает рассвета.

Перевод «Ворона» Михаила Зенкевича считается образцовым и, возможно, лучшим из всех. Это объясняется тем, что, ограничивая историческое время действия, переводчик сумел не только создать неподцензурный документ эпохи, но и расширить наши представления о возможностях классического текста.

И сидит, сидит над дверью Ворон, оправляя перья,
С бюста бледного Паллады не слетает с этих пор;
Он глядит в недвижимом взлёте, словно демон тьмы
в дремоте,

И под люстрой, в позолоте, на полу он тень простёр,
И душой из этой тени не взлечу я с этих пор.
Никогда, о nevermore!

Вот такая патафизика...

Максим Маренков

Самара

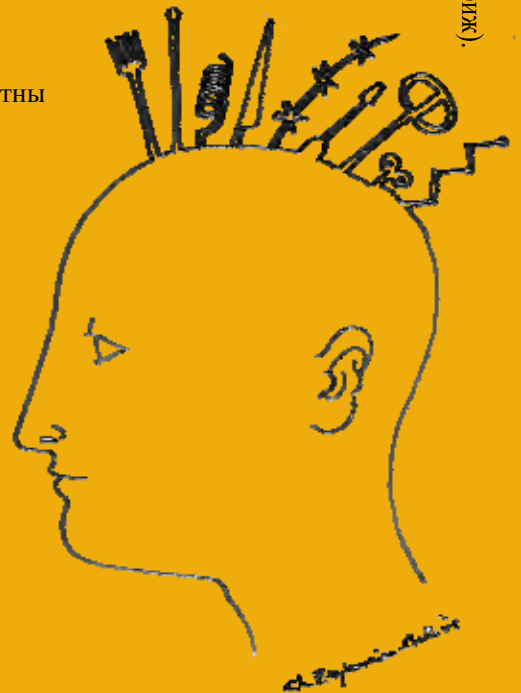
ПО

тридцать первых пассажиров
на тонущем корабле моей души
рассуждали о том
что этот корабль
конечно убог
по сравнению с тем
что они затопили в далеком девятнадцатом
и имя его
Эдгар
Аллан
По

СОСТРАДАНИЕ

я очень переменчив в том
что касается сострадания
бывает
прохожу мимо человека
с раздвоенным черепом
покупаю в ларьке бутерброд
и сажусь рядом есть
а порой
уди по улице
и вижу людей
кто идет с работы
кто на работу
кто в магазин
кто с магазина
сажусь на лавочку
закрываю лицо ладонями
и плачу
потому что прекрасно понимаю
как
все
вы
несчастны

«Инструменты мысли». Рисунок Кристины Зейтунян-Белоус (Париж).

Александр Лысенко

Вена

За-стенки

(Сцены семейной жизни)

Я сбренчал на «Стенвее» «Мурку»,
Ты – что-то в ре-минор из Скарлатти,
Я хожу по Кривоколенному переулку,
Ты – по улице Благодати.

Твоя мысль порхает с цветка на цветок,
Упиваясь искусств нектаром,
А я что-то вечно ищущу между строк
И плачу за то, что даром.

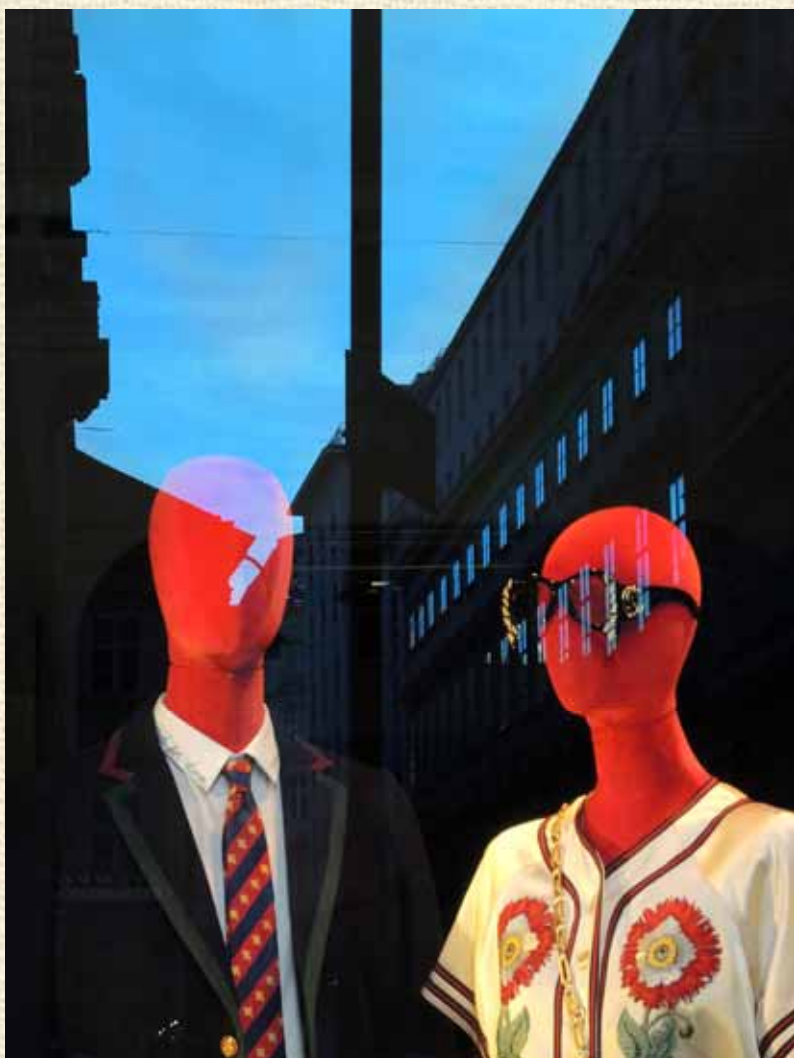
Ты пошила платье из кожи медузы
И глотаешь пилюли от сглаза,
А я пью молоко язвительной музы
И ношу майку из дикобраза.

Твоя поэзия – паутинки тень,
От ветра дрожит и стынет,
А моя – как фанерная мишень,
Пробитая в яблочко и навывает.

«А можно прожить пережитое вновь?» –
Я спросил у знакомой сибиллы.
Ответ был строг: «Не суесловь!
Любовь не имеет обратной силы!»

Ответ не понятен. Спрашивал зря.
Да и по силам ли сердцу задание:
Пропульсировать снова от «А» до «Я»
Через знаки все препинания?

Я – как за каменной стеной за тобой,
Ты за мной, как за фанерной стенкой.
Над нами неба лоскут голубой,
И нам уютно в наших «за-стенках».

«Тайная жизнь манекенов».
Фото Александра Лысенко.

Галина Смелова

Тихвин

Неизбежность

Неуёмная неуёмность

Неуёмно в крови бурлит.

Неуклонная неуклонность

Неуклонно печаль сулит.

Неотвязная неотвязность

Неотвязно терзает слух.

Несуразная несуразность

Несуразно гнетёт мой дух.

Несуветная несуетность

Несуветно томя, зудит.

Незаметная незаметность

Незаметно в груди болит.

Непристойная непристойность

Непристойно вершит дела.

Недостойная недостойность

Недостойно верхи взяла.

Ненасытная ненасытность

Ненасытно добро гребёт.

Неуспешная неуспешность

Неуспешно идёт вперёд.

Некритичная не критичность

Некритична в борьбе со злом.

Неэтичная неэтичность

Неэтично стоит столпом.

Неприлежная не прилежность

Неприлежно царит вокруг.

Неизбежная неизбежность

Неизбежно замкнёт сей круг.

Виктор Клыкков

ДООС – австрозавр
Вена

Закат южного лета

коньячный закат
уходящего летнего дня
коричнево-тёплого цвета
тянет и манит меня
не слабей самого коньяка
наслаждаюсь и пью я закат
так давно позабытого
южного лета.

Summer sunset in the south

The cognac sunset
of the passing summer day,
brown and warm coloured,
tempts and attracts me
not weaker than the cognac itself.
I savour and sip the sunset
of the long ago forgotten
summer in the south.

Цветок в дюнах

Одинокий цветок
на десятки метров
вдруг возник, как мираж,
из песчаной клетки.

В океане песка
искривлён, не высок,
только зелень сочна –
в ней течёт жизни сок.

Бледно-розовый цвет
его лепестков
мне сейчас больше люб,
чем застенчивость губ.

Его дрожь на ветру
всех рекордов ценней,
эта слабость цветка
всего в мире сильней.

Для меня и для всех
благодатный урок –
этот маленький, скромный,
чуть заметный цветок.

A flower in the dunes

A lonely flower
on tens of meters
emerged suddenly as a mirage,
from a sandy cage.

In the ocean of sand
it is bent, isn't high,
only foliage is juicy –
there flows juice of life.

Its petals
of light pink colour
now I love more,
than shyness of lips.

Its shiver in the wind
is worth more than all records,
the weakness of a flower
is stronger than everything in the world.

For me and for all
it's the blessed lesson –
this small, modest,
hardly noticeable flower.

Стихи на русском
и английском

Я – I

Сергей Тенятников

Майорка

Мы шли поодиночке и гурьбой

мы шли поодиночке и гурьбой.
попарно шли, как дети, за руки держась,
не выпуская спин из виду.
шли рядом – мы возвращались из кино,
не отличая ложь от луж.
мы шли за человеком в жёлтом кожаном пальто,
след в след, в колени загоняя мысли.
мы шли. он растворился в осиновой толпе.
сорвался голос – жёлтое пятно
с солнцем слилось.

Wir gingen einzeln und in Scharen

wir gingen einzeln und in Scharen,
paarweise, wie die Kinder Händchen haltend,
und jeder hielt den Vordermann in Sicht.
wir gingen, wir kamen aus einem Kino
und sahen zwischen einer Lücke und
der Lüge keinen Unterschied.
wir folgten einem Mann im gelben Ledermantel.
wir folgten seiner Spur, Gedanken in die Knie jagend.
wir gingen. er löste sich im espenen Getümmel auf.
die Stimme wurde heiser, der gelbe Fleck – mit der Sonne eins.

Возвращение

мысль возникает так же
как крик сужается
мёртвая хватка камня
рождает змею-ужика
и тропа обрывается
где скелет зверя
врос в траву
Родины

Heimkehr

der Gedanke entspringt genauso
wie sich der Schrei verengt
der Würgegriff des Steines
gebiert das Natternjunge
und der Pfad reißt ab
wo das Gerippe des Tieres
ins Gras der Heimat
gewachsen ist

Стихи на русском
и немецком

Я – Ich

I. Танцплощадка

Воспоминания о танцплощадке в Ялте

Тебя у круга танцевального,
где одного меня ждала,
я встретил, друга вертикального,
чтоб после смерти не ушла.
И все пульсировали стоя,
сквозной испытывая тряс,
чтобы не дать в себе застою
приземистыми сделать нас.
И круг кручения давали —
разгон в космические дали.
И ты сказала: Рыботряс,
я сплю и вижу вас как раз.
И ты сказала: в круглом мире,
где мы кругами ходим все
в туда-обратной перспективе,
ты будешь тем, кто не в себе
найдет себя — поэта в Рыбе²,
как под землей и на земле
назвали Бога, на заре
повсюду света не вечернего
распространения свечения,
и умножения дорог
всех удлинения за смог.
... И я держал тебя за талию,
ведя из Ялты не в Анталию.
И мы почуяли подъём
Разлуки

2. Изображение рыбы было символом Христа у первых христиан. Такие изображения найдены в катакомбах, где скрывались от преследований первые христиане. /Прим. автора/

IV. Ангел и Пустой корабль

Ангел

... И был путеводитель Ангел,
в открытом море жизни, флагман,
мне дан, чтобы за ним держался
я на плаву, — моя Наташа.
... Отзовись, скажи, куда ты делась.
Господи, возьми мою дебелость,
научая видеть в неземном
то, что есть и будет после ком.

Пустой корабль

Я в море плыл безветренным и тихом.
Я плыл один на корабле пустом.
Летать куда не стало «Су» и «МиГам»,
все цели улетели, с «молоком»
небесным встретясь, и исчезли, тая,
на той дороге, где не видно края
и где стрелки. узнали: в круговом
пространстве с вертикалью и стволом
по кругу движется ствола прямая,
двойная, в обе стороны сквозная,
начало свесть готовая с концом...
Я был один на всей земле жильцом,
зачем я здесь и делать что, не зная.
Подрагивала палуба, машина
работала сама, винты кружила
без устали, и двигала корабль...
И с небосвода не спускался трап.

Ольга Борисова

Самара

НА ЦЕФЕРБЛАТЕ ВРЕМЕНИ...

На циферблате времени сплетаются века.
Уходят в невозврат былые поколения.
Уносит память краткую безводная река,
А маятник стучит... другим для наставленья.

Теряется в безвремие народов пришлых след.
Сокрыты от людей миров иных секреты.
Но иногда из млечности во сны слетит привет,
Пичугой Гамаюн с неведомой планеты.

КАРА-ТОБЕ

Идем мы степью без дороги,
Шумят о чём-то ковыли.
О травы путаются ноги,
Дорожный плащ в седой пыли.

Мой проводник (он местный житель),
Суровый, видимо, старик,
Останков крепости хранитель,
Здесь в тайны прошлого проник.

И он поведал мне секреты,
Что отыскал в слоях земли:
«И мы исчезнем в водах Леты,
Как и других они смели...»

А вот и скифское селенье.
Ступени, замок, задний двор.
Пустые сакли в отдаленье
Увидел мой пыливый взор.

В них жизнь текла в былое время,
Огонь искрился в очагах...
И выносило стойко племя
Осаду пришлого врага.

И сквозь века я слышу стоны,
И свисты стрел, и грозный рёв...
И вдовый плач... И крик вороны
На месте гибельных боёв.

Здесь каждый камень у порога
Обтесан сотнями сапог.
И нам поведал бы о многом,
Когда б слова изречь он мог.

Брожу по тропкам городища,
Он столько видел за века...
И по останкам пепелища
Течет-течет времен река.

Карра-Тобе (тюрк.) – чёрный холм.

Галина Свинцова

На отъезд дочери

Умчалось молодое божество,
оставив нас с тобой в пустыне дома.
И нашей нежности придется долго
шенком потерянным обыскивать его –
холодным носом тыкаться в углы,
искать уныло в зеркале настенном
подсмотренные им девичьи сцены,
где жесты безыскусны и милы!

Скулить над белым скомканным цветком
забытой блузки, заселившей кресло,
над обронённым в спешке ободком
серебряным...

Под пыльным потолком
в просторной комнате внезапно стало тесно
от этой тишины и пустоты.
Хотя детали сообщают нечто:
вот тут она небрежна и беспечна,
а тут – с пером и с вечностью на ты...

Здесь что-то не дошито впопыхах,
и в кружевах запуталась иголка –
нам видится агатовая челка
и целый мир в распахнутых глазах.

Не только мы – гитара у стены
взгрустнула, вспоминая лепет пальцев...
А за окном растянута на пальцах
пергаментная тайнопись луны.

А за окном над маревом листвы
такая необъятность небосвода!
И обещает лётная погода
счастливый путь от Праги до Москвы.

Через пространство молодой рукой
нам машет наша дочка и подруга.
А мы, вздыхая, нюхаем подушку –
духами пахнет и её щекой...

2004 г.

Фото Александра Лысенко (Вена).

БАРАБАШКА

Поезд приближался к Москве. Подлипки... Мытищи... Она смотрела в убегающую даль.

«Скоро, скоро я буду дома. Домой, домой... Акимович, небось, ждёт... на перроне».

...Приехали. Чемодан, сумка, плащ. Ничего не забыла. К выходу образовалась длинная очередь.

«Где же он?»

– Миленькая моя, миленькая!

– Привет.

Она подумала: «Он как будто стал ещё меньше. Если бы он не умел говорить, я бы его не заметила». Его большие, навывкате, глаза, наполнились слезами. И весь он был такой несчастный и потерянный.

– Миленькая, дай я посмотрю на тебя. Не верится. Накопец-то!

– Пойдём, пойдём домой. Я устала. Я очень устала...

«Ну вот, я и дома», – вздохнула она.

– Закрой дверь, хорошо закрой.

Сняв туфли, она вошла в комнату и... остолбенела. Затем закричала:

– О боже, что это!? Иди сюда немедленно! Что это? Откуда? С помойки? Из подъезда?

– Это?.. Это – ковёр.

– Какой ковёр? Ты что, мою квартиру хочешь в улицу превратить?

Она замахала руками:

– Убирай, немедленно убирай! Боже мой! Один цемент!.. Не пыли. Сколько лет по чужим антресолям лазил, никак без пыли не можешь! О-о!..

– Сейчас, сейчас, – Акимович засуетился.

– А здесь что? На балконе тоже? Убирай, убирай! Я так и знала, нельзя тебя одного оставлять. Что ты сделал с моей квартирой! А это что? Что?! Где мой цветок? Ты загубил мой любимый цветок... Я спрашиваю, где мой цветок?.. Как сгнил? Как выбросил?.. О, господи! Как ты мог? Это же цветок моего сына. Это... это его память. Наглец! Наглец! Барабашка несчастная. Кто тебя прислал на мою голову?

– Но ты же сама меня и вызвала. Забыла? Увидела мой портрет в журнале. Я ведь тогда был молодой и красивый.

– Без разницы... Зачем тебя оставили здесь? Ты должен порядок блюсти. Меня оберегать, а ты?.. Чем ты здесь без меня занимался?

– Повесть писал.

– Какую повесть?

– Про нашу грёбаную жизнь. Про беспредел. Про наши коррумпированные власти.

– Дурак! Живёшь себе тихонько и живи, не высовывайся. Что ты понимаешь в политике. Писатель! Академик! Книгоноша хренов! Не зря тебе на родине при жизни в библиотеке стенд открыли.

– Ох, приехала моя, узнаю... Я так и знал, так и знал, влетит мне из-за этого ковра.

– Это моя квартира, барабашка. Понимаешь? Моя...

– Понимаю, миленькая, понимаю, но я-то думал, может, тебе понравится...

И глаза его снова наполнились слезами.

– О-о, какой же ты...

– Что, теперь ты меня выгонишь? Как же, как же я буду без тебя? – тихо проговорил он.

– О-о, что мне делать? Откуда ты взялся?

– Из Переделкино.

– Что ты там делал?

– Повесть писал... Нас там много было. Союз развалился, и нас разогнали. Вот пристроились, кто как. Больше всё по одиночим. Мы любим одиноких.

– За что это вы их любите?

– Они слушать умеют... Я люблю тебя, миленькая, – голос его задрожал.

– Ладно уж. Только не мешай мне, не шебурши. Вон на балконе письменный стол. От сына остался, пиши... свою повесть. И ничего больше не приноси в дом, своего барахла хватает.

– Спасибо, миленькая. А можно я от друга книги принесу?

– Нет, нет, ничего.

– Я только...

– Нет! О-о!..

– Всё, всё, не буду.

Голос его звучал всё увереннее.

– Так, миленькая моя, традиционный вопрос: ты покушала?.. Ложись спать, долго не засиживайся... Женщина должна выспаться.

– Ты же шебуршишь по утрам, спать мне не даёшь.

– Я?.. Что ты, миленькая. Я как мышка...

– Всё, всё, иди, мышка. Ха-ха...

Проснулась она от стука, прислушалась.

Снова стукнуло на балконе. Насупав рукой мобильный телефон на журнальном столике, приоткрыла глаза.

– Пять часов утра... Ох...

Страшно хотелось спать. Кто-то зашуршал бумагой... У-у, барабашка несчастная. – И, сунув ноги в тапочки, вышла на кухню.

Вскоре по квартире разнёсся запах свежесваренного кофе. Она вошла в комнату и, приоткрыв дверь на балкон, сказала:

– Акимович, не пора ли завтракать?..

Рисунок Владимира Миюшевского специально для ЛЮ.

Стихи о счастье и Бег к Миру

В московском издательстве «ПрессКлубСервис» не так давно вышла краткая антология мировой поэзии «Стихи о счастье: классики и современники». Этот сборник – оригинальная авторская работа с особо подобранными произведениями и комментариями составителя к каждому из 119 представленных в книге авторов. Создал необычную антологию смоленский поэт, автор и исполнитель песен **Юрий Москалёв**. В предисловии он пишет: «В эту книгу вошли стихи, выражающие надежду, жизнерадостность, упоение красотой, любовь к миру, вдохновение, стремление к гармонии и совершенству, добросердечие, чистоту, интуитивные прозрения и духовные откровения.... стихотворения, написанные в разные эпохи, в разных странах, разными авторами и в разном стиле».

Юрий Москалёв провел музыкально-поэтические встречи в поддержку этого сборника более чем в 20 крупных городах, находящихся друг от друга на тысячи километров: в Калининграде, Минске, Уфе, Миассе, Екатеринбурге, Астане, Караганде, Кустанае, Алматы, Бишкеке, Ташкенте, Актюбинске, Самаре, Ульяновске, Москве, Санкт-Петербурге... В наши дни, когда книги даже самой изысканной поэзии, не находя распространителей, не доходят до своих потенциальных читателей, поэтические туры по городам и весям, – пожалуй, удачный ответ на вопрос: «Что делать, чтобы о новом издании узнали не только друзья и родственники издателя?» Но на вдохновенный призыв «В путь, друзья!» всегда возникает другой вопрос: «А где взять деньги на этот путь?»

выбранный поэтический проект и радостная готовность по стране. Читателям «Журнал ПОэтов», будут интересны детали, без которых «машина» не завелась бы..

◆ – Вот детали. 700 экземпляров антологии «Стихи о счастье: классики и современники» я смог выпустить, бросив клич в интернете: братья и сёстры, друзья и сочувствующие, соберём вместе на книжку про счастье, на её дистрибуцию; кто может, кто сколько; верну до копеечки книжками и даже купюрами (если вы мамы кормящие)...

Счастье не мегазвезда, но существо оно вполне людьми почитаемое, поэтому на моей сберкарте появилась сумма, необходимая для выпуска книги. Затем я разработал маршрут, навёл в интернете и через знакомых справки о библиотеках, литераторах, авторах-исполнителях песен, расположенных по маршруту. Затем стал писать, звонить, договариваться о залах и встречах, рассылать афиши... Порой мне удавалось приехать в тот или иной город заблаговременно, чтобы собственноручно прикрепить афиши в учреждениях, куда наверняка приходят любители и создатели поэзии, а также просто на людных улицах. Так, например, в Москве поместил афиши в Литературном институте им. Горького, Союзе писателей Москвы, Союзе писателей России, на гуманитарном факультете МГУ, в Архитектурном институте, в Институте журналистики, у стены Цоя на Арбате, вокруг Пушкинской площади, рядом с книжным магазином «Библио-Глобус» (метро «Лубянка»), в других местах. Сто афиш было развешено (на цементных столбах, разумеется, аккуратно тонким скотчем афиши крепил, чтобы не пачкать столбы клеем). Такая афишная работа важна. Ошибочно думать, что проинформировать целевую аудиторию в интернете достаточно. Интернетные люди порой настолько привыкают к виртуальному духу, что уже и не хотят отвлекаться от него на живой звук.

Отойду, с вашего разрешения, от темы, чтобы со страниц «Журнала ПОэтов» обратиться с предложением: пусть будет общенациональный поэтический конкурс (с денежными призами), который попросит поэтов страны продолжить строку: «Я вышел из чата!» Уверен, много стихотворений, призывающих нас иногда переводить взгляд от электроники к живым людям, природе, небу, солнцу и звёздам, помогут понизить степень виртуальности общественного сознания. Много раз я наблюдал, что человек принимает решение пойти на мероприятие, просто случайно увидев афишу. До этого он, возможно, даже никогда и не посещал поэтические вечера, хотя и любит писать или читать стихи. Вот идёт человек по улице, возможно, он только что поссорился, как говорится, со своей второй половиной, а тут яркий заголовок попадает на глаза: «Стихи и счастье». «Вот что мне сейчас

ДИАЛОГ

И Журнал ПОэтов – Юрий Москалёв

● – Юрий, как вам удалось за полгода выступить в таком большом количестве городов, столь удалённых друг от друга?

◆ – Секрета никакого нет. Я принадлежу к той категории людей, которые при дилемме: «Купить новый диван или пуститься в дорогу?» – неизменно выбирают дорогу. К сожалению, я не могу позволить себе и то, и другое одновременно. Так что и в данном случае я решил потратить все свои сбережения на то, чтобы распространить выпущенный тираж, а не на покупку какого-нибудь нежнейше-мягкого итальянского дивана, из сладчайшего утопания в котором не выбраться, потому что не возникает желания выбраться. Я бы хотел, конечно, поменять всю свою старую мебель, но путешественник и поэт во мне сильнее оседлого мещанина, влюблённого в комфорт. Короче говоря, всё просто: работаешь, накапливаешь деньги, а потом берёшь отпуск за свой счёт, чтобы показать волнующие тебя стихи в других городах. В моём случае дело облегчается ещё тем, что я не семейный человек. Семейная жизнь, подразумевающая ответственное воспитание детей и всё такое, – это призвание. Творчество и манифестация плодов творчества (как правило, не приносящие никаких финансовых плодов) – это тоже призвание. Лет двадцать семь назад я увидел, что у меня есть призвание к творческой активности, и нет к семейной. Так что для меня не является трудной задачей – выехать из своего родного Смоленска на неделю, на месяц или даже больше. Моё сердце любит моё место жительства, но не привязано к нему.

● – Вы показываете общую картину, как можно путешествовать ради популяризации поэзии: бескорыстие, вера в

надо!», – восклицает страдалец и приходит на вечер. В Москве, в библиотеке им. А.П.Чехова, зал был заполнен слушателями, и многие пришли по афишам.

А что касается бытовой стороны дороги (проживание, питание, билеты на транспорт...), то мне в этом очень помогли друзья из факельной эстафеты Бег Мира, в которой я не раз участвовал. Я бежал в такой эстафете от Москвы до Китая, от Астаны до Душанбе, через города Волги в Ставрополь... То есть почти во всех городах этого моего поэтического путешествия «Стихи о счастье» по маршруту Калининград-Минск-Урал-Казахстан-Ташкент-Самара-Ульяновск-Москва у меня есть гостеприимные друзья-однополчане из «Бега Мира», которые были рады и кровом, и хлебом поддержать меня и даже, нередко, билет в следующий город покупали.

● – Бег Мира? Вы еще и бегун? Что это за мероприятие?

◆ – Да, я марафонец. У меня за плечами около 60 соревновательных марафонов (бег на 42 км 195 метров), сотни соревнований на стайерские дистанции и несколько ультрамарафонов, среди которых хотел бы выделить шестисуточный бег в Нью-Йорке, во время которого я преодолевал в среднем около 80 км в день. Эстафета «Бег Мира Дом Единства» (Peace-Run Openess-Home) чем-то напоминает Олимпийскую эстафету. Бежишь с факелом, через несколько километров передаёшь его другому бегуну, он следующему. Но в отличие от Олимпийской, которая слишком известна и поэтому не может порой уйти от накала политической борьбы, в этой эстафете может участвовать любой человек, а не только знаменитые спортсмены, которых тщательно охраняют. То есть по условиям эстафеты «Бег Мира» любой человек может присоединиться к бегунам в любой точке маршрута. Когда я бежал от Москвы до Китая, а это длилось три месяца по витиеватому маршруту длиной 9 тысяч километров, с нами захотели пробежаться, прикоснувшись к факелу, около двадцати тысяч человек. Это международная эстафета и в ней уже поучаствовало свыше 150 стран.

Впервые она стартовала на площади Хаммаршельда у штаб-квартиры ООН в Нью-Йорке в 1987 году по инициативе великого индийского поэта и философа Шри Чинмоя, сказавшего так: «Мир на земле начинается с покоя в наших сердцах... Мир на земле может быть достигнут, открыт и проявлен, когда в каждом человеке сила любви займёт место любви к силе... Мир – это не просто отсутствие войны. Мир – это присутствие гармонии, любви, удовлетворения и единства».

В нашу страну эстафета пришла, после встречи Михаила Горбачёва с инициатором в 1990 году (и в дальнейшем, вплоть до ухода Шри Чинмоя за занавес вечности в 2007 году, они много встречались и переписывались). За годы развития этого проекта его поддержали тысячи известных личностей: Мать Тереза, Далай Лама, Римский Папа, Нельсон Мандела, принцесса Диана, Пол Маккартни, Ирина Роднина, Владимир Спиваков, Борис Гребенщиков... Космонавт Геннадий Стрекалов, побывавший в космосе пять раз, брал факел на орбитальную станцию «Мир», чтобы передать американским астронавтам...

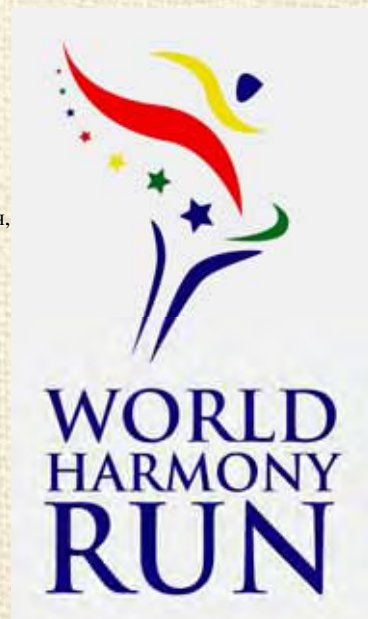
Я узнал о «Беге Мира» в 1992 году и испытал вдохновение не только участвовать, но и организовывать пробег по нашей стране, получая богатый опыт общения с людьми, впечатлений от путешествий... В этот период я начал писать песни и стихи. Помню, в 1995 году в Бурятии при подготовке пробега Монголия – Новосибирск за один месяц я сочинил песен на целый альбом, который назвал «Нирвана и паровоз», написанной в стиле ленинградского рок-клуба (в ютубе есть этот видеоклип). Этот альбом позволил мне выступать с сольными концертами. У меня вообще бег и стихи очень часто идут вместе. Не тематически, конечно, а как-то по-другому. Песнями и стихами я освобождаю психику от напряжения,

возникающего от интенсивной физической нагрузки, а физическая нагрузка в свою очередь подталкивает меня к творчеству, освежая мозг и давая некое сильное соприкосновение с духом и энергией природы. Как-то я возвращался с работы домой в душном автобусе и решил выйти из автобуса пораньше на пару километров, чтобы просто проветриться бегом трусцой до дома. Слегка пробежавшись, я почувствовал, что сердце тает от вечерней красоты и я застыл от этого сияющего во мне переживания. А потом стало рождаться стихотворение...

Проветриться,
я просто вышел проветриться
в прохладу июньского вечера,
в кленовые блики закатные
окрашены, нет, не неонем,
не фонарём, не закатом,
и в благозвучие тихое.
Вдруг стало мне будто мерещиться,
что лужицы, стены панельные,
стоянка, бордюр тротуара
а светом каким-то нездешним.
Я замер, и радость пронзила
От пят до макушки; звучала,
звала в запредельное песня...
Ах, кто я? Зачем я, откуда?
В чём смысл, что сердце бессонно
стремится из рёбер на волю,
а время не ждёт и мгновенья –
бежит от всего в бесконечность?
Ах, что это я? Заглушает
слеза приглашение свежести
в закате и в клёнах проветриться,
просто проветриться...

И потом во время шестисуточного пробега, когда я проходил через эту невыносимую для меня физическую нагрузку (в последние сутки соревнований я вообще не ложился спать, преодолел более ста километров!) я много-много раз декламировал это стихотворение про себя и вслух, добиваясь этим чтением не только обезболивания, но и какого-то очень одухотворённого счастья. Это своеобразная аскетическая духовная практика. После тех шестисуточных соревнований я сочинил совершенно неожиданное для себя стихотворение, которое назвал «Аскеза». За год до этого я гостил у друзей в предгорной местности. Там было прохладно и красиво, и мне захотелось написать что-то про горы. Однако дальше первой строки «Я жил тогда в горах...» дело не пошло. А вот после шестисуточного самопреодоления на беговой трассе я быстро развил эту строку «Я жил тогда в горах...» и очень удивился: я ведь никогда не вёл жизнь аскета на горных высотах, но, по всей видимости, в процессе бегового самопреодоления получил похожий опыт, выразившийся через традиционную картинку в стиле Николая Рериха...

Я жил тогда в горах,
открытым сердцем встречая высоту и колкий ветер,
не замечая иней на ресницах и висках,
сверкающий в закате и в рассвете.
Остывший мох камней
да талая вода – мне было безразлично пропитанье.
Желаннее и подлинно важнее
мне были тишина и созерцанье
блистающих вершин,
луны и далей, искристых водопадов и кипящих рек,
грохочущих, клубящихся лавин,
прозрачных облаков, плывущих в вечный снег.
И было всё равно,
какой сезон, кто правит во дворце и что поют в эфире.
С покоем сердце было заодно
и все противоречья пребывали в мире.

Игорь Балюк

ДООС – украинозавр

.....кар
.....и говорит
.....вверх
.....ворон
летит
лети
.....ворона
.....вниз
.....говорит
.....рак
.....не летит
.....ворона
.....вниз
.....не говорит
.....кар
.....рак ПОЛЁТ
.....говорит ему
.....вверх
.....ворон
.....не лети
.....кар
.....не говорит
.....вниз
.....не летит
эму
эму
.....не лети
.....вверх
.....не говори
.....рак

ПОЛЁТ
ПОЛЁТ

летит ворон вверх и говорит кар
лети ворона вниз говорит рак
не летит ворона вниз не говорит кар
не лети ворон вверх не говорит ему рак
эму не летит вниз не говорит кар
эму не лети вверх не говори рак

Зинаида Варлыгина

Кострома

* * *

Есть слуховые галлюцинации,
Есть рифмовые галлюцинации.
И что серьезней – ещё надо разобраться...

Поэзия – лишь галлюциноген
Для рифм, летающих по веточкам антенн.

Вот пролетела рифма по диагонали –
«Что, не узнали?
Заглядывала к разным я поэтам.
Ответа нету...»

Я – рифма. Я летаю – не поймашь.
Улыбку свистнешь – небо протаранишь.
Я рифма-призрак. Рифма-сон Мечты.
Меня не понимаешь ты...

* * *

Впустите в Москву меня, в шестидесятые!
Я – им ровесница, тогдашним, звонким.
Хочу туда, где рифмами крылатыми
Шуршат подпольные магнитоплётки.

Где живы все они, такие непохожие,
Как звёзды ночью в суете космической,
Поэты – не случайные прохожие,
Поэты – звёзды Политехнического.

Пусты там улицы, сейчас забытые
Автомобилями и гастарбайтерами.
Где вы, поэты? Вы все убитые
Временем новым да ранами старыми.

В Москву впустите! Туда, в то время,
На киноплёнках ещё светящееся.
Но – невъездное моё поколение
В поэзию прошлого и настоящего...

10 июня 2004

1 апреля 2017

Как стать участником Фестиваля

1. Стать участником Конкурса Фестиваля <https://1drv.ms/w/s!AmHL4PVsTBqff7OeceAFjj5lq2Q>
2. Получить приглашение от оргкомитета фестиваля.

Программа <https://1drv.ms/w/s!AmHL4PVsTBqfd9gpCr6HКаp8HTw>
Положение <https://1drv.ms/w/s!AmHL4PVsTBqfzjsTN9Ice3rjWE>
Сайт liff.t.az

Адрес: Азербайджан, А24001, г. Губа, ул. Ю. Гасымова, 66
 Тел.: (+994 50) 666-60-33 / (+994 50) 666-60-44 / (+994 50) 273-24-18
 Email: reservation@shahdaghotel.az
 FB: ShahdagQubaHotel / Instagram: shahdaghotel
SHAH DAG QUBA shahdaghotel.az

Журнал Поэтов ДООС
№ 1-2 (81) 2019
«Поэзия – вершина бытия»»

Учредитель и издатель
 ООО ДООС
 Гендиректор Маргарита Аль

Главный редактор – доктор философских наук Константин Кедров
 Зам. гл. редактора – Маргарита Аль
 (+7(926)524-56-62)

Редакционный совет:

Е.Кацуба – ответ. секретарь, арт-директор; С.Бирюков, доктор культурологии (Германия), поэт;
 А.Бубнов, доктор филологических наук (Курск), поэт; В.Вестстейн, профессор (Нидерланды); А.Городницкий, доктор геолого-минералогических наук, поэт, бард (Москва); Э.Гусейнов, кандидат исторических наук (Москва);
 А.Кудрявицкий, кандидат медицинских наук, поэт, прозаик, переводчик (Ирландия); В. Нарбикова, прозаик (Москва); А.Такеда, профессор (Япония), поэт.

Идея журнала и творческая концепция – группа ДООС (Добровольное общество охраны стрекоз) при участии Русского Пен-клуба, при поддержке Региональной общественной организации «Центр современного искусства».

Логотип – Андрей Врaдий
 Макет – Елена Кацуба.
 Верстка – Николай Лазарев.
 На 1-й и 4-й стр. обложки картины К.Кедрова и Н.Грицанчука.

Издание зарегистрировано в Роскомнадзоре РФ
 Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-63353

Номер подписан в печать 30.06. 2019 г.
 Тираж 500 экз.

Адрес в интернете:
<http://litlife.club/UserBooks/?UserId=191742>
 E-mail: jurnalpoet@mail.ru

© издательство ДООС
 © редакция Журнала Поэтов ДООС

ISSN 2414-2425

19 лет
спустя

21 МАРТА 2019
15.00
20-й Всемирный День Поэзии ЮНЕСКО
Галерея АЗ
группа ДООС
ТЫ ВСЁ ПЕЛА? – ЭТО ДЕЛО

Маргарита Аль, Константин Кедров

Елена Кацуба, Кристина Зейтунян-Белуос

Руководитель галереи Владимир Иванов

Вячеслав Куприянов

Игорь Дулинский

Света Литвак

Кира Сапгир

В финале праздника ДООСовская катавасия. Слева направо: Ольга Ильницкая, Людмила Вязмитинова, Герман Виноградов, Кристина Зейтунян-Белуос, Алексей Чуланский, Маргарита Аль, Кира Сапгир, Константин Кедров, Елена Кацуба, Александр Карпенко.

Еще я не договорил
еще я не дотолковал
Архангел белый Михаил
архангел красный Гавриил
в трубу небесную играл
А ты регистров светлый ряд
лови глазами и лаской
пока небесный звездопад
не перельется через край
Пока летит к тебе луна
ты продолжай благую весть
ведь все равно твоя вина
совсем не та
какая есть
и даже смерть совсем не та
которой ты умрешь – замри
с летящим небом изо рта
и небом огненным внутри
Твоя небесная игра
продолжит здешнюю игру
и будет черная дыра
трубить в небесную трубу

Константин Кедров
1983